947.07
Б-631

ский
очерк ген.-фельдм.
П. М. Волконского

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ

обозначенного здесь срока

Зак. 4226. Утильцех 1-й Образцовой тип. Москва

Московская Центральная
Публичная Библиотека

PARIS

Ко
п 34 г.
На домъ не выдается

Біографическій Очеркъ

Генерала-Фельдмаршала

Свѣтлѣйшаго Князя

Петра Михайловича

ВОЛКОНСКАГО.

(1776—1852 г.г.)

5524 49 г.
947.07
Б631

1 вкл. л. - порт.
2 вкл. л. - илл.

Центральное Книгохранилище Моск. Обл. Б-ки
Московская Центральная Публичная Библиотека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Типографія А. Ф. Штольценбурга, Моховая, 37.
1914.

Щитъ на гробницѣ ген.-фельдмаршала кн. П. М. Волконскаго, со знаменательной датой взятія Парижа.

Московская Центральная
Публичная Библиотека

Появленіе въ печати настоящаго краткаго біографическаго очерка генерала-фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Петра Михайловича Волконскаго, объясняется желаніемъ его потомковъ собрать воедино довольно многочисленныя свѣдѣнія объ этомъ дѣятелѣ, нынѣ разбросанныя по разнымъ печатнымъ произведеніямъ, а также напомнить русскому обществу въ столѣтнюю годовщину торжественнаго вступленія русскихъ войскъ въ Парижъ, о почившемъ фельдмаршалѣ, первомъ признавшимъ необходимость движенія союзныхъ войскъ на этотъ городъ. До сего времени въ русской литературѣ самостоятельный біографическій очеркъ о князѣ П. М. Волконскомъ отсутствовалъ, если не считать весьма краткихъ замѣтокъ въ энциклопедическихъ словаряхъ, некрологовъ въ старыхъ журналахъ и газетахъ, и жизнеописанія, составленнаго А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ. Блестящее перо этого лѣтописца героической эпохи новѣйшей русской исторіи, изобразило довольно полно и ярко обликъ Петра Михайловича, и притомъ написано это жизнеописаніе величавымъ языкомъ. Однако со времени его составленія прошло болѣе шестидесяти лѣтъ, въ теченіе которыхъ было напечатано огромное количество матеріаловъ, естественно оставшихся неизвѣстными Михайловскому-Данилевскому; кромѣ того, этотъ авторъ былъ невольно связанъ въ своихъ сужденіяхъ тѣмъ, что составлялась

имъ біографія Петра Михайловича еще при жизни послѣдняго.

Издаваемый нынѣ очеркъ, при своемъ небольшомъ объемѣ, лишь вкратцѣ передаетъ главнѣйшіе эпизоды изъ жизни князя Волконскаго, столь богатой событіями, и знакомитъ лишь въ общихъ чертахъ съ заслугами, оказанными имъ русской арміи и Россіи.

I.

Происхожденіе. — Вступленіе на службу. — Служба въ л.-гв. Семеновскомъ полку. — Назначеніе адъютантомъ къ Наслѣднику Цесаревичу.

„Богу извѣстно, что я служилъ Царю не только, какъ Императору, но и какъ другу....“

Изъ письма П. М. Волконскаго (Р. Ст., 1904, I, 201).

Свѣтлѣйшій князь Петръ Михайловичъ Волконскій принадлежалъ къ древнему княжескому роду Рюриковичей, и велъ свое происхожденіе отъ князя Михаила Черниговскаго черезъ князей Торусскихъ. Фамилію Волконскихъ предки его получили по обладанію ихъ наслѣдственной вотчиной на рѣкѣ Волконкѣ.

Прадѣдъ Петра Михайловича, князь Александръ Дмитріевичъ Чермной-Волконскій, родившійся въ 1698 г., служилъ во флотѣ. Дѣдъ, князь Петръ Александровичъ, былъ предсѣдателемъ Рязанской гражданской палаты. Отецъ его, князь Михаилъ Петровичъ, бригадиръ, родился въ 1755 г., умеръ въ 1805 г., былъ женатъ на княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, дочери кн. Петра Васильевича Макулова и Екатерины Семеновны, рожденной Алабердѣевой. 1 Января 1771 г. онъ былъ произведенъ изъ вахмистровъ Конной Гвардіи въ офицеры, а 1 Января 1782 г. изъ ротмистровъ Конной Гвардіи уволенъ въ отставку, за болѣзнью, съ чиномъ бригадира. [1])

Петръ Михайловичъ родился въ С.-Петербургѣ 25-го Апрѣля [2]) 1776 г. и окрещенъ 30 того-же Апрѣля въ Пантелеймонской церкви. Крестнымъ отцомъ былъ его дѣдушка по матери, кн. П. В. Макуловъ. [3])

Воспитывался Петръ Михайловичъ въ домѣ родителей, которые, по его словамъ, „всячески старались отыскивать лучшихъ, по тогдашнему времени, учителей и, по возможности своего состоянія, ничего на сіе не щадили“. [4])

---

[1]) Списокъ шефовъ, полк. ком. и офицер. л.-гв. Кон. п., 81.

[2]) Въ разсказахъ князя Волконскаго, самъ Петръ Михайловичъ указываетъ день своего рожденія на 26 Апрѣля (Р. Стар. 1876, XVI, 176).

[3]) Кн. Волконская. Родъ князей Волконскихъ. Метрическое свидѣтельство подъ № 26.

[4]) Р. Стар. 1876, XVI, 176.

Въ день своего крещенія кн. Волконскій, по просьбѣ своего дяди, князя Дмитрія Петровича Волконскаго, служившаго офицеромъ въ л.-гв. Преображенскомъ полку, былъ записанъ сержантомъ въ этотъ полкъ и получилъ увольнительный паспортъ до окончанія наукъ.

Вскорѣ Петръ Михайловичъ былъ переведенъ унтеръ-офицеромъ въ л.-гв. Конный полкъ, которымъ въ то время командовалъ другъ его отца, премьеръ-маіоръ Ив. Ив. Михельсонъ [1]). Черезъ нѣсколько дней онъ былъ произведенъ въ вице-вахмейстеры, а затѣмъ въ вахмейстеры.

Въ концѣ 1791 г., когда Петру Михайловичу шелъ уже 16 годъ, отецъ пожелалъ. чтобы онъ ознакомился съ настоящею службою и потому, съ разрѣшенія ротмистра Ладыженскаго, сталъ, въ свободное отъ учебныхъ занятій время. нести дѣйствительную службу, которая, по его собственнымъ словамъ, его утѣшала и занимала.

Въ 1792 г. князь Волконскій, по просьбѣ своего дяди, князя Дмитрія Петровича Волконскаго, въ то время командира Московскаго гренадерскаго полка и родственника командующаго л.-гв. Семеновскимъ полкомъ подполковника гвардіи и генералъ аншефа гр. Н. И. Салтыкова, былъ переведенъ сержантомъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ. [2])

1 Января 1793 г. Петръ Михайловичъ былъ произведенъ въ прапорщики, а черезъ годъ въ подпоручики.

Въ этомъ году князю Волконскому пришлось впервые побывать за-границей, исполнивъ служебную командировку. Вотъ какъ она записана со словъ самаго князя Петра Михайловича.

„Въ томъ же году дядя мой, ген.-маіоръ князь Николай Сергѣевичъ Волконскій (впослѣд. ген. отъ инфант., род. 1753 г. † 1821 г.), посланъ былъ въ Берлинъ съ поздра-

---

[1]) Михельсонъ командовалъ Конной Гвардіей съ 5 Марта 1781 г. по 2 Іюня 1788 г.

[2]) Переводъ этотъ состоялся 13 Января 1792 г. (Диринъ. Ист. л.-гв. Семен. полка, II, прил., 11).

вленіемъ къ королю прусскому по случаю женитьбы двухъ сыновей его, наслѣдника престола Фридриха Вильгельма и принца Людвига, на двухъ сестрахъ, принцессахъ Мекленбургъ-Стрелицкихъ; я назначенъ былъ въ должность адъютанта при князѣ Николаѣ Сергѣевичѣ и съ нимъ отправился 10-го Марта черезъ Ригу, Мемель, Кенигсбергъ, Маріенвердеръ, Кульмъ и Кюстринъ въ Берлинъ, куда прибыли, по случаю дурной погоды, лишь 30 Марта 1794 г.

Въ то время находился въ Берлинѣ россійскимъ посланникомъ д. т. совѣтникъ гр. Нессельроде и при немъ два брата Алопеусы.

По прибытіи нашемъ, были мы представлены ко двору для исполненія возложеннаго порученія, потомъ осматривали все достойное примѣчанія въ Берлинѣ, Шарлотенбургѣ, Потсдамѣ и въ окрестностяхъ; часто бывали на смотрахъ и ученіяхъ разныхъ прусскихъ войскъ. Въ концѣ Мая мѣсяца отправились изъ Берлина обратно въ Россію черезъ Ораніенбургъ, Штетинъ, Данцигъ, Кенигсбергъ и Мемель. Въ Ораніенбургѣ оставались нѣсколько дней, по случаю пребыванія тамъ прусскаго принца Генриха, брата Короля Фридриха Великаго.

По невозможности возвратиться въ Россію сухимъ путемъ по случаю бывшей въ Польшѣ революціи, принуждены были изъ Мемеля отправиться водою на россійской военной яхтѣ, подъ командою капитана-лейтенанта Акимова. Бунтующіе поляки не только что убивали всѣхъ проѣзжающихъ черезъ Полангенъ, но даже забирали почту, отправляемую на мелкихъ судахъ изъ Мемеля въ Либаву, что и побудило россійское правительство посылать прямо въ Мемель изъ Риги находившіяся тамъ небольшія военныя суда, какъ для перевоза почты, курьеровъ, такъ и для разныхъ россійскихъ пассажировъ.

Вмѣстѣ съ нами на яхтѣ отправились изъ Мемеля, прибывшіе туда послѣ Варшавской революціи, генералъ-маіоръ Степанъ Степановичъ Апраксинъ, съ супругою,

Катериною Владиміровной, и посланные курьерами въ С.-Петербургъ изъ нашей арміи, находившейся въ Польшѣ, подполковникъ Михаилъ Алекс. Обрѣзковъ и арміи капитанъ баронъ Будбергъ.

Плаваніе наше изъ Мемеля до Риги продолжалось семь дней, по случаю штилей въ первые два дня, потомъ 7-го Іюня прибыли мы въ Ригу, гдѣ, пробывъ нѣсколько дней у Генералъ — Губернатора, генерала-аншефа князя Ник. Вас. Репнина, возвратились въ С.-Петербургъ; я явился на службу въ полкъ, гдѣ вскорѣ назначенъ былъ въ должность полкового адъютанта и исправлялъ оную, по заведенному тогда порядку, понедѣльно, очередуясь съ Христофоромъ Андреевичемъ Ливеномъ, кн. Алекс. Григ. Щербатовымъ и, наконецъ, съ Сергѣемъ Яковлевичемъ Репнинскимъ.“ [1])

Такъ какъ Петръ Михайловичъ былъ занятъ только одну недѣлю въ мѣсяцъ, то три недѣли онъ проводилъ въ деревнѣ у своихъ родителей, въ 80 верстахъ отъ С.-Петербурга.

Въ лѣтнее время, какъ адъютантъ, онъ иногда замѣнялъ маіора и ѣздилъ по воскресеньямъ въ Царское Село съ рапортомъ къ Государынѣ и удостаивался приглашенія къ ВЫСОЧАЙШЕМУ столу.

6 Ноября 1796 г. скончалась Императрица Екатерина II. О первыхъ дняхъ царствованія новаго Императора князь Волконскій пишетъ въ своихъ запискахъ:

„Съ 6-го по 7-е Ноября 1796, послѣ полуночи, собраны были всѣ гвардейскіе полки на своихъ полковыхъ дворахъ для присяги вступившему на престолъ Импера-

---

[1]) Изъ этихъ лицъ впослѣдствіи Ливенъ, будучи генералъ-адъютантомъ, игралъ выдающуюся роль при Императорѣ Павлѣ I и завѣдывалъ Военно-Походною ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріею; эту должность онъ исполнялъ и въ первые годы царствованія ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I; помощникомъ его одно время былъ князь П. М. Волконскій. Щербатовъ былъ впослѣдствіи также генералъ-адъютантомъ; онъ командовалъ 6 пѣхотнымъ корпусомъ, а затѣмъ былъ предсѣдателемъ генералъ-ссудотиріата. Репнинскій же вышелъ изъ полка въ отставку еще въ 1797 г.

тору Павлу I, гдѣ получили приказъ Императора, что Наслѣдникъ престола, Александръ Павловичъ, назначенъ шефомъ л.-гв. Семеновскаго полка. Извѣстіе сіе чрезвычайно обрадовало весь полкъ.

Хотя въ сіе время дежурнымъ по полку адъютантомъ былъ Сергѣй Яковлевичъ Репнинскій, но бывшій у приведенія полка къ присягѣ преміеръ-маіоръ, генералъ-поручикъ В. И. Левашовъ, приказалъ мнѣ быть при относѣ знаменъ изъ полка въ Зимній Дворецъ, куда мы съ нимъ отправились напередъ.

По прибытіи въ Зимній Дворецъ на половину Наслѣдника, В. И. Левашовъ пошелъ къ Его Высочеству и, по выходѣ отъ него, приказалъ мнѣ идти внизъ дожидаться знаменъ, о прибытіи коихъ доложить Наслѣднику.

Сошедъ съ подъѣзда, называемаго тогда Салтыковскимъ, я пошелъ на Дворцовую площадь, навстрѣчу ротѣ; но, увидѣвъ ходящихъ близъ среднихъ воротъ Зимняго Дворца нѣсколькихъ офицеровъ, въ мундирахъ новаго покроя, пошелъ къ нимъ изъ любопытства; каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ самого Наслѣдника, въ 2 часа ночи въ мундирѣ л.-гв. Семеновскаго полка новаго покроя, въ Андреевской лентѣ и шарфѣ по кафтану, и съ нимъ вновь назначеннаго С.-Петербургскимъ Комендантомъ, генерала-маіора Аракчеева, плацъ-маіора Копцевича и плацъ-адъютанта Апрѣлева, разставляющихъ новыя пестрыя будки и часовыхъ. Наслѣдникъ, увидѣвъ меня, подошелъ тотчасъ ко мнѣ, спросилъ мое имя и какого я полка; на мой отвѣтъ сказалъ, оборотясь къ Аракчееву:

— „Это нашего полка“.

Потомъ спросилъ меня, кто капитанъ, идущій со знаменами, и въ правой ли рукѣ несутъ ружья? О капитанѣ я доложилъ, что идетъ съ 10-ю ротою капитанъ Елагинъ о томъ же, какъ несутъ ружья,— не имѣя на то приказанія,— не могъ удовлетворительно отвѣчать и пошелъ навстрѣчу ротѣ о томъ объявить, потому что прежде сего

носили ружья, во всякомъ случаѣ, на лѣвомъ плечѣ; Наслѣдникъ, дождавшись прибытія роты, самъ изволилъ повести меня со знаменами вверхъ въ комнату, назначенную для знаменъ, возлѣ танцовальнаго зала, на половинѣ Императора Павла I, а потомъ отпустилъ насъ домой.

На другой день начались вахтъ-парады въ присутствіи Государя Императора Павла I и Ихъ Императорскихъ Высочествъ, но такъ какъ, по очереди карауловъ слѣдовало вступить л.-гв. Измайловскому полку, то и не почелъ я за нужное быть въ сей день у развода; получивъ потомъ приказъ, чтобы всѣ офицеры всегда приходили на вахтъ-парадъ, началъ и я туда являться каждый день".

Со вступленіемъ на престолъ Императора Павла I, гвардейскіе полки подверглись существенному преобразованію. Сообразно съ этимъ, положено было имѣть въ л.-гв. Семеновскомъ полку одного полкового адъютанта.

По этому поводу князь П. М. Волконскій пишетъ:

„При семъ расформированіи, по новому положенію слѣдовало быть одному только полковому адъютанту, почему и отбирали желаніе у бывшихъ адъютантовъ: кто желаетъ поступить въ сію должность? Всѣ, кромѣ меня, пожелали поступить во фронтъ, а я просилъ оставить меня адъютантомъ и всячески старался привести скорѣе отправленіе моей должности по вновь заведенному порядку, въ чемъ и имѣлъ успѣхъ, ибо 11 числа ноября за отличіе произведенъ въ поручики, оставаясь полковымъ адъютантомъ. При производствѣ меня въ поручики, я тутъ же благодарилъ Государя Императора Павла I, ставъ, по тогдашнему обычаю, на правое колѣно, цѣловалъ руку, а Его Величество изволилъ цѣловать въ щеку; приподнявъ меня, изволилъ сказать:

— „Продолжай такъ служить, служба твоя за мной не пропадетъ".

Хотя въ сіе время морозы были пресильные, но вахтъ-парады производились съ большою церемоніею и продолжались довольно долго. По окончаніи парада,

пароль и приказъ отдавался въ первые дни на дворѣ Зимняго Дворца, потомъ, по случаю бывшихъ морозовъ, приказъ отдавался всѣмъ адъютантамъ въ верху, въ комнатѣ возлѣ конно-гвардейскаго караула, на половинѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ присутствіи Государя Императора, приказъ диктовалъ всегда Наслѣдникъ, по званію своему С.-Петербургскаго военнаго губернатора. Въ одинъ изъ сихъ дней случилось быть дежурнымъ при Его Величествѣ флигель-адъютанту князю Андрею Ивановичу Горчакову, племяннику фельдмаршала гр. Суворова, который никакъ не могъ успѣвать слѣдовать диктаціи Наслѣдника и ничего не написалъ; по заведенному же тогда обычаю, долженъ былъ флигель-адъютантъ, писавшій приказъ, прочитывать оный вслухъ Государю Императору; князь Горчаковъ, подойдя къ Императору, сказалъ Его Величеству на ухо пароль, но, начавъ читать приказъ, остановился, потому что почти ничего не записалъ. Государь Императоръ закричалъ на него:

— „Читай, сударь“.

Князь Горчаковъ, сробѣвъ, совсѣмъ ничего не могъ читать; тогда Государь, оборотясь ко мнѣ сказалъ:

— „Пожалуйте, сударь, прочитайте мнѣ приказъ“.

По счастію моему, я писалъ всегда сокращенно и вѣрно; прочитавъ приказъ, Государь изволилъ поклониться мнѣ въ поясъ и сказалъ:

— „Благодарю васъ, сударь, что замѣнили моего адъютанта, который такъ плохъ, что и читать не умѣетъ“.

Обратясь же къ князю Горчакову сказалъ:

— „Что ты о себѣ вздумалъ, что ты племянникъ Суворова, обвѣшенъ крестами [1]); знай, что у меня крестовъ много въ гардеробѣ виситъ на гвоздикахъ; учись сударь читать и дѣлать свое дѣло“.

---

[1]) У князя Андрея Ивановича Горчакова былъ тогда прусскій орденъ Pour le mérite, данный ему послѣ Прагскаго штурма.

Сказавъ сіе, откланялся всѣмъ, и вошелъ въ комнаты къ Императрицѣ".

Въ 1798 г., весною, князь Волконскій съ полкомъ выступилъ изъ Петербурга въ Москву для присутствія на коронаціонныхъ торжествахъ. Онъ участвовалъ во всѣхъ церемоніяхъ и празднествахъ и былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны. Выступить же обратно съ полкомъ ему не пришлось, такъ какъ онъ заболѣлъ, почему и задержался въ Москвѣ и настигъ полкъ лишь въ Твери.

Такъ какъ шефомъ названнаго Семеновскаго полка былъ назначенъ Великій Князь Александръ Павловичъ, а князь Волконскій былъ полковымъ адъютантомъ, то эта совмѣстная служба положила начало близкимъ отношеніямъ Петра Михайловича съ будущимъ Императоромъ. Л.-гв. Семеновскій полкъ впослѣдствіи даже получилъ наименованіе полка Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Павловича, который входилъ во всѣ мелочи полковой жизни, во всѣ подробности быта полка.

7 ноября 1797 г. Волконскій былъ назначенъ адъютантомъ къ Наслѣднику Цесаревичу, 15 Мая 1798 г. награжденъ орденомъ Св. Анны 3 ст., 24 Апрѣля 1799 г. произведенъ въ капитаны, 27 Мая 1800 г. — въ полковники, а 6 Іюля 1800 г. награжденъ орденомъ Св. Іоанна Іерусалимскаго.

Такимъ образомъ, въ короткое царствованіе Императора Павла I, князь Волконскій получилъ въ рядахъ л.-гв. Семеновскаго полка чины отъ поручика до полковника и, какъ адъютантъ Наслѣдника Цесаревича Александра Павловича, сталъ близко извѣстенъ будущему Благословенному Монарху.

Если принять во вниманіе, что то время было весьма строгое и что за малѣйшую оплошность офицеры исключались со службы, нужно отдать должное стойкому характеру князя Волконскаго, его умѣнью приспособиться къ

тяжелымъ служебнымъ требованіямъ и его упорной работѣ надъ собою. Сближеніе же съ Александромъ Павловичемъ обѣщало князю Волконскому блестящее движеніе по службѣ, когда волею Всевышняго, въ руки любимаго внука Екатерины Великой будетъ вручена судьба Россіи.

Такъ и случилось.

II.

(1801—1811 г.г.).

Пожалованіе чина генерала-адъютанта.—Кампанія 1805 г., награжденіе орденомъ св. Георгія 3 кл. — Командировка за границу.—Созданіе квартирмейстерской части.

Центральная
Московская Центральная
Публичная Библиотека
Воен. Отд. Б-ка

Въ день Св. Коронованія Ихъ Величествъ, 16 Сентября 1801 г., князь Волконскій, имѣвшій чинъ полковника, былъ произведенъ въ генералъ-адъютанты.

Эта награда была отличительная: Петру Михайловичу исполнилось всего 25 лѣтъ и передъ нимъ открывалась широкая дорога. Приближенный къ особѣ Государя въ качествѣ генерала-адъютанта, князь Волконскій сохранилъ во все царствованіе Императора Александра I его расположеніе.

По этому поводу Августѣйшій знатокъ Александровской эпохи пишетъ:

„Онъ, и онъ одинъ, кромѣ „безъ лести преданнаго“ графа (Аракчеева), оставался безсмѣннымъ другомъ и спутникомъ Александра. Князь былъ дѣйствительно и въ полной мѣрѣ довѣреннымъ лицомъ Монарха до самой кончины его въ Таганрогѣ. Но свойства характера этого человѣка были таковы, что пріятно дополняли сложныя черты души его Державнаго друга. Привѣтливость, ровность, преданность, откровенность, но въ мѣру, подчасъ проявленіе неудовольствія, но всегда своевременныя,—всѣ эти качества сдѣлали изъ князя Петра Михайловича образцоваго царедворца и незамѣнимаго министра двора, служебныя обязанности коего свѣтлѣйшій несъ до самой своей кончины, т. е. до 1852 г., получивъ нежданно на закатѣ дней фельдмаршальскій жезлъ. Въ заслугу ему можно поставить тѣ чувства, которыя онъ питалъ къ Аракчееву, ненавидя и презирая его глубоко и ничуть не скрывая этого. А между тѣмъ эти два человѣка жили рядомъ, бокъ о бокъ, въ теченіе стольких лѣтъ и вмѣстѣ пережили столько событій.“

Въ 1802 г. Волконскій въ числѣ другихъ лицъ (графа Кочубея, графа Ливена, графа Толстого, Новосильцева и

Виллiе) сопровождали Государя въ его поѣздкѣ въ Мемель. Со временъ Петра Великаго это былъ первый выѣздъ русскаго Государя въ чужiе края.

Отъѣздъ состоялся изъ Петербурга 20 Мая. 24-го Мая Государь съ сопровождавшими Его лицами прибылъ въ Ригу [1]), оттуда 26 Мая выѣхалъ въ Митаву, а затѣмъ въ Мемель [2]); изъ Мемеля Государь со свитою уѣхалъ 4 Iюня обратно въ Петербургъ черезъ Ковно, Вильно, Гродно, Минскъ, Могилевъ, Витебскъ, Полоцкъ и Псковъ.

Какъ генералъ-адъютантъ Императора, не имѣвшiй никакой строевой службы, Волконскiй состоялъ при Военно-Походной Канцелярiи Его Величества, которою въ первые годы царствованiя Александра I управлялъ генералъ-адъютантъ Ливенъ. По словамъ Шимана, „князь Волконскiй вскрывалъ пакеты въ присутствiи Императора и прочитывалъ ихъ, а Государь диктовалъ резолюцiю графу Ливену, отправлявшему эти приказанiя отъ имени Императора.“ [3])

Однако въ послужномъ спискѣ князя Волконскаго этой его службы не отмѣчено.

На театръ военныхъ дѣйствiй въ 1805 г. Государь выѣхалъ изъ Петербурга 9 Сентября. Князь Волконскiй въ числѣ очень немногихъ лицъ (кн. Ад. Чарторiйскаго, гр. Ливена, камерг. Новосильцева) сопровождалъ Государя и въ этомъ путешествiи [4]). Путь слѣдовалъ на Витебскъ, Оршу, Могилевъ, Минскъ, черезъ Брестъ въ Пулавы, куда Государь и прибылъ въ ночь на 18 Сентября. По прибытiи на театръ военныхъ дѣйствiй, князь Волконскiй былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ и генералъ-квартирмейстромъ при корпусѣ ген.-отъ инф. Буксгевдена.

---

[1]) Императоръ Александръ въ Ригѣ 24, 25 и 26 Мая 1802 г., Изд. 1802.

[2]) Beschreibung der festlichen Tage in Memel bei der Anwesenheit I. K. M. des Beherrschers v. Russland und I. M. des Königs und der Königin von Preussen.— Königsberg. 1802.

[3]) Р. Стар. 1880 г. стр. 805.

[4]) Ист. Гос. Свиты II. 172. Тамъ произведена выдержка изъ журнала.

По соединеніи войскъ Кутузова и Буксгевдена, князь Волконскій былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ арміи.[1]) На этой должности князь Волконскій являлся какъ бы связующимъ звеномъ между Государемъ и Его Военно-Походной канцеляріей—съ одной стороны и арміей—съ другой стороны.

16 Ноября, вмѣстѣ съ Государемъ, князь Волконскій впервые находился подъ выстрѣлами.

Наконецъ насталъ печальной памяти день Аустерлицкой битвы—20 Ноября.

По словамъ историка этой войны, „когда французы опрокидывали нашихъ съ горъ, откуда не являлось возможности сбить ихъ, при разстройствѣ и малочисленности союзныхъ войскъ въ центрѣ, не имѣвшемъ резервовъ, Кутузовъ поѣхалъ къ лѣвому крылу четвертой колонны. Подымаясь на гору, онъ нашелъ тамъ бригаду графа Каменскаго 1-го, полки Фанагорійскій и Ряжскій, очутившіеся на горѣ по слѣдующему случаю: идучи въ замкѣ колонны графа Ланжерона къ Сокольницу, графъ Каменскій увидѣлъ вправо французовъ, входившихъ на Праценскія высоты. Извѣстивъ о томъ графа Ланжерона, онъ оставилъ бригаду, построилъ ее отвѣсно противъ праваго крыла французовъ и атаковалъ, желая помочь 4-ой колоннѣ[2]). Въ то мгновеніе, когда пріѣхалъ къ нему Кутузовъ съ дежурнымъ генераломъ, княземъ Волконскимъ, бригада графа Каменскаго была опрокинута. Князь Волконскій схватилъ знамя Фанагорійскаго полка, велѣлъ бить сборъ и устроилъ бригаду. Яростно атаковала она непріятеля, причемъ Фана-

---

[1]) Но въ послужномъ спискѣ сказано, что князь Волконскій **„по соединеніи же арміи ген.-отъ инф. Голенищева-Кутузова былъ при ней дежурнымъ генераломъ и генералъ-квартирмейстромъ.“** (1805 г. Октября, число не указано). Между тѣмъ, у Михайловскаго-Данилевскаго (въ опис. первой войны, 1844 г. стр. 145) сказано, что генералъ-квартирмейстромъ арміи назначенъ былъ генералъ Вейротеръ, а князь Волконскій—только дежурнымъ генераломъ. Къ тому же здѣсь это назначеніе пріурочивается къ 7 Ноября, когда русскія войска вступили въ Ольмюцъ.

[2]) Донесеніе графа Ланжерона Кутузову, отъ 25 Ноября, № 867.

горійскій полкъ взялъ два орудія, но была вновь отброшена назадъ, съ потерею отбитыхъ у французовъ пушекъ, и опять собрана княземъ Волконскимъ. Въ третій разъ бригада напала на французовъ, и послѣ неудачи вновь была приведена имъ въ порядокъ. Симъ подвигомъ ознаменовалъ первый шагъ своей на боевомъ поприщѣ тотъ, кто занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ военной исторіи Императора Александра, и который въ продолженіе громадныхъ войнъ 1813, 1814 и 1815 годовъ былъ начальникомъ Главнаго Штаба Его, самымъ близкимъ, самымъ довѣреннымъ генераломъ и неразлучнымъ спутникомъ Благословеннаго Монарха съ 20-ти лѣтняго возраста до Его кончины.

Дѣйствія Фанагорійскаго и Ряжскаго полковъ въ правый флангъ непріятелей удерживали довольно долго часть Сультова корпуса отъ наступленія противъ центра, но не могли остановить его. Видя невозможность устоять съ двумя полками, къ которымъ между тѣмъ присоединились два эскадрона С.-Петербургскихъ драгунъ и сотня казаковъ Исаева 3-го полка, Кутузовъ, отрѣзанный отъ Аустерлица, отступилъ къ Гостіерадеку и спустился въ долину Литавы, отправивъ между тѣмъ приказаніе графу Буксгевдену отступать съ первыми тремя колонами.“

О подвигѣ князя Волконскаго князь Кутузовъ доносилъ: „Въ Аустерлицкомъ сраженіи князь Волконскій оказалъ достоинства, кои при несчастіи болѣе видны, нежели при счастливомъ сраженіи. Онъ не только отличился храбростью, но и благоразуміемъ и сохраненіемъ всего нужнаго при подобныхъ случаяхъ хладнокровія, способствуя подъ самымъ огнемъ непріятельскимъ троекратно къ собранію людей Фанагорійскаго и Ряжскаго полковъ, съ которыми и могъ я въ нѣкоторомъ порядкѣ ретироваться.“

Въ грамотѣ отъ 28 Января 1806 г. о награжденіи князя Волконскаго орденомъ Св. Гергія 3 ст., было изложено:

„Отличная храбрость и мужесть, оказанныя вами въ бывшемъ минувшаго 20 числа Ноября при Аустерлицѣ сраженіи противъ войскъ французскихъ, гдѣ вы, поступая съ благоразуміемъ и сохраняя нужное въ несчастіи хладнокровіе, способствовали подъ самымъ огнемъ непріятельскимъ троекратно къ собранію разсѣянныхъ Фанагорійскаго и Ряжскаго полковъ, заслуживаютъ награжденія орденомъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, а потому Мы ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ жалуемъ васъ кавалеромъ сего ордена третьяго класса и знакъ онаго, при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію, удостовѣрены Мы впрочемъ, что вы, получа таковую отличную честь, потщитесь и впредь продолженіемъ ревностной службы сдѣлаться достойнымъ Монаршей Нашей Милости. Пребываемъ вамъ благосклонны“.

Подвигъ князя Волконскаго подъ Аустерлицемъ былъ признанъ вполнѣ достойнымъ стать извѣстнымъ военному юношеству, въ его поученіе, и одна изъ статей въ журналѣ для чтеній воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній была посвящена этому подвигу [1]).

По словамъ нынѣ здравствующаго ген.-адъют. П. П. Дурново, внука князя П. М. Волконскаго, послѣдній гордился этимъ боевымъ орденомъ.

Подвигъ князя Волконскаго не вызываетъ сомнѣній. Онъ ясенъ. Тѣмъ не менѣе нашелся человѣкъ, который его оспаривалъ. Это былъ Е. А. Головинъ, который, прочитавъ изложеніе этого подвига въ одной изъ газетъ, напечатавшихъ статью по случаю награжденія князя Волконскаго въ генералъ-фельдмаршалы, написалъ на полѣ: „ложь“. Но на всѣхъ никогда не угодишь!... [2])

---

[1]) 1845 г. т. 54. № 215.

[2]) Девятнадцатый Вѣкъ, 4. Сообщая этотъ эпизодъ, авторъ статьи о Головинѣ дѣлаетъ вполнѣ умѣстную поправку: „Кажется, что въ этомъ случаѣ донесеніе Кутузова—истина, а отрицаніе Головина—ошибка.“

Въ 1807 г. князь Волконскій опять сопровождалъ Государя при его путешествіи изъ Петербурга, черезъ Ригу и Митаву, къ дѣйствующей арміи.

Въ Іюнѣ, во время пребыванія Императора Александра I въ Тильзитѣ, кн. Волконскій также находился въ этомъ городѣ.

Въ сентябрѣ 1808 г. Волконскій сопровождалъ Государя въ Эрфуртъ, гдѣ Императоръ Александръ I во второй и послѣдній разъ имѣлъ свиданіе съ Наполеономъ.

Послѣ этой поѣздки Петръ Михайловичъ былъ отправленъ во Францію для ознакомленія съ постановкою въ ней дѣятельности генеральнаго штаба, такъ какъ во время войны съ Наполеономъ въ 1805 и 1806—7 гг. въ организаціи и дѣятельности русской квартирмейстерской части обнаружились недостатки и пробѣлы.

Изъ этой командировки Петръ Михайловичъ возвратился въ 1810 г. и представилъ отчетъ, явившійся результатомъ изученія „французской военной системы, вообще французской военно-административной системы, въ частности, и французскихъ вспомогательныхъ органовъ высшаго военнаго управленія и командованія въ особенности“. Государь остался вполнѣ доволенъ собранными Волконскимъ свѣдѣніями и назначилъ его управляющимъ квартирмейстерскою частью [1]).

Вступивъ въ эту должность, Петръ Михайловичъ обратилъ вниманіе на отсутствіе при начальникѣ квартирмейстерской части правильно устроеннаго управленія, а также на неимѣніе такихъ указаній для комплектованія этой части и прохожденія службы ея чинами.

Князь Волконскій прежде всего избралъ себѣ помощниковъ: Толя, Хатова и Сенявина, т. е. тѣхъ самыхъ офицеровъ, съ которыми онъ познакомился на маневрахъ 1804 г. Это все были молодые люди, жаждавшіе дѣятель-

---

[1]) Гейсманъ, Ист. Генеральн. Штаба, 265.

ности. Изъ нихъ Хатовъ былъ особенно полезенъ въ дѣлѣ образованія колонновожатыхъ. Сенявинъ былъ правою рукою князя Волконскаго въ дѣлахъ административныхъ, а Толь игралъ такую же роль въ отношеніи полевой службы генеральнаго штаба.

Вскорѣ же былъ выработанъ первый штатъ канцеляріи управляющаго квартирмейстерской частью, который и былъ утвержденъ въ Ноябрѣ 1810 г. Штатомъ было положено 4 отдѣленія (текущихъ дѣлъ, топографическое, маршрутное и казначейское съ архивомъ). Съ 10 Декабря 1810 г. стали отдаваться за подписью князя Волконскаго приказы по квартирмейстерской части. Въ Августѣ 1811 г. квартирмейстерская часть переведена была изъ неудобнаго помѣщенія въ Михайловскомъ замкѣ, въ пріобрѣтенное и передѣланное для нея зданіе нынѣшняго Главнаго Штаба. Наконецъ, было положено начало библіотекѣ, коллекцій картъ и инструментовъ, и даже собственной механической мастерской для изготовленія этихъ инструментовъ.

Отсутствіе опредѣленныхъ правъ для чиновъ свиты, вызвало появленіе составленнаго по распоряженію князя Волконскаго и подъ редакціей Толя „Руководства къ отправленію службы чиновникамъ генеральнаго штаба“.

По ходатайству же князя Волконскаго, указомъ 18 Февраля 1811 г. *), были дарованы чинамъ квартирмейстерской части служебныя преимущества, что сильно подняло эту часть. до сихъ поръ приравненную къ арміи.

Въ отношеніи комплектованія квартирмейстерской части, князь Волконскій сдѣлалъ также очень многое. 7 Іюля 1810 г. появилось впервые указаніе тѣмъ назначеніямъ, которыя требовались для принятія въ колонновожатые. Съ 10 Декабря 1810 г. завѣдываніе всѣми колонновожатыми было ввѣрено подполковнику Хатову. Экзамены производи-

*) П. С. З. XXXI. № 24523.

дились въ присутствіи самого князя Волконскаго, который самъ ставилъ отмѣтки *).

Также прилагалъ свое стараніе князь Волконскій къ тому, чтобы очистить квартирмейстерскую часть отъ лицъ, не находившихся на высотѣ своего назначенія, и къ открытію военныхъ дѣйствій, замѣчавшаяся въ ней пестрота стала мало-по-малу исчезать. Въ составѣ свиты было много молодыхъ офицеровъ, въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ, которые усердно занимались самообразованіемъ и старались обогатить себя изученіемъ теоріи и практики, а также заимствованіемъ отъ ученыхъ иностранцевъ, подлежавшихъ современемъ совершенному устраненію отъ дѣла.

Въ 1811 г. Волконскій (вмѣстѣ съ генералами Опперманомъ и Сенъ-При, и д. ст. сов. Магницкимъ) входилъ въ составъ коммиссіи сочиненія военныхъ уставовъ. Коммиссія дѣйствовала подъ предсѣдательствомъ военнаго министра ген. Барклай-де-Толли, и составила Учрежденіе для Большой Дѣйствующей арміи, которое было объявлено 27 Января 1812 г. — 14 Сентября 1811 г. князю Волконскому былъ пожалованъ орденъ Св. Владиміра 2 ст., а 31 Декабря 1811 г. былъ объявленъ ему ВЫСОЧАЙШІЙ

*) Подробно описываетъ бытъ колонновожатыхъ Н. Н. Муравьевъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, въ 1811 г., отецъ Н. Н. Муравьева повезъ его къ князю Волконскому. Черезъ нѣсколько дней состоялся экзаменъ. Полковникъ Хатовъ экзаменовалъ по фортификаціи, а подполковникъ Шефлеръ по математикѣ. По выдержаніи экзамена, Волконскій поздравилъ Муравьева колонновожатымъ и приказалъ явиться немедленно въ Семеновскій полкъ къ полковому адъютанту Сипягину, для „обмундированія". Волконскій любилъ щегольнуть ученостью офицеровъ генеральнаго штаба. По этому поводу Муравьевъ передаетъ очень характерный эпизодъ. Однажды, когда онъ сидѣлъ за работой, къ нему подошелъ кн. Волконскій и сказалъ: „Муравьевъ, Бетанкуръ увѣряетъ, что въ его корпусѣ послѣдній юнкеръ загоняетъ въ математикѣ лучшаго изъ нашихъ новопроизведенныхъ. Тебѣ заступиться за честь вашу; я тебѣ завтра пришлю билетъ, а послѣзавтра поѣдемъ на экзаменъ въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія. Постарайся загонять ихъ хорошенько, тамъ и наши будутъ". Повинуясь этому распоряженію, онъ явился на экзаменъ. Однако, экзаменующіеся отвѣчали хорошо. „Князь Волконскій мнѣ глазами мигалъ и морщился,— пишетъ Муравьевъ,—наконецъ, въ удовольствіе ему, я задалъ слѣдующее: извлечь $\sqrt[m]{\frac{}{x-1.}}$ Этою пустою задачею мнѣ, наконецъ, удалось сбить бѣднаго кандидата, который смѣшался. Князь восторжествовалъ". (Русск. Арх, 1885, IX).

рескриптъ „за труды и полезное содѣйствіе по коммиссіи составленія военныхъ уставовъ“.

Тутъ же нужно упомянуть еще объ одномъ культурномъ начинаніи князя Волконскаго.

Въ заботѣ объ устройствѣ ввѣреннаго ему Главнаго Штаба, онъ рѣшилъ привести въ исполненіе давно обдуманное намѣреніе учредить при штабѣ библіотеку. Библіотека, по мнѣнію князя, должна была обслуживать умственныя потребности офицеровъ генеральнаго штаба и тѣмъ споспѣшествовать ихъ научному образованію.

Императоръ Александръ вполнѣ одобрилъ эту мысль князя и тотчасъ же оказалъ поддержку, пожертвовавъ изъ личныхъ средствъ значительныя суммы на первоначальное образованіе библіотеки. Князь Волконскій, съ своей стороны, также матеріально пришелъ на помощь, пожертвовавъ 50 книгъ различнаго содержанія.

22-го Октября того же года княземъ Волконскимъ отданъ былъ приказъ, коимъ всѣ офицеры бывшей квартирмейстерской части приглашались содѣйствовать усиленію средствъ новообразованной библіотеки и, какъ и предполагалъ князь Волконскій, воззваніе возымѣло дѣйствіе—офицеры спѣшили откликнуться, кто деньгами, кто книгами.

Производя оцѣнку дѣятельности князя Волконскаго, въ годы управленія имъ квартирмейстерскою частью до войны 1812 г., оффиціальный историкъ генеральнаго штаба пишетъ*):

„Въ общемъ, въ первые два года своего управленія, князь Волконскій сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, въ видахъ усовершенствованія и поднятія квартирмейстерской части во всѣхъ отношеніяхъ. Не его вина и не вина самой свиты, если ея организація, постановка и подготовка страдали вышеуказанными недостатками въ моментъ его назначенія управляющимъ этой частью; въ столь короткій

*) Гейсманъ Н. 283.

промежутокъ времени нельзя было устранить всѣ эти недостатки, во всякомъ случаѣ они были замѣтно уменьшены и ослаблены.

Далеко не всѣ въ нашихъ высшихъ военныхъ сферахъ того времени были согласны со взглядами князя Волконскаго на назначеніе, постановку и кругъ дѣятельности квартирмейстерской части. Нуженъ былъ боевой опытъ, который далъ бы отвѣтъ на спорные вопросы. Такой опытъ и предстоялъ Россіи, русской арміи и квартирмейстерской части въ 1812 году. Дѣло подготовки къ войнѣ не было въ то время возложено на квартирмейстерскую часть, хотя, впрочемъ, офицеры свиты привлекались къ соотвѣтственнымъ работамъ и до назначенія князя Волконскаго и при немъ. Во всякомъ случаѣ, въ распоряженіи высшей военной власти имѣлась цѣлая, быстро создавшаяся плеяда вышепоименованныхъ молодыхъ офицеровъ квартирмейстерской части, кои могли сослужить нашей арміи ту службу, которой требовала отъ нихъ грозная обстановка.

Князю Волконскому наша армія и нашъ генеральный штабъ обязаны тѣмъ, что въ рядахъ этого штаба, хотя и носившаго другое наименованіе, выдвинулись такіе дѣятели, какъ Дибичъ и Толь. Ему же главнымъ образомъ они обязаны и быстрымъ образованіемъ упомянутой плеяды молодыхъ, талантливыхъ и полныхъ силъ дѣятелей, которые, конечно, могли и должны были принести неоцѣненную пользу, какъ своему роду службы, такъ и всей арміи.

III.

Отечественная война.

(1812 г.).

Наступила тяжелая година Отечественной войны.

Сопровождая Императора Александра I, кн. Волконскій выѣхалъ изъ Петербурга, и 14 Апрѣля прибылъ въ Вильно, гдѣ и предался усиленнымъ занятіямъ въ виду надвигавшейся военной грозы.

Но вотъ, Наполеонъ перешелъ черезъ Нѣманъ. Наши арміи отступили. Волконскій вмѣстѣ съ Государемъ прибылъ 26 Іюня въ Дрисскій лагерь и здѣсь инженеръ-полковникъ Мишо доложилъ ему о неудобствахъ лагеря. Князь Волконскій представилъ это заключеніе Государю, который однако не сразу оставилъ мысль встрѣтить французовъ на Дрисской позиціи и, лишь собравъ военный совѣтъ (Барклай, гр. Аракчеевъ, принцъ Георгій Ольденбургскій, кн. Волконскій и Вольцогенъ), согласился къ рѣшенію – отступать съ цѣлью соединенія обѣихъ армій. Это соединеніе, какъ извѣстно, удалось.

Вмѣстѣ съ Государемъ Волконскій направился черезъ Великіе Луки и Смоленскъ въ Москву, а затѣмъ въ Петербургъ, гдѣ и получилось извѣстіе объ оставленіи Кутузовымъ Москвы. Коротко, но съ истинной горечью Растопчинъ писалъ Государю, что армія переходитъ на Рязанскую дорогу, оставляя Москву. „Россія содрогнется, узнавъ объ уступленіи города, гдѣ сосредоточивается величіе Россіи, гдѣ прахъ вашихъ предковъ“.

По полученіи этого печальнаго извѣстія, Государь 7 Сентября подписалъ князю Кутузову рескриптъ, гдѣ, выразивъ удивленіе его молчанію, желалъ знать побудительныя причины къ столь несчастной рѣшимости.

Рескриптъ былъ отправленъ на другой день съ княземъ Волконскимъ. Кромѣ того, по словамъ Михайловскаго-Данилевскаго, съ Волконскимъ же былъ отправленъ къ

Кутузову тайный планъ, составленный самимъ Государемъ, и заключавшійся въ томъ, чтобы въ дальнѣйшемъ арміи Кутузова, Чичагова и гр. Витгенштейна, соединившись на Березинѣ, окружили Наполеона.

15 Сентября Волконскій уже былъ у Кутузова въ д. Мочѣ, на пути изъ Красной Пяхры въ Тарутино. Послѣ личнаго разговора съ Кутузовымъ, кн. Волконскій донесъ Государю: „смѣло можно увѣрить, что Наполеону трудно будетъ вырваться изъ Россіи".

На нѣкоторое время Волконскій еще остался при арміи.

13 Сентября, утромъ, Кутузовъ получилъ письмо отъ маршала Бертье съ извѣстіемъ, что Наполеонъ желалъ-бы для переговоровъ съ Кутузовымъ прислать своего ген.-ад. Лористона. Желая выиграть время, Кутузовъ отправилъ на аванпосты кн. Волконскаго, предупредивъ его, что въ случаѣ непремѣннаго желанія Лористона объясниться съ Кутузовымъ лично, онъ, Волконскій, долженъ отправить адъютанта, который обѣщалъ ѣхать возможно тише. Кн. Волконскій поѣхалъ, встрѣтилъ Лористона и по его настоянію отправилъ къ Кутузову ординарца, поручика Нащокина. Отвѣтъ пришлось ждать долго. Наконецъ, Нащокинъ привезъ приглашеніе Кутузова; Лористонъ, сопровождаемый Волконскимъ, пріѣхалъ въ русскій лагерь. Кутузовъ принялъ Лористона, который, жалуясь на жестокости войны, просилъ дозволенія отправиться къ Александру I, и предлагалъ миръ. Но Кутузовъ отклонилъ эту просьбу, заявивъ, что онъ можетъ передать мирныя предложенія черезъ князя Волконскаго, отправляющагося на дняхъ въ Петербургъ. Въ концѣ пріема Кутузовъ позвалъ Волконскаго и при немъ повторилъ все сказанное прежде, прибавивъ: „относительно переговоровъ, Государь запретилъ мнѣ даже произносить слова: миръ и перемиріе. Спросите у князя Волконскаго. Онъ присланъ сюда подтвердить мнѣ сію Монаршую волю".

На другой день князь Волконскій, своими глазами видѣвшій армію, отправленъ былъ обратно въ Петербургъ.

Между тѣмъ въ половинѣ октября распространился слухъ о появленіи французскихъ войскъ близъ Бѣлаго, Торопца и Сычевки. 15 Октября Государь сообщилъ Витгенштейну, что онъ отправилъ ген.-ад. князя Волконскаго, дабы онъ, отыскавъ 3 уральскихъ полка, соединился съ отрядомъ Дибича и подкрѣпилъ себя ополченіемъ Сычевскаго и Бѣльскаго уѣздовъ, а также отрядомъ г.-м. Новака изъ 3 бат. 2 морского полка, пѣшей роты и конной полуроты артиллеріи, и 6 т. ополченцевъ Новгородской и С.-Петербургской губерній. На этотъ отрядъ было возложено поддержаніе связи между корпусами Витгенштейна и Винценгероде [1]).

Вскорѣ [2]) князю Волконскому было предписано 2 казачьихъ полка передать въ корпусъ Витгенштейна, а одинъ полкъ оставить въ своемъ распоряженіи. Это удручило Волконскаго, который 2 Ноября писалъ Аракчееву [3]).

„Хоть я совсѣмъ не богатъ былъ кавалеріею, состоявшею изъ трехъ башкирскихъ полковъ со стрѣлами, но и изъ тѣхъ теперь двумъ полкамъ по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію предписано идти на соединеніе къ графу Витгенштейну“.

Слухи о появленіи французовъ оказались ложными, и отрядъ Волконскаго получилъ наконецъ приказаніе усилить корпусъ Витгенштейна. Съ нимъ князь Волконскій соединился близъ Березины, 16 Ноября, въ день сраженія у Студянки, когда Чичаговъ сражался у Стахова и Бриля на другомъ берегу Березины. Такимъ образомъ князь Волконскій, находясь въ бою, видѣлъ гибель останковъ Наполеоновской арміи въ Березинѣ и могъ наблюдать сраженіе двухъ армій—Кутузова и Чичагова и корпуса Витгенштейна. Съ полученными свѣдѣніями онъ снова отправился въ Петербургъ, для доклада Его Величеству.

---

[1]) Сбор. ист. мат., извл. изъ арх. С. Его ВЕЛ. Канц. II, Указъ самому Волконскому послѣдовалъ 15 Октября (lb., 96).

[2]) lb. 28 Октября, стр. 196.

[3]) Отеч. война въ письмахъ современниковъ, 310.

Такимъ образомъ, въ годъ приснопамятной Отечественной войны, князь Волконскій проявилъ выдающуюся дѣятельность. Вмѣстѣ съ Государемъ онъ ѣдетъ изъ Петербурга въ Вильно, оттуда въ Москву, а затѣмъ въ Петербургъ. Въ тревожные дни занятія Москвы непріятелемъ, онъ отправляется къ Главнокомандующему и. какъ довѣренный Царскій посланецъ, привозитъ оттуда свои наблюденія Верховному вождю россійской арміи. Въ Октябрѣ онъ становится во главѣ самостоятельнаго отряда. Предъ его глазами происходитъ Березинская переправа, съ которой онъ опять привозитъ Государю свои впечатлѣнія. Наконецъ, онъ ѣдетъ изъ Петербурга въ Вильно и волею Монарха на него возлагаются трудныя обязанности по высшему управленію генеральнымъ штабомъ.

28 Декабря 1812 г. Волконскій назначенъ начальникомъ главнаго штаба при ген.-фельд. князѣ Кутузовѣ.

По словамъ ген. Маевскаго, этимъ назначеніемъ былъ недоволенъ князь Кутузовъ, такъ какъ „бравый свидѣтель царя могъ ему передавать живую картину фельдмаршала". Дѣла въ штабѣ, по его же выраженію, полетѣли на парусахъ; Волконскій въ одинъ день рѣшалъ то, что до него накоплялось мѣсяцами. Все, что касается до начальника штаба, онъ подписывалъ безъ Коновницинскихъ предисловій; что нужно, подносилъ фельдмаршалу, а что сей не рѣшалъ, въ тотъ же день докладывалъ Государю „Рѣшали мы въ день по 1.000 бумагъ. Я не понимаю, какъ на это доставало одного Волконскаго, который въ сутки могъ обходить: фельдмаршала, царя, всѣхъ паролей, прочитать и подписать 1.000 бумагъ. Кутузову хотѣлось замѣнить его Оппермаиомъ. А я думаю, что кромѣ Волконскаго, который по привычкѣ къ Царю, шутя почти работалъ съ нимъ, никому другому не удалось бы двинуть столь быстро застой армейскихъ нашихъ дѣлъ" *).

*) Р. Стар. 1873 г. Сентябрь, 253—4.

IV.

Кампанія 1813 года.

Съ начала 1813 года, когда война была перенесена за предѣлы Россіи, князь Волконскій продолжалъ стоять во главѣ штаба князя Кутузова. Но въ Бунцлау маститый фельдмаршалъ занемогъ и въ дальнѣйшемъ руководство всѣми военными дѣйстіями легло на Императора Александра I, что кратко, но образно выразилъ К. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ брату фразой: „L'Empereur commande lui même" *). Ближайшимъ же сотрудникомъ Государя явился князь Волконскій, фактически, уже съ начала Апрѣля мѣсяца, исполнявшій должность начальника штаба при Его Величествѣ.

До битвы подъ Люценомъ, не болѣе какъ за часъ времени, князь Петръ Михайловичъ, находясь на крайнемъ передовомъ казачьемъ посту, наблюдалъ за движеніемъ Наполеона на Лейпцигъ и пришелъ къ убѣжденію, что Наполеону еще неизвѣстно близкое расположеніе отъ него союзныхъ войскъ. Тотчасъ безъ замедленія спѣшитъ онъ донести о столь важномъ фактѣ Императору Александру и Главнокомандующему, графу Витгенштейну, слѣдствіемъ чего было повелѣніе атаковать непріятеля. Князь устремился въ первую линію войскъ, двигая колонны въ наступленіе и черезъ него перелетѣли первые ядра французовъ въ Люцинской битвѣ.

Давъ желаемое направленіе колоннамъ, князь возвращается къ Императору Александру, а потомъ снова и снова, подъ непріятельскими пулями является среди сражающихся войскъ. Когда же сраженіе окончилось, онъ былъ посланъ Государемъ къ Главнокомандующему графу Витгенштейну, чтобы переговорить и условиться съ нимъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, какія надо было предпринять

*) Р. Арх., 1907. VII 346.

а затѣмъ и къ Милорадовичу, въ Цейцъ, бывшему отъ Люцена въ 15-ти верстахъ. Милорадовичу онъ передалъ повелѣніе Государя составлять аріергардъ арміи.

И послѣдующія распоряженія объ отступленіи изъ подъ Люцена союзныхъ армій, переходъ за Эльбу и наступательныя движенія къ Бауцену, были совершаемы при дѣятельномъ участіи князя Петра Михайловича. За Люценское сраженіе князь Волконскій былъ награжденъ чиномъ Генералъ-Лейтенанта, а Прусскимъ Королемъ ему былъ пожалованъ орденъ Чернаго Орла. Историкъ М.—Данилевскій отмѣчаетъ „великое участіе“ князя въ этомъ сраженіи.

Въ сраженіи подъ Бауценомъ 8 и 9 Мая, князь Волконскій также участвовалъ, а когда, послѣ окончанія сраженія, графъ Витгенштейнъ просилъ его уволить отъ званія Главнокомандующаго и преемникомъ ему былъ назначенъ Барклай-де-Толли, который уклонялся отъ предводительства арміею, на князя Петра Михайловича было Государемъ возложено трудное порученіе—склонить Барклая къ принятію отвѣтственного назначенія. Князь Волконскій и въ этотъ разъ оказался на высотѣ лестнаго довѣрія Государя и вполнѣ удачно выполнилъ возложенное на его порученіе.

Вскорѣ послѣ Бауценскаго сраженія, 20 Мая 1813 г., князь Волконскій былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба „при ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ“.[1]) Этотъ же терминъ употребляется и К. Я. Булгаковымъ въ письмѣ къ брату отъ 27 Мая 1813 г.: „Le prince Wolkonsky est начальникъ главнаго штаба auprès de l'Empereur, et Sabaneeff l'est auprès de Barklay, qui a succedé au maréchal dans le commandement de l'armée.“ [2])

Въ это время на долю князя Волконскаго пришлась большая работа, требовавшая огромной затраты силъ и

---

[1]) Послужной списокъ князя Волконскаго.

[2]) P. Арх., 1904, VII, 349.

настойчивости *). Три арміи--Главная, Дунайская и войска графа Витгенштейна должны были быть преобразованы и слиты во едино. Распоряженія по невидной, черной, мелкой работѣ, и тѣ были на отвѣтственности князя, не говоря уже о необходимости пополнять убыль въ людяхъ и лошадяхъ, оружіи, аммуниціи, надо было еще упорядочить отчетность отдѣльныхъ частей.

Князь Петръ Михайловичъ вполнѣ справился со своею сложною задачею, чему прекраснымъ доказательствомъ были блистательные смотры русскихъ войскъ Императоромъ Александромъ и Королемъ Фридрихомъ. Смотры, производившіеся передъ окончаніемъ перемирія, отличались большой тщательностью. Каждый корпусъ осматривался въ отдѣльности, и дѣятельность князя, какъ начальника главнаго штаба, выказалась въ наилучшемъ свѣтѣ.

Приготовленія армій къ продолженію борьбы со столь важнымъ противникомъ шли въ связи съ разработкою плана предстоящихъ военныхъ дѣйствій и мнѣніе въ этомъ вопросѣ князя Волконскаго имѣло большой вѣсъ.

Различіе взглядовъ, многообразность замысловъ, вели къ долгимъ преніямъ. Такъ, столкнулись въ своихъ мнѣніяхъ Главнокомандующій съ княземъ Волконскимъ, но мысль князя Петра Михайловича нашла одобреніе Государя и была принята.

Главнокомандующій отстаивалъ необходимость держать всю отданную ему во власть армію нераздѣльно въ Силезіи, князь-же предложилъ передвинуть русскія войска въ большей ихъ части изъ Силезіи въ Богемію, а затѣмъ оттуда уже, совмѣстно съ австрійскими войсками, маневрировать такимъ образомъ, чтобы сосредоточенностью движенія всѣхъ армій принудить Наполеона къ битвѣ, угрожая ему на его же сообщеніяхъ. Наполеонъ тогда имѣлъ свое пребываніе въ Дрезденѣ.

---

*) Въ послужномъ его спискѣ отмѣчено, что онъ былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА 20 Мая 1813 г.

Князь П. М. Волконскій собственноручно изложилъ свою мысль въ запискѣ, которую и подалъ Государю. Предложеніе князя было утверждено и Императоръ Александръ повелѣлъ сообщить планъ Волконскаго генералу Кнезебеку, довѣренному Короля Фридриха Вильгельма, и графу Латуру, полковнику австрійской службы, посланному къ русскому Монарху для переговоровъ и обсужденія о предстоящемъ походѣ.

Прусскій и австрійскій повѣренные нашли предложеніе князя вполнѣ пріемлемымъ, и оно послужило основою при выработкѣ операціоннаго плана, когда 30-го Іюня въ Трахенбергѣ свидѣлись Императоръ Александръ, Король Прусскій и Шведскій наслѣдный Принцъ.

Умѣнье вглядываться въ ходъ событій, предугадать направленіе ихъ въ будущемъ, было присуще князю Петру Михайловичу.

Работа князя Волконскаго въ штабѣ осложнялась еще и тѣмъ, что онъ не всегда встрѣчалъ полное сочувствіе въ своихъ подчиненныхъ. Такъ, напр., 11 Августа 1813 г. Хомутовъ въ „Дневникѣ Свитскаго офицера“ отмѣчаетъ *): „вечеромъ Дурново и Щербининъ пришли ко мнѣ пить чай и разсказывали, что князь Волконскій поссорился съ генераломъ Толемъ. Это съ ними часто случается, потому что послѣдній вспыльчивъ и горячъ, но они скоро мирятся; вѣрно и нынѣшняя ссора не долго продолжится“.

За три мѣсяца до грозной битвы народовъ подъ Лейпцигомъ, князь Волконскій, первый изъ всѣхъ генераловъ союзныхъ армій, намѣтилъ Лейпцигъ, гдѣ, по его мнѣнію, предстояло разсѣчь узелъ борьбы Наполеона съ Германіей.

Князь Волконскій обладалъ умомъ и способностями многогранными; одною изъ блестящихъ граней было его искусство дипломата. Это искусство подверглось боль-

*) Р. Арх. 1869 г., 258.

шому испытанію тотчасъ же по возобновленіи военныхъ дѣйствій.

Не взирая на одобреніе плана предстоящей кампаніи Вѣнскимъ Дворомъ, едва только Россійско-Прусская арміи двинулись въ Богемію — непрерывающейся цѣпью потянулись препятствія всѣхъ родовъ. Особенно трудно было согласовать противорѣчивыя требованія и умирять уязвленныя самолюбія и честолюбія высшихъ генераловъ союзныхъ армій. Императоръ Александръ, какъ извѣстно, отказался отъ главнаго начальства надъ союзными арміями и на долю русскихъ генераловъ достались лишь второстепенныя мѣста, что служило неизсякающимъ источникомъ споровъ и пререканій. Волконскій поистинѣ явился всеобщимъ мирителемъ въ этой трудной кампаніи, что доставило ему особенное уваженіе и глубокую дружбу главнокомандующаго союзными арміями, австрійскаго фельдмаршала князя Шварценберга.

6-го Августа, въ Теплицѣ, Императоръ Австрійскій пожаловалъ князю Волконскому орденъ Леопольда I-й степени.

Пойшвицкое перемиріе продлилось до начала Августа и въ первыхъ числахъ возобновились военныя дѣйствія движеніемъ союзниковъ къ Дрездену, гдѣ произошла битва 14-го и 15-го Августа. Князь Волконскій все время былъ подъ огнемъ, подвергаясь непрестанно опасностямъ, передавая повсюду приказы Государя.

Михайловскій-Данилевскій въ такихъ выраженіяхъ описываетъ положеніе князя при Императорѣ Александрѣ: „Занятія князя Петра Михайловича умножились. Съ сего времени онъ занималъ при Императорѣ Александрѣ должность, которую исправлялъ маршалъ Бертье при Наполеонѣ. Но положеніе обоихъ было различно. Бертье поступалъ съ французскими и союзными имъ генералами, именемъ грознаго Наполеона, требуя слѣпого, безпрекословнаго исполненія и повиновенія, а князь Волконскій

долженъ былъ дѣйствовать на иностранныхъ полководцевъ доводами, соглашать ихъ нерѣдко просьбами и потомъ безмолствовать, когда слава провозглашала какой-нибудь частный подвигъ, вызванный имъ въ душѣ тѣхъ самыхъ людей, которые незадолго передъ тѣмъ спорили съ нимъ и были непреклонны. Потому званіе начальника Главнаго Штаба при Императорѣ Александрѣ было, хотя самое высокое въ арміи, но вмѣстѣ и самое трудное и по тѣмъ же причинамъ немногимъ были извѣстны въ полной мѣрѣ заслуги князя, ибо онѣ скрывались въ кабинетѣ Монарха".

Еще не остыло поле битвы подъ Дрезденомъ, какъ 16-го Августа уже началось отступленіе арміи въ Богемію. Императора Александра сопровождалъ князь Волконскій.

17-го Августа они достигли высокаго хребта Эрцгебирге и поднялись на него; тогда слѣва отчетливо послышалась пальба и Государь, возымѣвъ сильное желаніе видѣть бой, взялъ влѣво, направляясь къ Краупену. Остановившись на высотѣ, откуда виднѣлась долина Теплица, и какъ шелъ бой подъ Кульмомъ, Государь предался наблюденію, лишь на мгновеніе отрывая взоръ и вниманіе, чтобы подѣлиться мыслями съ княземъ Петромъ Михайловичемъ.

Когда стало выясняться намѣреніе непріятеля взять Теплицъ, князь тутъ же, немедля, отдалъ рядъ распоряженій о направленіи подкрѣпленій въ Теплицу. Ночь съ 17 на 18 Августа прошла для Волконскаго безъ сна, въ составленіи плана нападенія въ слѣдующій день на корпусъ врага, сошедшаго въ Кульму съ Поллендорфскихъ высотъ, и тутъ нельзя было медлить; всякое промедленіе могло стоить лишнихъ потоковъ русской крови—слѣдовало предупредить возможную присылку Наполеономъ подкрѣпленій. Въ ту ночь всѣ нити предстоящаго нападенія держалъ въ своихъ рукахъ князь. Онъ разсылалъ повелѣнія и диспозиціи и отовсюду принималъ донесенія.

Едва разсвѣтало, когда 18-го Августа Государь, въ сопровожденіи князя Волконскаго, пріѣхалъ изъ Дукса черезъ

Теплицъ, поднимаясь на высокую гору Шлоссбергъ, чтобы обозрѣть отчетливо выдѣлявшіяся боевыя линіи войскъ. Князь же сопровождалъ Императора Александра и Короля Фридриха, когда они прослѣдовали къ полю сраженія.

Сраженіе подъ Кульмомъ завершилось побѣдою; не вянущія лавры стяжала гвардія. Три недѣли затѣмъ пробылъ Государь съ главною арміею въ Теплицѣ и за это время Наполеонъ неоднократно старался овладѣть Теплицкою долиною, почему и вспыхивали авангардныя дѣла. Въ этихъ жаркихъ стычкахъ войсками зачастую распоряжался князь Волконскій.

Но и другія дѣла, многоразличныя и многотрудныя не оставляли князю времени для отдыха: на немъ лежали приготовленія къ приведенію въ исполненіе плана Русскаго Императора направить къ Лейпцигу всѣ союзныя арміи Между тѣмъ шли военныя совѣщанія и онъ не могъ ихъ пропускать и сверхъ всего, наконецъ, имъ же велась переписка съ генералами главной арміи, стоявшей въ Богеміи и съ генералами армій Силезской, Сѣверной и Польской.

Наступилъ Сентябрь. Главная армія двинулась къ Лейпцигу. Послѣдовалъ къ Лейпцигу и Императоръ Александръ въ сопровожденіи князя Волконскаго. Не достигли они еще Лейпцига, какъ между княземъ Шварценбергомъ и княземъ Волконскимъ оказалось разногласіе относительно диспозиціи предстоящей битвы. Фельдмаршалъ вознамѣрился расположить резервы между двумя рѣками, Эльстеротъ и Плейсою, а князь Петръ Михайловичъ, ознакомившись съ диспозиціей, представилъ Государю о всей невыгодѣ такого распорядка. Государь всецѣло раздѣлилъ мнѣніе князя Петра Михайловича и отправилъ его къ Шварценбергу, поручивъ переубѣдить главнокомандующаго.

Не перечесть всѣхъ трудовъ князя Волконскаго по приготовленію къ Лейпцигской битвѣ — они безсчетны, а за всѣ три дня великой битвы народовъ, 4-го, 6-го и

7-го Октября, князь находился при Государѣ и покидалъ его лишь, чтобы отдавать распоряженія войскамъ.

Князь забылъ, что значитъ покой ночи: ночи проходили безъ сна, въ повышенномъ настроеніи умственномъ и душевномъ. Надлежало составлять письменныя повелѣнія арміямъ, отдѣльнымъ частямъ, а между тѣмъ ежечасно наѣзжали генералы и адъютанты; ихъ нужно было принять и снабдить приказаніями или дѣлать различнѣйшія разъясненія.

За то неутомимаго своего пособника всегда помнилъ Государь и вечеромъ же, 7 Октября, когда надломлены были силы врага, и приступомъ вырвана побѣда подъ Лейпцигомъ, Императоръ Александръ I пожаловалъ князю орденъ Св. Александра Невскаго.

На князя Волконскаго обычно падалъ выборъ Государя, когда требовалось искусно выполнить какое-либо нелегкое порученіе. Такъ, съ отвѣтомъ королевѣ Саксонской, изъявившей желаніе видѣть Государя, посланъ былъ князь Петръ Михайловичъ. Ему поручено было Императоромъ объявить королевѣ, что Государь согласенъ пріѣхать, но подъ условіемъ, чтобы не присутствовалъ при свиданіи супругъ Королевы, приверженецъ Наполеона.

10-го Октября Государь, опять-таки въ сопровожденіи князя Волконскаго, покинулъ Лейпцигъ, держа путь на Веймаръ, гдѣ тогда расположилась армія. Но въ Веймарѣ не задержались, т. к. была уже глубокая осень, а впереди — многотрудный походъ на Франкфуртъ, черезъ Тюрингенскій лѣсъ. Переходами спѣшили, 50 верстъ въ день было обычно и для дневокъ не останавливались.

Желаніе Императора Александра видѣть русскія войска ранѣе другихъ союзныхъ войскъ на берегахъ Рейна, великаго Рейна, поившаго римскіе легіоны, торопило войска.

Во время этого похода, Австрійскій Императоръ пожаловалъ князя Волконскаго орденомъ Маріи Терезіи меньшаго Креста. Со вступленіемъ во Франкфуртъ, работа

князя не уменьшалась. Съѣхались Монархи, союзники, и поднятъ былъ особой важности вопросъ—быть продолженію войны или не быть. Императоръ Александръ устремлялся впередъ. увѣренный въ окончательной побѣдѣ надъ врагомъ. Союзники сильно колебались.

И снова князю Петру Михайловичу на своихъ плечахъ приходилось нести бремя долгихъ совѣщаній съ представителями и довѣренными иноземныхъ союзниковъ. Кромѣ того, какъ и послѣ Бауцена, устройство дѣйствующей арміи, ея подготовленіе къ преднамѣченной войнѣ всецѣло лежало на немъ.

Вполнѣ понятнымъ поэтому и непреувеличеннымъ кажется намъ восклицаніе историка Михайловскаго-Данилевскаго:

„Дѣятельность князя Волконскаго въ походѣ 1813 г. превышаетъ всякое воображеніе“....

V.

Служба въ 1814 и 1815 годахъ.

1-го Января 1814 года совершилась переправа арміи черезъ Рейнъ. Начался тяжелый походъ; нерѣдко арміи не хватало хлѣба. Враждебно относившееся населеніе не охотно отдавало проходившимъ войскамъ жизненные припасы и такого рода отношеніе не могло благопріятно отражаться, не говоря уже на духѣ солдатъ, но и на тѣхъ, кому надлежало заботиться о продовольствіи русскихъ войскъ. И дѣйствительно, забота о продовольствіи русскихъ солдатъ угнетала князя Петра Михайловича почти столько же, какъ и непрекращавшіеся разногласія союзниковъ. Князь Волконскій продолжалъ быть мирителемъ и посредникомъ несогласныхъ—начиная отъ фельдмаршала и до штабныхъ начальниковъ. Въ этомъ смыслѣ походъ 14-го года былъ для князя едва ли не тяжелѣе всѣхъ предшествовавшихъ.

Историкъ Михайловскій-Данилевскій, лично участвовавшій въ этомъ походѣ и бывшій въ штабѣ князя, вспоминая объ этомъ времени, выражаетъ удивленіе какъ доставало силъ у князя Волконскаго. „Рѣшительно не проходило ни одной ночи, въ которую не будили бы его по нѣскольку разъ. Часто долженъ былъ онъ вставать и сдѣлать предварительныя распоряженія, согласно полученнымъ донесеніямъ, ходить по грязнымъ улицамъ французскихъ городишекъ и селеній къ Государю, а отъ него отправляться къ австрійцамъ и пруссакамъ, возвращаться къ Императору и получивъ окончательныя его повелѣнія, заниматься составленіемъ и разсылкою предписаній. Служба князя и бывшихъ при немъ офицеровъ становилась поистинне невыносимою“.

Минуло 3 недѣли со времени знаменательной переправы арміи черезъ Рейнъ и бои съ Наполеономъ заго-

рѣлись. И подъ Бріенномъ и при Арсисъ-сюръ-Объ, по отзывамъ очевидцевъ. князь Волконскій былъ повсюду: и въ удушливомъ дыму, въ сердцѣ битвы, тамъ, гдѣ подъ крики отваги и ярости вели свой упоительно-грозный хороводъ пули и ядра, и тамъ, на скорбныхъ перевязочныхъ пунктахъ, гдѣ прощались съ жизнью умиравшіе бойцы и гдѣ милосердіе и знаніе человѣческое старались уменьшить муки раненыхъ. Гдѣ бы не былъ князь, мысль его не переставала работать съ достойною удивленія ясностью: выслушивая донесенія спѣшащихъ гонцовъ, онъ являлъ собою олицетворенное вниманіе, быстро взвѣшивалъ, что могъ и смѣлъ онъ рѣшать самъ, своею властью, и какимъ докладомъ надлежало потревожить Государя.

Въ Мартѣ 1814 г, князю Волконскому, какъ Начальнику Штаба ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, посчастливилось поддержать и блестяще развить мысль ген. Толя о смѣломъ движеніи на Парижъ, оставивъ противъ Наполеона только заслонъ.

По этому поводу Михайловскій-Данилевскій пишетъ [1]): „Въ часъ полуночи сдѣлали въ селеніи Дампіеръ привалъ, во время котораго привезли перехваченную непріятельскую почту; при распечатаніи оной были князь Шварценбергъ, князь В. [2]) и статсъ-секретарь, графъ Н. [3]). Между бумагами находилось собственноручное письмо Наполеона къ Императрицѣ Маріи-Луизѣ, въ которомъ онъ увѣрялъ ее, что движеніемъ своимъ на наши сообщенія удалитъ насъ отъ Парижа и, присоединивъ къ себѣ гарнизоны крѣпостей Меца и Вердена, разобьетъ насъ на берегахъ Рейна и принудитъ отступить за сію рѣку. По прочтеніи сего письма, к. В. предложилъ, чтобы соединясь съ Блюхеромъ, отрядить только сильный корпусъ за Наполеономъ, а всѣмъ войскамъ идти прямою дорогою на Парижъ, куда прибывъ въ 5 маршей, можно завладѣть

---

[1]) А. Михайловскій-Данилевскій. Записки 1814 г. II.

[2]) Князь П. М. Волконскій.

[3]) Графъ Нессельроде.

онымъ прежде, нежели узнаетъ о семъ Наполеонъ. Князь Шварценбергъ нашелъ сію мысль слишкомъ смѣлою и спросилъ о нашей коммуникаціонной линіи, на что князь Волконскій отвѣчалъ, что, имѣя при себѣ запасные парки, понтоны и продовольствіе на десять дней, не нужно безпокоиться о сообщеніяхъ, ибо въ случаѣ неудачи можно учредить таковыя на Фландрію. Фельдмаршалъ возразилъ, что онъ не осмѣлится на подобное предпріятіе безъ соизволенія на то Государя и Короля Прусскаго. Въ послѣдствіи оказалось, что онъ имѣлъ отъ своего двора тайное повелѣніе не переходить Сейны: сіе любопытное обстоятельство, во многихъ отношеніяхъ поясняющее происшествія сего похода, я слышалъ однажды отъ Государя, который присовокупилъ, что князь Шварценбергъ самъ объ ономъ разсказывалъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ на Вѣнскомъ Конгрессѣ.

Въ два часа ночи мы выступили изъ Дампіера въ Сомпью, гдѣ на разсвѣтѣ сдѣлали вторичный привалъ. Князь Шварценбергъ понесъ къ Государю перехваченныя письма и, выходя, сказалъ, что ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО остается при прежнемъ мнѣніи, то-есть, чтобы соединясь съ Блюхеромъ у Витри, идти со всѣми силами за непріятелемъ и аттаковать его тамъ, гдѣ настигнемъ. Сказавъ сіе, онъ сѣлъ на лошадь и уѣхалъ, а Государь велѣлъ позвать къ себѣ генераловъ: Барклая-де-Толли, к. В., Д. [1]) и Т. [2]) и, объявивъ имъ о содержаніи письма Наполеона къ супругѣ своей, присовокупилъ, что мы идемъ вслѣдъ за нимъ. Всѣ были сначала согласны съ симъ мнѣніемъ, выключая одного изъ присутствовавшихъ, который предложилъ, чтобы во время предпринимаемаго движенія, приказать прусскому генералу Бюлову, стоявшему близъ Сенкантена, сдѣлать покушеніе на Парижъ. На сіе к. В. возразилъ слѣдующее: „Извѣстно, что въ Парижѣ находится

[1]) Дибича.

[2]) Толя.

сорокъ тысячъ національной гвардіи, остатки отъ разныхъ полковъ и что, сверхъ того, недалеко отъ сей столицы расположены два корпуса маршаловъ Мортье и Мармона. Всѣ сіи войска вмѣстѣ составляютъ девяносто тысячъ человѣкъ; слѣдовательно, нельзя надѣяться, чтобы Бюловъ съ тридцатью тысячами могъ предпринять что либо важное и онъ подвергается даже опасности, имѣя дѣло съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ. Къ тому же, идя за Наполеономъ, мы должны составить сильный аріергардъ для отраженія корпусовъ упомянутыхъ маршаловъ, почему я предлагаю соединиться съ Силезскою арміею и отрядить за Наполеономъ значительный корпусъ конницы и нѣсколько полковъ пѣхоты, приказавъ, для большаго удостовѣренія, что будто мы за ними идемъ съ арміею, заготовлять вездѣ квартиры для Государя; самимъ же намъ направиться прямо на Парижъ, черезъ Феръ-Шампенуазъ, а Блюхеру черезъ Этожъ, имѣя между собою безпрерывное сообщеніе. Слѣдуя такимъ образомъ, мы должны аттаковать маршаловъ Мортье и Мармона, гдѣ бы они съ нами ни повстрѣчались; мы ихъ разобьемъ, потому что вездѣ будемъ въ превосходныхъ противу нихъ силахъ, а съ Наполеономъ мы будемъ расходиться каждый день на два марша".

Мнѣніе сіе было одобрено и Государь поѣхалъ тотчасъ съ княземъ Шварценбергомъ, котораго настигъ уже въ высотахъ близь Витри; съ нимъ находился Король Прусскій. Государь, пригласивъ ихъ сойти съ лошадей, объявилъ имъ о предложеніи к. В., на которое они согласились, и тутъ же, на полѣ, предписали Блюхеру идти на Этожъ; войскамъ приказали остановиться тамъ, гдѣ повелѣніе ихъ настигнетъ, а генерала Винценгероде отрядили съ 14-ю тысячами конницы, бригадою егерей и двумя легкими отрядами въ Сенъ-Дизье. Въ этотъ день, дабы непріятеля ввести болѣе въ обманъ, Государь расположился для ночлега въ Витри, а на слѣдующій мы пошли

къ Феръ-Шампенуазу. Сей планъ надлежало нѣсколько времени хранить въ тайнѣ. Я никогда не забуду, какъ генералъ Т., по окончаніи совѣта, бывшаго въ Сомпью, сказалъ мнѣ на ухо: „Мы идемъ на Парижъ, но Бога ради не говори этого никому". Сей же самый генералъ первый извѣстилъ меня въ деревнѣ Филяхъ о намѣреніи сдать Москву".

Изъ этихъ словъ Михайловскаго-Данилевскаго ясно видно, что вся заслуга рѣшительнаго плана движенія на Парижъ принадлежитъ князю Волконскому, который, обладая въ полной мѣрѣ способностями начальника генеральнаго штаба, приносилъ всегда огромную пользу созданіемъ стратегическихъ плановъ и ихъ всестороннею разработкою.

Между тѣмъ, позднѣйшій историкъ войны 1813 г., М. Богдановичъ, всецѣло приписываетъ созданіе и развитіе этого плана, рѣшившаго участь многолѣтней борьбы съ Наполеономъ, барону Толю.

Какъ изложено у Богдановича *), Государь въ Сомпюи пригласилъ гр. Барклая-де-Толли, Дибича и Толя, и при участіи Волконскаго, составилъ изъ нихъ военный совѣтъ для рѣшенія вопроса о томъ, идти ли вслѣдъ за Наполеономъ и аттаковать его превосходными силами, или же, маскируя наше движеніе частью силъ, направиться прямо къ Парижу. Барклай предложилъ идти за Наполеономъ; Дибичъ совѣтовалъ отрядить 40—50 т. человѣкъ къ Парижу, а съ прочими преслѣдовать Наполеона. И только Толь будто бы заявилъ, что необходимо только 10 т. кавалеріи отправить за Наполеономъ, а всѣмъ остальнымъ войскамъ идти форсированными маршами къ Парижу. При этомъ Богдановичъ приводитъ слова Толя: „ген.-ад. Волконскій во все время нашихъ распоряженій находился въ нѣкоторомъ разстояніи отъ стола, какъ адъютантъ, который ожидаетъ приказанія своего генерала".

---

*) Богдановичъ, Исторія войны 1814 г., 475.

Но появленіе подобныхъ выводовъ у Богдановича легко объяснить, если принять во вниманіе, на чемъ строитъ свое изложеніе этотъ историкъ. Оказывается, что на запискахъ Толя. Между тѣмъ, при всей пользѣ, которую вообще принесъ русской арміи этотъ выдающійся генералъ генеральнаго штаба, нельзя отрицать наличія у него особой притязательности на первое мѣсто, его склонности къ подчеркиванію собственныхъ заслугъ.

Но даже если бы идея движеній на Парижъ зародилась дѣйствительно впервые у Толя, *то поддержалъ этотъ планъ и далъ ему ходъ не кто иной, какъ князь Волконскій.*

Въ дальнѣйшемъ князь Волконскій неизмѣнно сопровождалъ Государя вплоть до Парижа. Во время переѣзда въ Трефо, куда главная квартира прибыла 14 Марта, Государь, по словамъ Михайловскаго-Данилевскаго *), обратился къ князю Волконскому, обиженному имъ наканунѣ, и сказалъ при всей свитѣ: „je vous dois une réparation.“ — „Я тебя вчера обидѣлъ, и теперь при всѣхъ прошу извиненія“.

Сопровождая Государя, князь Волконскій принялъ участіе въ торжественномъ въѣздѣ въ Парижъ. Въ этотъ день онъ удостоился награжденія орденомъ Св. Владиміра I степени при особомъ ВЫСОЧАЙШЕМЪ рескриптѣ, гдѣ было сказано, что эта награда жалуется „въ ознаменованіе особеннаго благоволенія и признательности и за полезные и неутомимые труды въ званіи начальника Главнаго Штаба ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ продолженіе минувшей съ французами войны и въ воздаяніе достохвальныхъ подвиговъ и прямого участія въ направленіи военныхъ дѣйствій, послѣдствіемъ коихъ было овладѣніе столицею Франціи, и вообще столь же счастливое, сколько славное окончаніе той войны“.

---

*) Опис. войны 1814 г., ч. II, 211.

Въ этомъ рескриптѣ ясно указана главнѣйшая заслуга кн. Волконскаго — направленіе имъ военныхъ дѣйствій къ овладѣнію Парижемъ. Однако, какъ ни высока пожалованная награда, особенно, если принять во вниманіе, что въ то время Волконскому было всего 37 лѣтъ и онъ имѣлъ чинъ генералъ-лейтенанта, однако, нельзя не выразить нѣкотораго недоумѣнія по поводу того, почему этотъ выдающійся начальникъ штаба, талантливо разработавшій планъ военныхъ дѣйствій и умѣвшій поддерживать согласіе между представителями союзныхъ войскъ, не былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 2 кл. На нашъ взглядъ, отсутствіе у кн. Волконскаго 2-й степени этого боевого ордена должно объясниться прежде всего его исключительною неискательностью и присущею ему скромностью, а во-вторыхъ и тѣмъ, что въ то время, при зарожденіи нашего генеральнаго штаба, польза этого штаба еще мало сознавалась и даже талантливая разработка плана военныхъ дѣйствій еще слабо оцѣнивалась.

Послѣ заключеннаго мира. Волконскій вернулся въ Петербургъ, но не надолго, такъ какъ 2 Сентября 1814 года Государь поѣхалъ въ новое за-граничное путешествіе. Князь Волконскій ѣхалъ въ одномъ экипажѣ съ Государемъ.

Путешествіе это было продолжительное и тяжелое; предстоялъ Вѣнскій Конгрессъ, а затѣмъ, въ виду возвращенія Наполеона во Францію, русской арміи пришлось двинуться къ французскимъ границамъ. Но при Ватерлоо окончательно рѣшилась судьба Наполеона до прибытія русскихъ войскъ. Во время этого похода русской арміи, князь Волконскій докладывалъ Государю каждую бумагу, а Государь лично вникалъ въ мельчайшія подробности военныхъ распоряженій. Такимъ образомъ и здѣсь, уже въ третій походъ, Волконскому пришлось исполнять должность начальника Государева штаба.

Вторично пришлось князю Волконскому. вмѣстѣ съ Государемъ, прибыть въ Парижъ, а затѣмъ быть свидѣтелемъ блистательнаго историческаго смотра при Вертю.

Во время этой многотрудной службы при Государѣ, князю Волконскому пришлось переживать иногда весьма непріятные часы. Такъ, по свидѣтельству Михайловскаго-Данилевскаго *), однажды, по поводу одной затерявшейся важной бумаги, Императоръ Александръ I сказалъ Волконскому, что ушлетъ его въ такое мѣсто, котораго онъ не найдетъ на всѣхъ своихъ картахъ. Однако, въ тотъ же день, вечеромъ, Государь позвалъ къ себѣ князя Волконскаго и, смѣясь, сказалъ ему: „не правда ли, что ты былъ виноватъ?—помиримся? На это князь Волконскій отвѣчалъ: „Вы бранитесь при всѣхъ, а миритесь наединѣ". На слѣдующій день, во время параднаго обѣда, Государь, какъ бы между прочимъ, сказалъ: „Люди, живущіе вмѣстѣ, иногда ссорятся, но зато скоро и мирятся; напримѣръ, какъ мы съ Волконскимъ".

Насколько служба князя Волконскаго была тяжела и отвѣтственна въ 1815 году, видно также изъ писемъ Петра Михайловича къ А. А. Закревскому. Такъ, 28 Іюля 1815 года въ Парижѣ, безпокоясь, что на гауптвахту не присланы полковые командиры, князь Волконскій писалъ Закревскому: „и кончится, я думаю, уже тѣмъ, что меня самого пошлютъ". Обиліе бумагъ и докладовъ, проходившихъ черезъ Волконскаго на ВЫСОЧАЙШЕЕ воззрѣніе, вызывало у него насмѣшливое выраженіе—„омутъ"; Волконскій часто просилъ дежурнаго генерала не присылать къ нему новыхъ дѣлъ, дабы не увеличивать его „омута".

2-го Декабря 1815 года Волконскій, вмѣстѣ съ Государемъ, вернулся въ Петербургъ.

---

*) Журналъ 1815 г., Истор. Госуд. Свиты, II, 284—285

VI.

Начальникъ Главнаго Штаба.

(1815—1823 г.г.).

ВЫСОЧАЙШИМЪ Указомъ 12 Декабря 1815 года, была учреждена должность Начальника Главнаго Штаба ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА [1]), который и являлся докладчикомъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ по всѣмъ предметамъ, относящимся къ военному вѣдомству, и черезъ котораго Государь объявлялъ свои повелѣнія и новыя постановленія. Обязанности же Военнаго Министра, который былъ поставленъ въ подчиненное отношеніе къ Начальнику Главнаго Штаба, заключались въ ежегодномъ исчисленіи суммъ, распредѣленіи ихъ между департаментами и арміями, наблюденіи за правильнымъ ихъ оборотомъ и составленіи отчетовъ о расходѣ этихъ суммъ [2]). Такимъ образомъ, первенствующее положеніе въ военномъ вѣдомствѣ занялъ Начальникъ Главнаго Штаба ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, и совершенно правъ А. П. Ермоловъ, который, по словамъ князя Вяземскаго, выразился, что съ учрежденіемъ должности Начальника Главнаго Штаба ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, „военый министръ долженъ быть переименованъ въ министра провіантскихъ и комиссаріатскихъ силъ“ [3]).

Начальникомъ Главнаго Штаба ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА съ 12 Декабря 1813 по 1823 г. состоялъ генералъ-адъютантъ князь П. М. Волконскій.

Такимъ образомъ, фактически князь Волконскій исполнялъ должность начальника генеральнаго штаба еще съ Апрѣля 1813 г., но эта должность, какъ первенствующая въ военномъ вѣдомствѣ, была законодательнымъ порядкомъ учреждена лишь 12 Декабря 1815 г.

---

[1]) П. С. З. XXXIII, 26021.

[2]) Даниловъ. Истор. оч. развитія военн. управл. въ Рос. 210--220.

[3]) Князь Вяземскій. Полн. собр. соч. VIII стр. 124.

Въ этой должности князю Волконскому пришлось сопровождать Государя въ его постоянныхъ путешествіяхъ по Россіи и за-границу.

10 Августа 1816 г. Государь выѣхалъ въ Москву. Князь Петръ Михайловичъ ѣхалъ съ Государемъ въ одной коляскѣ [1]).

Въ это путешествіе Государь посѣтилъ Москву, Тулу, Калугу, штабъ Елецкаго полка, Черниговъ, Кіевъ, Бѣлую Церковь, Варшаву, Гродно, Ковно, Ригу. Въ Царское Село Государь возвратился 13 Октября.

Служба въ штабѣ была за это время очень тяжела для князя Волконскаго, и А. А. Закревскій очень образно выражался въ письмѣ къ Киселеву 1 Іюля 1817 г.: „Петраханъ такъ затормошился, что жаль на него смотрѣть,— словомъ, за все отвѣчаетъ“ [2]).

Въ 1817 г. было предпринято новое ВЫСОЧАЙШЕЕ путешествіе. Государь выѣхалъ изъ Царскаго Села 25 Августа и направился въ Витебскъ и Могилевъ.

Сопровождалъ Государя и на этотъ разъ князь Волконскій. 30 августа Государь былъ уже въ Могилевѣ, а оттуда направился для осмотра частей первой арміи и, наконецъ, прибылъ въ Москву. 12 Декабря 1817 г. Князь Волконскій былъ произведенъ въ генералы-отъ инфантеріи.

Сопровождая Государя, Волконскій отправился изъ Москвы въ Варшаву, на открытіе польскаго сейма. 14 Марта 1818 г., Волконскому былъ пожалованъ орденъ Бѣлаго Орла.

1 Апрѣля АЛЕКСАНДРЪ I, въ сопровожденіи одного князя Волконскаго, отправился на шесть дней въ Калишъ, гдѣ Государь посѣщалъ разныхъ окрестныхъ помѣщиковъ, осматривалъ ихъ хозяйственныя заведенія, гулялъ пѣшкомъ по городу, принималъ отъ жителей просьбы.

---

[1]) Шильдеръ. Императоръ Александръ I, IV, 48.

[2]) Сб. Императ. Рус. Историч. Общества, т. 78 стр. 187.

Изъ Варшавы Государь направился въ Пулавы, а затѣмъ въ Бессарабію, Одессу, Вознесенскъ, Николаевъ, Херсонъ, Крымъ, Донскую область и черезъ Москву, въ Іюнѣ 1818 г., прибылъ въ Петербургъ.

27 Августа того же года Государь выѣхалъ на конгресъ въ Ахенъ, направляясь черезъ Дерптъ, Ригу, Митаву, Мемель и Берлинъ. Въ коляскѣ съ Государемъ сидѣлъ „по обыкновенію“, какъ пишетъ Шильдеръ, князь Волконскій. Во время конгресса Государь и Король Прусскій ѣздили на смотръ оккупаціонной арміи въ Валансьенъ, а затѣмъ Государь посѣтилъ Мобежъ, Седенъ, Суасонъ и 16 Октября, въ сопровожденіи одного лишь князя Волконскаго, на одинъ день пріѣзжалъ въ Парижъ. Изъ Парижа Государь возвратился въ Ахенъ.

Здѣсь, черезъ Волконскаго, Государь имѣлъ случай лично познакомиться съ художникомъ Дау; картины его кисти нынѣ украшаютъ, какъ извѣстно, галлерею Двѣнадцатаго года въ Зимнемъ Дворцѣ. Произошла эта встрѣча слѣдующимъ образомъ: однажды къ Данилевскому явился Дау и принесъ ему нѣсколько портретовъ своей работы; ихъ увидѣлъ князь Волконскій, который и поручилъ Дау написать свой портретъ. Комнаты Волконскаго были соединены лѣстницею съ аппартаментами Государя, и въ одно утро Государь, сойдя къ Волконскому, увидѣлъ, какъ работаетъ у него Дау; Государь пораженъ былъ сходствомъ и тогда же предложилъ талантливому художнику пріѣхать въ Россію для написанія галлереи 12-го года.

Въ Ахенѣ Государь вставалъ въ 8 часовъ; вскорѣ къ нему приходилъ князь Волконскій, который прочитывалъ дневной приказъ по арміи и докладывалъ различныя дѣла, касавшіяся военной части и Двора.

Изъ Ахена Государь ѣздилъ въ Брюссель, а затѣмъ въ Карлсруэ и Штутгардтъ. Дальнѣйшій путь лежалъ черезъ Богемію въ Вѣну. 10 Декабря Государь выѣхалъ въ Петербургъ.

Во время этого путешествія, князь Волконскій приходилъ часто къ Государю въ тулупѣ; въ это время Государь дѣлалъ свой туалетъ. Михайловскій-Данилевскій записалъ любопытный разговоръ, который онъ имѣлъ съ княземъ Волконскимъ, когда ему разъ пришлось ѣхать съ нимъ въ однѣхъ саняхъ. По его разсказу, дорогою зашелъ разговоръ и князь Волконскій началъ жаловаться, что „въ семъ путешествіи онъ почувствовалъ такую слабость, которой прежде не знавалъ, говорилъ, что онъ болѣе не можетъ ѣздить съ Государемъ, котораго капризы бываютъ иногда такъ велики, что онъ не въ состояніи ихъ переносить".

— „Ты только иногда видѣлъ, говорилъ Волконскій Данилевскому, что́ я терплю; но большей части непріятностей моихъ никто, даже и ты, вполнѣ не знаетъ. Помнишь ли, какъ въ Мобежѣ Король Прусскій пріѣхалъ на балъ къ графу Воронцову ранѣе Государя? Онъ мнѣ за это наговорилъ такія слова, что я хотѣлъ въ ту же минуту его оставить; въ этотъ самый день нѣсколько англичанъ пріѣхали, когда всѣ уже сидѣли за столомъ, за что опять онъ меня бранилъ. На другой день я именно говорилъ графу Воронцову, чтобы обѣдню служили по придворному, т. е. чтобы не пѣли концерта; графъ увѣрилъ меня, что служба будетъ точно такая, какъ Государь желаетъ, но вдругъ запѣли концертъ; ты не можешь придумать всего, что онъ мнѣ за сіе наговорилъ, а я былъ совершенно не виновенъ".

Данилевскій старался по мѣрѣ силъ успокоить и утѣшить взволнованнаго князя и сказалъ, что имя его принадлежитъ исторіи и потомство будетъ говорить о немъ, какъ о другѣ царя. Волконскій отвѣчалъ ему: „Повѣрь мнѣ, что черезъ недѣлю послѣ моей смерти обо мнѣ забудутъ; я одного желаю, что, когда меня болѣе не будетъ при Государѣ, то чтобы тотъ, кто заступитъ мое мѣсто, служилъ бы ему съ равнымъ усердіемъ, какъ я".

22 Декабря 1818 г. Государь возвратился въ Царское Село, проѣхавъ въ этомъ году болѣе 14.000 верстъ.

На слѣдующій годъ Государь началъ свое путешествіе 23 Іюля, отправившись на сѣверъ и въ Финляндію. Очень немногія лица удостоились его сопровождать; но въ числѣ нихъ былъ неизмѣнно князь Волконскій. Путешествіе закончилось посѣщеніемъ Варшавы.

Во время своего путешествія по Финляндіи съ Государемъ, Волконскій писалъ Закревскому 21 Августа 1819 г., что возвращеніе задерживалось вслѣдствіе лѣсного пожара, во время котораго лѣсъ горѣлъ по самой дорогѣ, кромѣ того, на озерѣ близь Каяны былъ противный и крѣпкій вѣтеръ. „Мы,—сообщаетъ Волконскій,—чуть было не утонули“.

Возвращеніе въ 1819 г. въ Петербургъ послѣдовало въ Октябрѣ.

Въ 1820 г. Государь выѣхалъ изъ Петербурга 9-го Іюля и пробылъ въ отсутствіи одинадцать мѣсяцевъ, вернувшись лишь въ Маѣ 1821 г. Въ это путешествіе Государь присутствовалъ на конгрессахъ въ Троппау и Лайбахѣ.

Во время нахожденія князя Волконскаго въ Троппау, 17 Октября 1820 г. произошли безпорядки въ стоявшемъ въ Петербургѣ л.-гв. Семеновскомъ полку. Извѣстіе объ этомъ сильно огорчило князя Петра Михайловича, начавшаго, какъ извѣстно, службу въ этомъ полку. 5 Ноября 1820 г. онъ писалъ И. В. Васильчикову; „Тѣмъ чувствительнѣе была моя скорбь, что это полкъ, въ которомъ я началъ службу и къ которому я сохранилъ нѣкоторую слабость.“ *)

Но, какъ и всегда, князь Волконскій ставилъ на первомъ планѣ службу, подавивъ свое личное расположеніе къ полку, и въ письмѣ отъ 12 декабря къ тому же Васильчикову, настаивалъ, чтобы комиссія непремѣнно открыла

*) Р. Арх., 1875, II, 52.

виновныхъ: въ противномъ случаѣ,—пишетъ Волконскій,—„ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО уполномачиваетъ васъ закрыть эту комиссію, назначивъ другую, составленную изъ новыхъ судей, чтобы снова начать судъ, дабы непремѣнно открыть виновныхъ происшествія“ [1]). 6-го Января 1821 г. изъ Лайбаха, князь Волконскій писалъ о мелкихъ безпорядкахъ во внутренней жизни полка и къ этому добавлялъ: „Я былъ въ продолженіе двухъ лѣтъ полковымъ адъютантомъ, во времена Императора Павла, и отвѣчаю вамъ, что не было прежде подобнаго происшествія. Солдаты бѣгали, конечно, за дѣвками, но никогда этого не происходило въ казармахъ“ [2]).

Изъ Лайбаха же писалъ 30 Января 1821 г. князь Волконскій любопытное письмо Закревскому, доказывающее, какъ тяжела порою была его служба.

„Сегодня мнѣ ужасно досталось за вопросъ, сдѣланный отъ васъ, о разрѣшеніи на пріемъ внутренней стражи офицеровъ въ госпитали. Государь очень разсердился, что могли въ семъ отказывать, ибо госпитали устроены для всѣхъ войскъ вообще, безъ различія, и сколько разъ я самъ видѣлъ въ разныхъ госпиталяхъ больныхъ внутренней стражи офицеровъ, то почему иныхъ не принимаютъ и которые именно мнѣ донести, дабы съ нихъ взыскать; ибо признаюсь Вамъ, служа близъ 30 лѣтъ безъ всякаго упрека, весьма больно слышать что: „можно бы васъ, какъ начальника, и съ военнымъ министромъ отдать подъ судъ за сіе“. Вотъ слова, мнѣ сказанныя, за какого нибудь коммисаріатскаго бездѣльника, или безтолковаго военнаго начальника; особенно, находясь за нѣсколько тысячъ верстъ, мудрено мнѣ знать, что тамъ дѣлается. Пожалуйста, чтобы сіе осталось между нами, а военному министру о семъ ничего не говорите, т. е. о словахъ, мнѣ сказанныхъ, но о томъ, что зачѣмъ не принимаютъ больныхъ, можете

---

[1]) P. Арх., 1875, II, 62.
[2]) P. Арх., 1875, II, 68.

сказать, чтобы подтвердилъ о семъ свои приказанія. Пора, пора въ Суханово, право безъ того, въ самомъ дѣлѣ, того и гляди, что попадешь безвинно, подъ судъ. — Хорошее лекарство для лихорадки таковое обѣщаніе; признаюсь вамъ, такъ прискорбно, что и описать не могу, ежели я худо служу, то желалъ бы знать, кто лучше оную исполняетъ, и былъ-ли хотя одинъ изъ военныхъ министровъ, который столько времени оставался въ сей должности, и шли-ли у него дѣла съ равнымъ успѣхомъ. Нѣтъ, конечно, на свѣтѣ ни одного человѣка совершеннаго, почему могу легко и я проступиться, но въ семъ случаѣ право не вижу я, чтобы проступокъ мой былъ такъ великъ, чтобы заслужить суда, и признаюсь чистосердечно, ничего больше не желаю, какъ какимъ нибудь случаемъ удалиться отъ всего заранѣе, безъ всякихъ хлопотъ".

27 Мая 1821 г. Волконскій возвратился къ Государю въ Царское Село, а 5 Іюня онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Въ 1822 г. Волконскій сопровождалъ Государя въ Верону. Началось путешествіе 3 Августа, а 4 Октября Государь былъ въ Веронѣ. Князь Волконскій помѣщался въ томъ же замкѣ маркиза ди-Каносса, который былъ отведенъ для пребыванія Государя. Въ Петербургъ Государь возвратился только 20 Января 1823 г.

Вскорѣ послѣ возвращенія съ Веронскаго конгресса, князь Волконскій оставилъ должность Начальника Главнаго Штаба.

Передъ отпускомъ въ 1823 г., князь Волконскій обратился къ Государю съ письменной просьбой, на личный докладъ у князя не хватило духа,—такъ удивительно деликатенъ былъ въ служебныхъ дѣлахъ князь Волконскій, который, ревниво относясь къ службѣ, опасался, что просьба объ отпускѣ исключительно по болѣзни могла бы быть, вѣроятно, истолкована нѣсколько иначе.

Вотъ что писалъ Волконскій 20 Марта 1823 г. *).

„Усилившаяся съ нѣкоторыхъ поръ болѣзнь моя заставила меня обратиться къ совѣщанію съ медиками, которые находятъ необходимымъ постоянное леченіе употребленіемъ бань и минеральныхъ водъ, къ чему нужна спокойная жизнь, каковой, по возложенной на меня должности и по сдѣланнымъ уже нѣсколько разъ опытамъ, я здѣсь никакъ имѣть не могу; къ тому же искуственныя воды не могутъ принести и той пользы, какъ настоящія.

Не имѣя довольно духа лично утруждать ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО всеподданнѣйшею просьбою объ увольненіи меня до излеченія за границу, рѣшился безпокоить письменно, въ полной увѣренности, что ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО примете прошенія моего и не захотите, чтобы я прежде времени лишился жизни, которая навсегда отъ искренней души и сердца посвящена была вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, и можетъ быть еще когда либо будетъ полезна, если только силы мои позволятъ и здоровье поправится".

Волконскій уѣхалъ въ отпускъ, а 25 Сентября 1823 г. онъ былъ замѣненъ на должности Начальника Главнаго Штаба барономъ И. И. Дибичемъ. Это явилось слѣдствіемъ происковъ графа Аракчеева, человѣка съ мелкимъ самолюбіемъ и большою завистью. Воспользовавшись заграничнымъ отпускомъ князя Волконскаго, Аракчеевъ, такъ сказать, за его спиною разыгралъ удачную интригу.

Въ Военномъ Министерствѣ былъ составленъ бюджетъ, который былъ нѣсколько урѣзанъ въ главномъ штабѣ при участіи князя Волконскаго, дежурнаго генерала Закревскаго и директора канцеляріи, князя Меньшикова. Но въ Министерствѣ Финансовъ, по общему положенію финансовъ Россіи, бюджетъ Военнаго Министерства былъ признанъ чрезвычайно значительнымъ и возвращенъ въ Воен-

*) Н. Дубровинъ. Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствов. ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I, 866.

ное Министерство. Однако, произведя вторично незначительную урѣзку отчета, князь Волконскій рѣшительно отозвался невозможностью дальнѣйшей убавки. Государь былъ недоволенъ этими пререканіями и приказалъ Аракчееву распорядиться бюджетомъ по своему усмотрѣнію. Аракчеевъ позвалъ Татищева и, по словамъ А. Д. Боровкова *), обѣщалъ ему портфель Военнаго Министра, если онъ сократитъ отчетъ. Боровковъ разгадалъ мысль Аракчеева и въ своей біографіи пишетъ: „Графъ Аракчеевъ не досказалъ Татищеву - сокращеніемъ бюджета дай мнѣ орудіе сковырнуть князя Волконскаго съ блистательнаго поприща Начальника Главнаго Штаба ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА; а не съумѣешь-- поди въ отставку, какъ неугодившій одному и измѣнившій другому. Благоволеніе Государя къ князю Волконскому и графу Аракчееву возбуждало взаимную ненависть. Онъ любилъ Аракчеева умомъ, какъ дѣльнаго, опытнаго совѣтника и точнаго, ревностнаго исполнителя. Онъ любилъ Волконскаго, какъ своего совоспитанника, преданнаго ему нелицемѣрно“. Татищевъ обратилъ вниманіе на инженерную и артиллерійскую сторону бюджета и привлекъ къ работѣ начальника отдѣленія изъ канцеляріи начальника Главнаго Штаба, Кремповскаго, указавшаго слабыя стороны бюджета. Боровковъ справедливо замѣчаетъ: „почему этотъ хитрый малороссъ не указалъ своему начальству слабыя стороны бюджета, которыя онъ указалъ намъ“.

Общее сокращеніе смѣты, исчисленной ранѣе въ 180 мил. руб. асс., было достигнуто на 23 мил. руб. Аракчеевъ былъ доволенъ. Министръ Финансовъ не возражалъ. Государь утвердилъ смѣту. Но затѣмъ послѣдовала, по удачному выраженію Боровкова „растасовка“. Татищевъ назначенъ Военнымъ Министромъ, а Волконскій отчисленъ отъ своей должности.

---

*) Р. Стар., 1898, октябрь, 60.

По поводу замѣны князя Волконскаго бар. Дибичемъ, А. П. Ермоловъ писалъ А. А. Закревскому 30 Мая 1824 г. изъ Тифлиса: „Дѣла Петрахана [1]) кончены такимъ образомъ, какъ онъ самъ, ты и многіе другіе не ожидали. Теперешнее положеніе его незавидно. Восторжествовали пришельцы и помощью могущественнаго [2]), прочно утвердятся.“ Въ другомъ письмѣ, отъ 8 марта 1824 г., тотъ же Ермоловъ замѣчаетъ про Волконскаго, что уничтоженъ онъ могущественнымъ наслѣдникомъ безвозвратно, „сей подставилъ подъ себя твердыя подпоры, колеблятся развѣ при случаѣ чрезвычайномъ“. По словамъ Вигеля [3]), князь Волконскій „отпросился въ отпускъ къ минеральнымъ водамъ, а недругъ его, Аракчеевъ, подготовилъ уже на его мѣсто другого изъ подручниковъ своихъ, начальника штаба первой арміи, барона Дибича. Черезъ шесть мѣсяцевъ возвратясь къ должности, онъ уже не вступалъ въ нее, ибо заступавшій его мѣсто утвержденъ въ званіи Начальника Главнаго Штаба“.

Весьма сожалѣлъ объ отъѣздѣ за-границу князя Волконскаго П. Д. Киселевъ. Онъ находилъ „вреднымъ для дѣла и невыгоднымъ для Государя, одновременное удаленіе отъ управленія Главнымъ Штабомъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА князя Волконскаго и Закревскаго. „Кѣмъ васъ всѣхъ замѣнятъ,—писалъ онъ послѣднему 15 апрѣля 1823 г.—не понимаю, но увѣряю, что въ нѣсколько мѣсяцевъ замѣщеніе будетъ ощутительно возникшими безпорядками и негодованіями.“ [4])

12 Декабря 1823 г. князь Волконскій былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго, въ ознаменованіе особеннаго благоволенія за долговременную, всегда отличноревностную и примѣрную службу, въ особенности же за

---

[1]) Такимъ прозвищемъ звали за-глаза кн. Волконскаго его друзья.

[2]) Гр. А. А. Аракчеева.

[3]) Вигель. Воспомин. VI, 49.

[4]) Заблоцкій-Десятовскій. Гр. Киселевъ и его время. I, 174.

совершенное устройство всѣхъ частей Главнаго Штаба ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

На самого князя Волконскаго его удаленіе съ высокой военной должности подѣйствовало удручающе. Письма его къ А. А. Закревскому дышатъ глубокою скорбью.

23 сентября 1823 г. онъ писалъ ему:

„Вчера по почтѣ получилъ я, любезнѣйшій другъ, Арсеній Андреевичъ, приказъ 30 Августа, который меня совершенно поразилъ вашимъ назначеніемъ въ Финляндію. Такое удаленіе изъ столь важнаго мѣста, которое вы занимали, безъ малѣйшаго предваренія о томъ главнаго начальника, ясно мнѣ доказываетъ, что всячески ищутъ и желаютъ и отъ него избавиться; но вы спросите меня за что... Право не знаю, можетъ быть, за лишнее усердіе. Богу одному извѣстно По крайней мѣрѣ, отойду съ чистою совѣстью со всѣхъ сторонъ и безъ упрековъ. Съ нетерпѣніемъ ожидать буду отъ Васъ извѣстія и истолкованія сей непонятной для меня загадки. Мое здоровье все въ одномъ положеніи, чирья меня замучили, а извѣстіе сіе, навѣрное, усугубитъ еще мою болѣзнь. Я вамъ описать не могу никакъ чувство, каковое произвело во мнѣ сіе извѣстіе. Теперь уже, любезный другъ, не знаю, когда и гдѣ мы съ вами увидимся, но какъ бы то ни было, будьте увѣрены, что дружба моя къ вамъ останется навсегда неизмѣнна. Я слышалъ, что у Васъ, неподалеко отъ Суханова, есть помѣстье, то, можетъ быть, Богъ приведетъ насъ и тамъ съѣхаться и гулять, безъ торопливости, какъ то было въ Карлсбадѣ и въ Ахенѣ, занимаясь совершенно однимъ хозяйствомъ и удовольствіями деревенской жизни. Между тѣмъ, я здѣсь собираю разные планы для садовъ и различныхъ строеній, которыми будемъ тамъ заниматься, и подъ старость утѣшаться своими трудами. Прощайте, любезнѣйшій другъ, пожелавъ вамъ совершеннаго здоровья, прошу не забывать того, который вамъ душою и сердцемъ преданъ. Пишите ко мнѣ по-чаще“.

„Хотя и писалъ я къ вамъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, на прошедшей недѣлѣ по почтѣ, но теперь, пользуясь отъѣздомъ фельдъегеря Грибова, я вновь повторяю, сколько меня поразило неожиданное назначеніе васъ въ Финляндію. Ежели сіе будетъ согласно съ желаніемъ вашимъ, то будетъ для меня немного полегче, со всѣмъ тѣмъ меня удивляетъ, какъ вы будете управляться, не зная языка; потеря васъ въ штабѣ неизъяснима. Сіе назначеніе еще болѣе рѣшаетъ меня вовсе удалиться, ибо вижу, что нѣтъ ко мнѣ ни малѣйшаго уваженія послѣ всѣхъ моихъ трудовъ, которые совершенно разстроили мое здоровье до такой степени, что никакъ по сіе время не могу оправиться, хотя употреблялъ къ сему, какъ вамъ извѣстно, всевозможные способы, но тщетно, потому что чирья мучаютъ безпрестанно, лишь одинъ пройдетъ, то черезъ два дня другой приходитъ, и теперь продолжаю здѣсь пить минеральныя воды и брать барежскія ванны съ душами, а на весну посылаютъ меня опять къ водамъ, въ Южную часть Франціи и Италіи. Все сіе заставило меня писать къ Дибичу довольно откровенно, чтобы увѣдомить, что значитъ и какъ послѣдовало ваше назначеніе. Желаю сердечно, чтобы преемники наши успѣшнѣе дѣйствовали насъ и улучшили бы часть, нами начатую. Не получая отъ васъ давно писемъ, я совершенно въ недоумѣніи, что съ вами дѣлается, и приняли ли вы новое назначеніе. Я веду жизнь весьма тихую и спокойную, хожу много, для движенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, пріятнѣе нежели въ Ахенѣ. ибо, во-первыхъ, съ своею семью, а во-вторыхъ, въ большомъ и столь любопытномъ городѣ, хотя оный никакого дѣйствія надо мною не дѣлаетъ, противъ прежняго. Дѣтьми своими я очень доволенъ. Жена и Алина вамъ кланяются, равно и Аграфенѣ Федоровнѣ, которой и отъ меня прошу засвидѣтельствовать почтеніе. Я думаю, для нея Гельсингфорсъ не столь пріятенъ будетъ, какъ Римъ или Флоренція..

Прощайте, любезный другъ, пишите ко мнѣ по-чаще, чрезъ Булгакова или по оказіи, ибо навѣрное наши письма распечатываютъ на почтѣ; хотя Булгаковъ намъ и пріятель, но обязанности его и вѣроятно приказанія сіе дѣлать заставляютъ. Впрочемъ, у кого совѣсть чиста, тотъ покоенъ, и ничего не боится. Сожалѣю только о томъ, что современемъ, конечно, Государь узнаетъ всѣ неистовства злодѣя (Аракчеева), коихъ честному человѣку переносить нельзя, открыть же ихъ нѣтъ возможности, по непонятному ослѣпленію Его къ нему; между тѣмъ растеряетъ много честныхъ людей, и возстановится прежнее лихоимство и безпорядокъ въ ходѣ дѣлъ. Прошу продолженія вашей ко мнѣ дружбы и быть увѣрену въ моей".

3 ноября князь Волконскій писалъ:

„Вы пишите и просите, чтобы я возвратился, но зачѣмъ? Чтобы совершенно себя убить, ибо до сихъ поръ не могу поправить своего здоровья. Къ тому же весьма непріятно видѣть, что всѣ мои труды пропали совершенно. Устройство, которое стоило мнѣ здоровья, все разрушено, надобно снова знакомиться съ чиновниками, работать, какъ лошадь, не имѣя довѣренности, ни къ Военному Министру, ни къ дежурному генералу, на коихъ лежитъ основаніе всего штаба, заниматься каждою бездѣлицею самому, къ тому же еще быть задавлену побочными дѣлами и не имѣть нисколько времени для себя. Вы говорите, что Государь и соотечественники увидятъ, сколько я жертвую собою. Я весьма сожалѣю, ежели въ 27 лѣтъ, что я былъ при ЕГО ВЕЛИЧЕСТВѢ, сего еще не замѣтили, ибо, кажется, во все сіе время довольно было случаевъ, гдѣ я жертвовалъ жизнью и здоровьемъ, не говоря уже о состояніи, о которомъ никогда и не помышлялъ. Теперь же нахожу даже безчестнымъ занимать мѣсто такое, котораго труды, здоровье мое не позволяетъ мнѣ переносить. Пусть тѣ, кои моложе, онымъ занимаются, а мнѣ пора подумать и о дѣтяхъ, которыя будутъ весьма вправѣ меня упрекать, что

не думалъ о будущемъ ихъ состояніи. Получивъ нѣкоторое облегченіе, надобно ѣхать зарыться въ деревню и изыскивать способы уплатить долги, женою сдѣланные для воспитанія дѣтей, а не для прихотей, ибо и симъ меня упрекнуть нельзя, потому что, къ стыду званія моего, жилъ не такъ роскошно, какъ можетъ быть мѣсто сіе требовало, хотя, впрочемъ, скромность предпочтительнѣе роскоши и не есть порокъ, но, однако же, всему есть мѣра, и званіе мое требовало бы иногда видѣть и свѣтъ; но принужденъ былъ себѣ въ этомъ отказывать, дабы не увеличить долги. Итакъ, любезный другъ, весьма сожалѣю, что не могу исполнить вашего желанія, особенно еще теперь, потому что все еще продолжаю лѣчиться.“

Съ грустью, съ разочарованіемъ въ людяхъ, писалъ князь Волконскій 27 Октября 1824 г.: „Свѣтъ не перемѣнишь; мы надобны и хороши тогда, какъ въ насъ нужду имѣютъ; когда же сіе прошло, то весьма много такихъ, кои въ васъ искали, говорятъ про васъ совсѣмъ иначе и даже во многомъ осуждаютъ. Правда, что такого рода люди презрительны; не менѣе того, по несчастью, ихъ на свѣтѣ больше.“

На посту Начальника Главнаго Штаба ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, князь Волконскій фактически пробылъ десять лѣтъ (съ Апрѣля 1813 г. по Апрѣль 1823 г.). Эти десять лѣтъ были сплошнымъ упорнымъ трудомъ для князя. Канцелярскій трудъ усиливался еще постоянными продолжительными и утомительными поѣздками съ Государемъ.

П. И. Бартеневъ, помѣщая въ Русскомъ Архивѣ переписку князя П. М. Волконскаго съ княземъ И. В. Васильчиковымъ, справедливо замѣчаетъ, что П. М. Волконскій „былъ относительно военныхъ дѣлъ первымъ лицомъ въ Россіи и служилъ непосредственнымъ и вѣрнымъ отголоскомъ мыслей Государя *).

*) Русск. Арх. 1875 г. Кн. 2-я, Бум. кн. И. В. Васильчикова, стр. 44, прим. 1-е.

Нѣкоторые военные писатели усматриваютъ двоеначаліе, введенное въ военное вѣдомство учрежденіемъ должности Начальника Главнаго Штаба. Однако, по нашему мнѣнію, эта должность вполнѣ отвѣчала условіямъ времени. Государь бывалъ, можно сказать, въ постоянныхъ разъѣздахъ. При его особѣ долженъ былъ находиться генералъ, которому онъ могъ безусловно довѣрять и черезъ котораго была бы возможна передача всѣхъ военныхъ распоряженій, исходившихъ отъ Государя Эта должность была по характеру, такъ сказать, подвижной, походной. Ее и несъ съ честью въ теченіе цѣлаго десятилѣтія князь Волконскій. Съ другой стороны, хозяйственные вопросы, требующіе справокъ, обращеніе съ цифрами и мѣстными законоположеніями, должны были рѣшаться на мѣстѣ, въ Петербургѣ, въ спокойно-кабинетной обстановкѣ. Они и лежали на должности Военнаго Министра. Но какъ вопросы высшаго управленія первенствуютъ надъ вопросами хозяйственными, то и Военный Министръ былъ подчиненъ Начальнику Главнаго Штаба ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Съ оставленіемъ этой отвѣтственной, высокой, первенствовавшей должности, кн. Волконскій закончилъ свою военную карьеру. Дальнѣйшая его дѣятельность сосредоточилась, по преимуществу, на служеніи Государю и Царской Семьѣ.

VII.

Командировка во Францію. — Сопровожденіе на югъ Государыни.

22 Мая 1824 г. князь Волконскій уѣхалъ въ отпускъ, который, по его словамъ, „получилъ безъ всякаго замѣчанія, ибо представилъ причины, кои заставляютъ меня просить объ ономъ, по случаю домашнихъ обстоятельствъ, находящихся въ весьма затруднительномъ положеніи.“

Петръ Михайловичъ поѣхалъ въ Суханово и предался тамъ заботамъ по сельскому хозяйству *).

Миръ полей и тишина деревенскаго уединенія подѣйствовали благотворно на здоровье и состояніе духа князя Волконскаго, который, послѣ интриги Дибича, конечно, былъ огорченъ. „Живу совершенно, какъ въ раю“,—писалъ изъ Суханова 25 Іюня 1824 г, князь Волконскій Закревскому,—никуда не тороплюсь, отвѣтственности никакой, дѣлаю, что хочу, занимаюсь цѣлый день разными работами по дому, въ саду, отдѣлываю дорогу въ паркъ, пишу инструкціи управляющимъ, хожу и верхомъ ѣзжу весьма много; пришлите мнѣ на сѣмена четверть хорошей вазовской ржи и также овса, называемаго многоплоднымъ“.

Благодатно отражалось на душевномъ спокойствіи князя отсутствіе постоянной служебной заботы. Въ письмѣ 29 Іюня, писанномъ тоже изъ Суханова, Петръ Михайловичъ сообщалъ: „живу весьма спокойно и счастливо, какъ съ роду еще не живалъ; я почти цѣлый день въ ходьбѣ и движеніи по хозяйственнымъ дѣламъ, кои меня точно такъ занимаютъ, какъ бывало казенныя; одно утѣшеніе, что нѣтъ той отвѣтственности и никто никуда не торопитъ, а вы знаете, какъ я сіе ненавижу“.

---

*) Еще до отъѣзда князя Волконскаго въ деревню, П. Д. Киселевъ писалъ А. А. Закревскому 3 мая 1824 г.: „Князь П. М. собирается въ Суханово на будущей недѣлѣ; хотѣлъ проститься и съ тѣмъ, кажется, чтобы остаться; онъ довольно привыкъ къ настоящему его положенію, и, по доброму его нраву, на судьбу не ропщетъ.“ (Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т., 78. стр. 140).

Въ Декабрѣ 1824 г. князь Волконскій получилъ платную командировку въ Парижъ, для присутствованія при коронаціи Короля Карла X.

Отправленный посломъ въ Парижъ, съ поздравленіемъ Короля, Волконскій принялъ эту командировку съ особымъ удовольствіемъ, такъ какъ онъ могъ увидѣть своихъ дѣтей, обучавшихся во Франціи. Явившись въ столицу вселенной представителемъ Россійскаго Монарха, Волконскій, по собственнымъ словамъ, „жилъ какъ должно, денегъ издержалъ довольно“, но „не бросалъ понапрасну и даже удивилъ многихъ умѣренною издержкою, которая для меня, однако, кажется значительною, потому что употреблена изъ казенныхъ денегъ, издержка коихъ для меня всегда непріятна, дабы не повлечь нареканій людей, особенно ко мнѣ недоброжелательныхъ, но въ семъ случаѣ поневолѣ не могъ дѣлать иначе“. О самой коронаціи французскаго Короля Карла, князь Волконскій сообщалъ Цесаревичу Константину 24 мая 1825 г. Но и тутъ сказалась военная жилка автора, обращавшаго вниманіе на военныя подробности. Такъ, князь писалъ: „въ кавалеріи было не по 16, но только по 9 рядовъ, а въ пѣхотѣ: въ гвардіи—не по 29, но по 19 и 18 рядовъ во взводѣ. Войска гвардейскія были одѣты чисто и довольно ровно, линейныя же—посредственно, болѣе худо. Во время марша вообще всѣ ровнялись весьма дурно, взводы находили одинъ на другой и останавливались. Въ гусарахъ послѣдніе скакали въ карьеръ, чтобы догнать переднихъ. Въ артиллеріи орудія, лафеты, принадлежность и упряжь не были вычищены и даже грязны.“ *)

5 Сентября 1825 г. Волконскій выѣхалъ изъ Царскаго Села, сопровождая Императрицу Елисавету Алексѣевну. Государь уѣхалъ изъ Петербурга еще 1 Сентября, и въ этотъ день Волконскій писалъ Закревскому: „дай Богъ, чтобы погода стояла хорошая и чтобы благополучно окончить путешествіе“. Очень непріятно было Петру Михайло-

*) Рус. Арх., 1882, IV, 265.

вичу, что предстояло одинъ ночлегъ провести въ Грузинѣ. „Совсѣмъ не радъ ночевать у Змѣя,—писалъ Волконскій,—котораго по счастію тамъ не будетъ, а здѣсь видѣлъ его только издали, дай Богъ, чтобы намъ съ нимъ нигдѣ не сходиться.“

Въ Таганрогѣ жизнь была уединенная, — „какъ въ монастырѣ“. Погода была петербургская, — холодная и сырая. Помѣщенія не отличались удобствомъ и Волконскому долгое время пришлось прожить у Вилліе, такъ какъ у него самого едва не сдѣлался пожаръ отъ худыхъ печей и ихъ стали перекладывать.

Назначеніе сопровождать Императрицу на югъ было для Волконскаго неожиданностью.

Въ письмѣ отъ 14 Августа 1825 г. къ Закревскому онъ, между прочимъ, писалъ:

„Ѣхавъ сюда, услышалъ я дорогою, что Государь намѣревается ѣхать внутрь Россіи, и сдѣлалъ было для себя проектъ съѣздить и пожить во время его отсутствія въ Сухановѣ, но не тутъ то было, всѣ мои проекты упали какъ въ воду, ибо по пріѣздѣ моемъ сюда узналъ, что здоровье Императрицы Елисаветы Алексѣевны требуетъ лучшаго климата и что для сего доктора избрали ей для зимы въ жилище Таганрогъ, куда Государь изволитъ ѣхать 1 Сентября напередъ, для обозрѣнія сего мѣста и устройства жилища для Императрицы, которая отправится туда 3 Сентября, а я назначенъ для ея сопровожденія во все время тамъ ея пребыванія. Признаюсь вамъ, любезный другъ, что я сего никакъ не ожидалъ, и едва только пріѣхалъ, какъ уже опять долженъ отправиться за двѣ тысячи верстъ, покинуть все семейство и разстроенныя дѣла, жить въ уединеніи почти какъ въ ссылкѣ, имѣя весьма большую отвѣтственность, особенно по болѣзненному состоянію Императрицы. Случай сей столь деликатенъ. что я почелъ невозможнымъ отказаться отъ сего предложенія и тѣмъ показать еще болѣе мою преданность и привязаннось къ

особѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, хотя сіе меня весьма разстраиваетъ во всѣхъ моихъ дѣлахъ и лишаюсь быть въ семействѣ, особенно въ такое время, когда лѣта дочери требуютъ ея устройства и поступленіе на службу сына, долженъ все оставить и ѣхать въ пустыню за двѣ тысячи верстъ. Дай Богъ только, чтобы путешествіе сіе было въ пользу для здоровья ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА. Признаюсь, не понимаю, какъ доктора могли избрать такое мѣсто, какъ бы въ Россіи другихъ мѣстъ лучше сего нѣтъ.

Прощайте, любезный другъ, желаю вамъ совершеннаго здоровья. Богъ знаетъ, гдѣ и когда съ вами увидимся, между тѣмъ, пожалѣйте о мнѣ, пустынникѣ, и продолжайте дружбу вашу къ тому, который васъ искренно любитъ. Аграфенѣ Федоровнѣ приношу мое почтеніе. Я привезъ для нея чепчикъ изъ Парижа, который болѣе года лежалъ въ канцеляріи посольства, я отдалъ его Булгакову для доставленія къ вамъ“.

Императрица Елисавета Алексѣевна была весьма довольна имѣть при себѣ кн. П. М. Волконскаго, какъ человѣка, умѣвшаго ладить съ людьми и обладавшаго покладистымъ характеромъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ своей матери, Государыня говоритъ: „Князь Волконскій для меня истинный кладъ.“ *)

Съ дороги Волконскій доносилъ Государю подробности путешествія съ Императрицею. 7 Сентября, изъ Мелехово, Волконскій сообщалъ, что, „благодаря Бога, Императрица отлично переноситъ путешествіе, и здоровье ея отнюдь не пострадало“. 18 Сентября, изъ Новгорода, Петръ Михайловичъ писалъ, что „здоровье Императрицы, благодаря Бога, хорошо. Отдыхъ, доставляемый ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ каждый вечеръ, и спокойствіе, окружающее ее, возстанавляютъ ея силы, изнуренныя путешествіемъ“. Письмо заканчивалось словами: „Съ Божьей помощью, я надѣюсь имѣть счастье доставить ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО въ Таганрогъ

*) Вел. Кн. Николай Михайловичъ. Императрица Елисавета Алексѣевна.

23-го числа и повергнуться къ стопамъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ благодарность за довѣріе, которое ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО соблаговолили оказать мнѣ, назначивъ меня сопровождать Императрицу.“ [1])

23 Сентября, наконецъ, Государыня прибыла въ Таганрогъ.

20 Октября Государь отправился въ послѣднее, роковое для него путешествіе, возвратившись въ Таганрогъ 5 Ноября уже больнымъ.

8 Ноября Государь, по предписанію врачей, выпилъ стаканъ яблочной воды съ черносмородиннымъ сокомъ. „У князя Волконскаго,—записано Государынею въ своемъ дневникѣ,—случайно оказался цѣлый запасъ сока, подареннаго ему сестрою, а она получила его въ дорогѣ отъ одного знакомаго.“ [2])

Въ Таганрогѣ выпало на долю кн. Волконскаго быть свидѣтелемъ кончины Благословеннаго Монарха.

19 Ноября въ Бозѣ почилъ Императоръ Александръ I. Черезъ день князь Волконскій писалъ Закревскому горячее, искреннее письмо.

„Ужаснѣйшее бѣдствіе, насъ всѣхъ постигшее, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отнимаетъ у меня силы къ объясненію скорби и сокрушенія, мною ощущаемыхъ.

19 Ноября поутру, въ 10 часовъ и 50 минутъ, поражены мы были жестокимъ ударомъ, по случаю кончины обожаемаго Монарха нашего, Государя Александра Павловича, послѣ тринадцатидневной желчной, а потомъ обратившейся въ нервическую, горячки.

Никому столь не было извѣстно, любезный другъ, какъ вамъ, преданность, привязанность и даже, смѣю сказать, дружество мое съ Нимъ; легко можете себѣ представить, въ какомъ я положеніи нахожусь. Увѣренъ, что и вы равномѣрно печаль свою чувствуете въ той же силѣ,

---

[1]) Р. Стар. 1882, VII, 179.

[2]) Р. Стар., 1910, Май, 341.

бывъ столько ему преданы. Во все время болѣзни Государевой, я не покидалъ его, ухаживалъ за нимъ, оказывая всѣ пособія, какія только были нужны, и къ несчастью моему, всѣ труды мои были тщетны. Всевышнему Творцу угодно было ниспослать на насъ гнѣвъ Свой, лишивъ насъ столь драгоцѣннаго Монарха. Однимъ утѣшеніемъ остается мнѣ то, что я еще при концѣ его могъ оказать ему послѣдній долгъ.

Теперь, будучи здѣсь совершенно одинъ, въ ужасной горести, занимаюсь учрежденіемъ печальной церемоніи. За двѣ тысячи верстъ отъ столицы, въ углу Имперіи, безъ малѣйшихъ способовъ и съ большою трудностью доставать самыя необходимыя вещи, по сему случаю нужныя, за всякой бездѣлицею принужденъ посылать во всѣ стороны курьеровъ, распоряжаться всѣмъ и не только толковать, но даже самому рисовать разные планы и фигуры, потребные для церемоніи, и признаюсь, что ежели бы меня здѣсь не было, не знаю какъ бы сіе пошло, ибо всѣ прочіе потеряли совершенно голову. Императрица во все время болѣзни также не покидала Государя и за нимъ ухаживала, а при кончинѣ оказала удивительную твердость. Печаль свою переноситъ, благодаря Бога, хорошо, не знаю что будетъ впослѣдствіи. Я такъ ослабѣлъ, бывъ 13 дней и ночей безъ пищи и безъ сна, что едва шатаюсь, имѣю сверхъ того Императрицу и устроеніе церемоніи. Съ нетерпѣніемъ ожидаю прибытія Императора Константина Павловича, за коимъ посланъ уже нѣсколько курьеровъ, для дальнѣйшихъ распоряженій къ препровожденію тѣла покойнаго въ С.-Петербургъ. Не знаю, чѣмъ все кончится и какая будетъ моя участь. Отдавъ долгъ отечеству прослуженіемъ тремъ царствованіямъ, можно, кажется, и удалиться, дабы, по крайней мѣрѣ, имѣть время заняться собственными дѣлами, кои въ весьма худомъ положеніи, ибо никогда не рѣшался и не хотѣлъ утруждать ими покойнаго Императора, онъ же самъ никогда не

обращалъ на сіе вниманія, слѣдовательно, я остался безъ всего. Теперь не знаю еще, на что рѣшится Императрица, которую оставить одну въ семъ положеніи нахожу что грѣшно. но быть удалену отъ своего семейства, при столь худыхъ обстоятельствахъ, также весьма затруднительно. Рѣшился положиться на Бога, который меня никогда не покидалъ, надѣюсь. и въ семъ несчастномъ положеніи не оставитъ. Я воображаю, въ какомъ уныніи должна быть столица, и особенно Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна. Я боюсь какъ за нее, такъ и за Императрицу Елисавету Алексѣевну, которая сколько не крѣпится, но страдаетъ ужасно отъ удара, ее постигшаго. Вотъ, любезный другъ, событіе несчастныхъ предчувствій, кои имѣлъ я предъ отъѣздомъ моимъ сюда, чувствую и здѣсь ужаснѣйшую тоску и грусть непомѣрную, кои относилъ всегда на счетъ скуки и недостатка въ обществѣ, но никогда не входило въ голову, чтобы могло послѣдовать подобное бѣдствіе. Проклятый Змѣй (Аракчеевъ) и тутъ отчасти причиною сего несчастія мерзкою своею исторіею *) и гнуснѣйшимъ поступкомъ, ибо въ первый день болѣзни Государь занимался чтеніемъ полученныхъ имъ бумагъ отъ Змѣя и вдругъ почувствовалъ ужаснѣйшій жаръ, вѣроятно, происшедшій отъ досады, слегъ въ постель и болѣе уже не вставалъ. Не правду-ли я говорилъ вамъ, что изверг сей губитъ Россію и погубитъ и Государя, который узнаетъ всѣ его неистовства, но поздно; вотъ предчувствіе мое и сбылось. Можетъ ли сей изверг имѣть смѣлость показаться еще на глаза въ свѣтѣ и неужели совѣсть его не убьетъ, но хотя сіе и случилось-бы, не воротить уже несчастія, постигшаго Россію и всѣхъ насъ, истинно преданныхъ Государю. Благодарю васъ за письмо ваше отъ 31-го Октября и весьма сожалѣю о вашемъ нездоровьѣ, пора вамъ приняться за леченіе; теперь болѣе нежели когда можемъ надѣяться, что удастся намъ пожить въ сосѣдствѣ и зани-

*) Извѣстное происшествіе съ Настасьею Минкиной.

маться хозяйствомъ. Аграфенѣ Федоровнѣ прошу засвидѣтельствовать мое усердное почтеніе.

Прощайте, любезный другъ; что-то съ нами будетъ?. Желаю вамъ здоровья и прошу быть увѣрену въ совершенной моей къ вамъ дружбѣ.“

Подробно описывалъ кн. Волконскій послѣдніе дни жизни Императора Александра I въ письмахъ къ своей женѣ *).

Въ началѣ эти письма носили успокоительный характеръ.

12 Ноября Петръ Михайловичъ писалъ, что хотя Государь не выходитъ изъ комнаты уже восьмой день, страдая лихорадкой, но его болѣзнь не представляетъ ничего серьезнаго. Однако 15 Ноября князь Волконскій уже спѣшитъ сообщить, что болѣзнь, сдѣлавшаяся въ послѣдніе дни весьма серьезною и даже опасною, „угрожаетъ всѣмъ намъ страшнымъ несчастьемъ“. — „Вы хорошо знаете мою привязанность къ Императору, — писалъ Волконскій, — поэтому можете судить, въ какомъ состояніи я нахожусь. Я не отхожу отъ него ни днемъ, ни ночью; поэтому я совершенно выбился изъ силъ; да сохранитъ насъ Господь отъ грозящаго намъ ужаснаго несчастья“. На слѣдующій день положеніе стало еще болѣе опаснымъ, даже угрожающимъ. Сердцѣ Волконскаго обливалось кровью, когда онъ писалъ, что лѣкарства не оказываютъ никакого дѣйствія и что только чудо можетъ спасти Государя. Письмо отъ 17 Ноября какъ будто давало надежду на улучшеніе болѣзни, но эта надежда была разсѣяна, какъ мимолетное облако, письмомъ 18 Ноября: „Я ожидаю ночь съ невыразимымъ страхомъ; дай Богъ, чтобы у него хватило силъ пережить ее, такъ какъ опасность слишкомъ велика.“

Наконецъ то, что было не въ силахъ Волконскаго отвратить, совершилось: Благословенный Монархъ, освободитель Европы, въ Бозѣ почилъ 19 Ноября. Съ этою

*) Р. Стар. 1893 г., Окт. 113—116.

кончиной князь Волконскій терялъ Государя, Покровителя и Друга: „Онъ былъ для меня не только Государемъ,— писалъ Волконскій въ печальный день кончины Императора Александра I,—но, смѣю сказать, другомъ, котораго трудно замѣнить".

Послѣ кончины Императора Александра I, убитая разразившимся горемъ Императрица Елисавета Алексѣевна не могла окончательно остановиться на мѣстѣ своего будущаго жительства. Петербургскій климатъ ей былъ вреденъ. Намѣчалось Суханово, имѣніе князя Волконскаго, или Царицыно, казенное имѣніе въ Московской губерніи; былъ даже вопросъ о пріобрѣтеніи собственнаго имѣнія.

Въ первые дни послѣ кончины Императора Александра I, князь Волконскій, повидимому, имѣлъ намѣреніе приступить къ составленію исторіи этого Государя. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ 10 Декабря 1825 г. *), Петръ Михайловичъ благодаритъ Киселева за его общительное предложеніе своей помощи въ этой трудной работѣ. Но тутъ же Волконскій сознается, что чувствуетъ отсутствіе въ себѣ достаточныхъ способностей, и заявляетъ о томъ, что приложитъ свои силы къ собиранію матеріаловъ для жизнеописанія почившаго Монарха.

Черезъ три слишкомъ мѣсяца онъ, кажется, совершенно отказывается отъ этого первоначальнаго своего предложенія и думаетъ передать всю работу графу Карамзину, сообщивъ ему все, что могла сохранить его память. При этомъ Петръ Михайловичъ сожалѣетъ, что никогда не имѣлъ времени для изложенія на бумагѣ всего происшедшаго въ славное царствованіе Императора Александра.

Конечно, слѣдуетъ пожалѣть, что князь Волконскій, столь близко стоявшій къ Особѣ Александра Павловича, не удосуживался вести дневники. Но онъ самъ дѣлалъ исторію, самъ участвовалъ въ событіяхъ, которыя поглощали все его

*) Заблоцкій-Десятовскій. Гр. Киселевъ и его № 43—44.

время и всѣ его силы. Точно также жаль, что трудолюбивое, правдивое перо Петра Михайловича, умѣвшаго работать и оставившаго въ нашихъ архивахъ груды служебныхъ бумагъ, частью исписанныхъ имъ лично, частью наполненныхъ его резолюціями, не оставило намъ облика Благословеннаго Монарха. На это хватило бы способностей Петра Михайловича, знавшаго при томъ въ совершенствѣ всѣ малѣйшія событія изъ жизни его Царственнаго Друга.

Тѣло Императора Александра I пребывало въ Таганрогѣ. Князь Волконскій ожидалъ распоряженій изъ Петербурга, пока, наконецъ, 3 Декабря Великій Князь Николай Павловичъ не написалъ ему, что общія распоряженія должны исходить отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны; этимъ же письмомъ на князя Волконскаго была возложена „тяжелая обязанность всѣхъ необходимыхъ, приличныхъ чести русскаго имени и памяти нашего Ангела, распоряженій.“ При этомъ Николай Павловичъ высказалъ: „Помните, кого хороните и чей Государь онъ былъ. Скорѣе много, чѣмъ мало.“

3 Декабря 1825 г. Петръ Михайловичъ писалъ Виламову *):

„Имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, для доклада Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, что здоровье Ея Императорскаго Величества вдовствующей Императрицы Елисаветы Алексѣевны, кажется, немного получше, ночи изволитъ проводить покойнѣе, но силы Ея Величества все еще слабы, что и не можетъ быть иначе, при столь чрезмѣрной ея горести. 1-го числа сего мѣсяца прибылъ сюда изъ Екатеринославля здѣшней епархіи Преосвященный Ѳеофилъ, мною призванный по сему несчастному случаю, для отданія послѣдняго долга въ Бозѣ почивающему покойному Государю Императору Александру Павловичу. Преосвященный, со дня пріѣзда своего, по утрамъ, послѣ литургіи, отпра-

*) Р. Стар. 1899, Янв., 106.

вляетъ соборомъ панихиду у тѣла, а по вечерамъ—архимандритъ греческаго монастыря заступаетъ мѣсто Преосвященнаго. Полученныя сегодня письма изъ С.-Петербурга усугубляютъ горечь мою, узнавъ, въ какомъ безпокойствѣ изволитъ находиться Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна. Представляю себѣ положеніе Ея Величества, когда получитъ извѣстіе объ ужаснѣйшемъ бѣдствіи, насъ постигшемъ."

Черезъ день, 5 Декабря, Великій Князь писалъ, что ген.-ад. Трубецкой и всѣ флигель-адъютанты, не находившіеся въ войскахъ, отправляются въ Таганрогъ, для нахожденія при тѣлѣ „нашего Ангела".

Это письмо кн. Волконскій получилъ 12 Декабря и 14 Декабря доносилъ Николаю Павловичу, что ген.-ад. Трубецкому онъ полагаетъ поручить главное начальство при сопровожденіи тѣла, а флигель-адъютанты будутъ нести очередное дежурство при тѣлѣ.

Печальная погребальная процессія двинулась изъ Таганрога на сѣверъ только 29 Декабря. Князь Волконскій на другой день писалъ Цесаревичу Константину: „вчерашній день былъ для насъ ужаснѣйшимъ, ибо на вѣки разстались съ отцомъ нашимъ, въ Бозѣ почивающимъ покойнымъ Государемъ Императоромъ."

Оставаясь въ Таганрогѣ для завѣдыванія церемоніею погребенія Императора Александра I, кн. Волконскій былъ утѣшенъ пріѣздомъ къ нему жены и дочери. Грустно и темно было на душѣ Петра Михайловича послѣ кончины Государя. Но удалиться отъ службы онъ считалъ себя не въ правѣ и 7 Января 1826 г. онъ писалъ Закревскому: „Теперь по необходимости долженъ еще продолжать тянуть лямку, ибо нахожу неприличнымъ и невозможнымъ покинуть несчастную вдову, которую покойникъ мнѣ поручилъ и которая столь ко мнѣ милостива."

Перенеся тяжелую потерю своего Царственнаго Покровителя, кн. Волконскій продолжалъ выполнять отвѣт-

ственныя обязанности при Государынѣ, слабое здоровье которой внушало тревогу.

Въ Апрѣлѣ 1826 г. болѣзненность Государыни усилилась и 21 Апрѣля, въ сопровожденіи князя Волконскаго, Ея Величество покинула Таганрогъ, направившись черезъ Харьковъ въ Калугу. Слабость Императрицы увеличивалась съ каждымъ днемъ; Государыня едва могла говорить; 3 Мая прибыла въ г. Бѣлевъ, гдѣ на другой день въ Бозѣ почила. Новый ударъ и новыя тревоги пали на князя Волконскаго.

Мебель, бывшая въ комнатахъ Государя въ Таганрогѣ, была пожалована кн. Волконскому и нынѣ хранится въ имѣніи его внука, князя Петра Дмитріевича, въ селѣ Сухановѣ.

К. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ своему брату 20 Мая 1826 г. по этому поводу сообщалъ *): „Подарокъ, сдѣланный князю Императрицею Маріею Ѳеодоровною, долженъ быть для него доподлинно драгоцѣненъ. Надѣюсь, что онъ также сохранитъ въ Сухановѣ и мебель, бывшую въ комнатѣ Государя въ Таганрогѣ, къ которой присоединитъ и ту, что была у Государыни въ Бѣлевѣ,—печальные памятники тѣхъ, коимъ онъ былъ тридцать лѣтъ вѣрный другъ.“

25 Января 1826 г. Императоръ Николай I даровалъ князю Волконскому право ношенія мундира л.-гв. Семеновскаго полка, въ которомъ Петръ Михайловичъ началъ свою службу.

---

*) Р. Арх., 1903 г. VII, 432.

VIII.

Послѣдняя четверть вѣка.

(1826—1852 г.г.).

Въ день священнаго Коронованія Императора Николая I-го, 22 Августа 1826 года, князь Волконскій былъ назначенъ Министромъ Императорскаго Двора и Удѣловъ и Управляющимъ Кабинетомъ Его Величества.

Это назначеніе было предрѣшено еще въ 1825 г.. при жизни Императора Александра I.

Въ письмѣ 16 Марта 1826 г., Волконскій писалъ Киселеву: „On m'a offert la place que le defunt m'avait proposé peu de temps avant sa mort, de ministre de la maison avec les aponages et le cabinet, qu'il m'est impossible d'accepter pour le moment; il serait peu délicat, je trouve, d'abandonner à présent la personne que le defunt m'a confiée." [1])

Первое время, на посту Министра Императорскаго Двора, для добросовѣстнаго князя Волконскаго была большая работа. 29 Ноября 1826 г. онъ пишетъ Киселеву, что заваленъ бумагой и залежавшіяся бумаги обнаружены имъ по всѣмъ частямъ.

2 Ноября 1826 г. Киселевъ сообщалъ Закревскому: „Князь Петръ вступилъ въ исправленіе своей должности и ужасными безпорядками очень недоволенъ и даже въ первые порывы сердился, зачѣмъ эту часть принялъ, а я его тѣмъ успокоилъ, что никто лучше его сей части не устроитъ, и это совершенная правда; тогда онъ разсмѣялся и замолчалъ." Въ слѣдующемъ письмѣ 27 Ноября, онъ же сообщалъ: „Здоровье князя Петра Михайловича гораздо лучше, нежели было въ Москвѣ; занимается своею должностью прилежно." [2]) Но 31 Января 1827 г. онъ опять удостовѣрялъ, что „князь Петръ хлопочетъ и сердится на безпорядокъ своихъ частей."

---

[1]) Заблоцкій-Десятовскій. Op. cit., IV, 44--45.

[2]) Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ. т. 78, стр. 294—5.

Назначеніе князя Волконскаго на постъ Министра Императорскаго Двора было встрѣчено обществомъ съ большимъ удовольствіемъ.

М. М. Фокъ доносилъ А. Х. Бенкендорфу *): „Учрежденіе Министерства Императорскаго Двора возбуждаетъ много толковъ. Увѣряютъ, что другіе министры будутъ завидовать объему власти, предоставленной новому министру; но что, все же, это полезная мѣра, такъ какъ сосредоточиваетъ власть и упрощаетъ управленіе. Выборъ князя П. М. Волконскаго всѣми одобряется, въ виду того уваженія и той прекрасной репутаціи, которыми онъ, вполнѣ справедливо, пользуется. Правда и то, говорятъ, что не всякому была бы по плечу та министерская власть, какою онъ облекается".

ВЫСОЧАЙШИМЪ указомъ 2 Октября 1827 г. князю Волконскому было ввѣрено начальство надъ ротою дворцовыхъ гренадеръ.

24 Марта 1828 г. князю Волконскому пожалованы алмазные знаки ордена Св. Андрея Первозваннаго, въ ознаменованіе „отличнаго благоволенія къ заслугамъ и особенно въ знакъ признательности за отличное устройство, введенное по всѣмъ частямъ Министерства Императорскаго Двора."

Въ этомъ же году, съ 27 Апрѣля по 4 Октября, онъ находился при Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, во время путешествія ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА въ Одессу и обратно.

Въ 1829 и 1830 г.г. сопутствовалъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ во время путешествія въ Варшаву.

20 Апрѣля 1830 г. Петру Михайловичу лично врученъ Государемъ портретъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, украшенный брилліантами.

13 Іюля 1831 г. онъ назначенъ членомъ ВЫСОЧАЙШЕ учрежденной комиссіи по постройкѣ Исаакіевскаго собора, а

*) Р. Ст. 1881, Ноябрь, 524.

13 Августа того же года ему былъ пожалованъ брилліантовый перстень съ портретомъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА. Въ этомъ же году князь сопровождалъ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА въ Москву.

Въ 1832 году вспомнилась славная служба князя Волконскаго въ генеральномъ штабѣ: 9 Апрѣля этого года ему предоставлено право ношенія мундира гвардейскаго генеральнаго штаба, „въ уваженіе неусыпнаго попеченія и старанія, коимъ генеральный штабъ обязанъ доведеніемъ до нынѣшняго своего совершенства.“

Въ 1833 году Волконскій сопровождалъ Государя въ Богемію, а Императрицу—въ Ревель [1]).

1834 годъ былъ годомъ милостей для кн. Волконскаго.

22 Апрѣля ему была пожалована трость, украшенная брилліантами и съ надписью „Въ признательность за долговременную и вѣрную службу.“ [2])

30 Августа 1834 г. состоялось открытіе Александровской колонны въ Петербургѣ. Въ этотъ день князю Волконскому пожалованъ титулъ Свѣтлости.

Рескриптъ былъ подписанъ 3 Сентября и гласилъ:

„Любезный князь Петръ Михайловичъ. Обѣтъ Моего сердца, обѣтъ всей Россіи, благополучно довершенъ; памятникъ незабвенному нашему благодѣтелю, Императору

---

[1]) Послужн. списокъ.—К. Я. Булгаковъ писалъ брату 23 Мая 1833 г.: „сегодня Императрица изволила отправиться въ сопровожденіи князя Петра Михайловича въ Ревель. Ночевать изволила въ Гудлеѣ, или близъ сей станціи, у одной помѣщицы, а завтра прибыть въ Ревель.“ (Р. Арх., 1904, Февраль, 258).

19-го Августа онъ же писалъ: „Четверговская наша буря была такъ сильна въ морѣ, что пароходъ „Ижора“, на коемъ былъ Государь, никакъ не могъ подвигаться впередъ даже, чтобы подняться до Ревеля и туда войти. Вѣтеръ былъ такъ крѣпокъ и противенъ, что пароходъ, при дѣйствіи даже колесъ, вмѣсто того, чтобы идти впередъ, подавался назадъ. Нечего было иного дѣлать, какъ идти назадъ въ Петергофъ. Государь изъ Петергофа поскакалъ вчера вечеромъ въ Царское Село, а сегодня изволитъ отправляться сухимъ путемъ со свитою въ Пруссію... Я видѣлъ князя Волконскаго сегодня утромъ очень рано. Онъ здоровъ, но натерпѣлся довольно.“ (Ib.. 267).

[2]) К. Я. Булгаковъ писалъ 1 Мая 1834 года брату: „Здѣсь многіе называли жезломъ трость, пожалованную князю Волконскому. (Р. Арх., 1904, III, 418).

Александру I, воздвигнутый, свидѣтельствуетъ потомству благодарность признательнаго отечества къ виновнику его величія. Воспоминаніе сихъ славныхъ событій приводитъ Меня, естественно, къ мысли, что вы, неразлучно находясь при Императорѣ Александрѣ I въ походахъ 1813 и 1814 г.г.. имъ избраны были для сообщенія мудрыхъ изреченій его воли, которое все направлялось къ окончательному торжеству надъ противниками; желая почтить еще разъ въ лицѣ вашемъ память сихъ славныхъ временъ, повелѣваемъ къ носимому вами съ потомствомъ княжескому достоинству, прибавить титутъ свѣтлости."

Открытіе колонны совершилось съ большою торжественностью. На площади были собраны 120 тысячъ войскъ... Послѣ ихъ ВЫСОЧАЙШАГО объѣзда, начали молебенъ, а затѣмъ шелковая завѣса спала съ памятника и войска взяли на караулъ. Послѣдовала артиллерійская пальба и войска начали церемоніальный маршъ передъ памятникомъ. Государь шелъ впереди, ведя роту дворцовыхъ гренадеръ и, приблизясь къ рѣшеткѣ памятника, обнялъ стоявшаго на конѣ внутри рѣшетки князя П. М. Волконскаго. Мѣсто это во все время церемоніи было ему назначено, какъ ближайшему сподвижнику почившаго Монарха.

Очевидѣцъ этого праздника, К. Я. Булгаковъ, писалъ брату 31 Августа 1834 г.: „На ступеняхъ колонны стояла рота дворцовыхъ гренадеръ подъ командою князя Волконскаго, котораго Государь, подъѣхавъ къ нему, два раза обнялъ" [1])

Наконецъ, въ томъ же 1834 году, князь Волконскій, сопровождая Государя въ Берлинъ, получилъ отъ Прусскаго Короля брилліантовую шпагу [2]).

29 Ноября 1834 г. К. Я. Булгаковъ писалъ брату: „Вчера былъ я у князя Петра Михайловича, нашелъ его

---

[1]) Р. Арх., 1904, III, 432.

[2]) Послужн. списокъ.

молодцомъ, пополнѣлъ и совсѣмъ не усталъ отъ путешествія. Король ему пожаловалъ шпагу, богато украшенную брилліантами, съ своимъ вензелемъ, что ему очень пріятно." [1])

Въ 1835 г., сопровождая ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА, князь Волконскій находился: въ Москвѣ—съ 8 Апрѣля по 24 Мая и въ Берлинѣ и Богеміи—съ 28 Іюля по 15 Октября.

Во время этого пребыванія Царской Семьи въ Москвѣ, она посѣтила князя Волконскаго въ Сухановѣ и К. Я. Булгаковъ 20 мая писалъ брату: „Я чаю, князь Петръ Михайловичъ счастливъ былъ угостить у себя въ Сухановѣ своихъ благодѣтелей." [2])

Съ 30 Іюля по 12 Декабря 1837 г. Волконскій находился при Государынѣ, во время ВЫСОЧАЙШАГО путешествія. 27 Августа онъ былъ назначенъ генералъ-инспекторомъ всѣхъ запасныхъ войскъ,

15 Декабря 1837 г. Волконскій получилъ, при собственноручномъ рескриптѣ Государыни Императрицы, портретъ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, украшенный брилліантами [3]).

Черезъ два дня, въ 8 часовъ вечера 17 Декабря, вспыхнулъ Зимній Дворецъ, Это было деревянное строеніе, оконченное постройкою еще въ 1762 г. и потому представлявшее обильную пищу огню. При первомъ извѣстіи о началѣ пожара, прибѣжалъ князь Волконскій, а затѣмъ прибылъ изъ театра Императоръ Николай I [4]). Пожаръ принялъ огромные размѣры и дворецъ былъ уничтоженъ огнемъ.

Едва потухли послѣднія искры догоравшаго зданія, какъ для возобновленія Зимняго Дворца была образована особая комиссія, предсѣдателемъ которой 19 Декабря [5]) былъ

---

[1]) Р. Арх.. 1904, III, 440.

[2]) Р. Арх., 1904, IV, 571.

[3]) Послужн. списокъ.

[4]) Разсказы очевидцевъ о пожарѣ Зимняго Дворца въ 1837 г. Р. Арх., 1865, стр. 1179 и слѣд.

[5]) Эта дата выставлена въ послужн. спискѣ. Въ статьѣ „По поводу полувѣка со времени возобновленіи Зимняго Дворца" (Р. Арх., 1889 г., IX, 102) указано, что коммиссія учреждена 29 Декабря 1837 г,

назначенъ князь Волконскій. Работа закипѣла, и въ началѣ 1839 г. Зимній Дворецъ возникъ изъ пепла во всемъ своемъ величіи. За эти труды князь Волконскій былъ награжденъ золотою, украшенною алмазами, медалью, учрежденною въ память возобновленія Зимняго Дворца. Это произошло 25 Марта 1839 г., въ Великую субботу, когда была освящена большая придворная церковь.

Въ 1838 году Волконскій сопровождалъ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА за-границу и состоялъ при Государынѣ въ Берлинѣ.

25 Января 1839 г. онъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи по сооруженію Исаакіевскаго собора, а 9-го Августа отбылъ съ Государемъ въ Москву, на открытіе памятника на Бородинскомъ полѣ. Въ день тезоименитства въ Бозѣ почившаго Императора Александра I, 30 Августа 1839 г., князь Волконскій былъ назначенъ шефомъ Бѣлозерскаго пѣхотнаго полка. Это была очень высокая награда, подчеркивавшая большія заслуги, оказанныя княземъ Волконскимъ во время войнъ съ Наполеономъ. Возвратился князь изъ этой командировки 23 Сентября.

Въ 1840 г., съ 3 Мая по 3 сентября, сопровождалъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО въ за-граничномъ путешествіи.

16 Апрѣля 1841 г. князю Волконскому была пожалована золотая, украшенная брилліантами, табакерка съ портретомъ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ. Въ этомъ же году, съ 28-го Апрѣля по 25 Мая, онъ находился въ Москвѣ, гдѣ пребывала Царская фамилія.

27 Марта 1842 г. князю Волконскому, указомъ Сенату, было повелѣно быть Канцлеромъ Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ. Въ виду этого назначенія, ему пожалованъ орденъ Св. Станислава I ст. 22 Ноября 1842 г., а на другой день полкового праздника л.-гв. Семеновскаго полка, князь Волконскій былъ назначенъ шефомъ 3-й гренадерской роты этого полка.

Празднованіе 50-лѣтія состоянія въ офицерскихъ чинахъ кн. Волконскаго состоялось 1 Января 1843 г.

Въ этотъ день Бѣлозерскому пѣхотному полку было повелѣно называться полкомъ князя Волконскаго.

Петръ Михайловичъ занималъ въ то время небольшое помѣщеніе въ Зимнемъ Дворцѣ, а потому Гвардейскій корпусъ привѣтствовалъ юбиляра въ Гербовой (бѣлой) залѣ, а высшія особы прочихъ вѣдомствъ—въ залѣ Петра Великаго. Въ залъ былъ введенъ князь самимъ Государемъ. На почетномъ караулѣ у князя стояли въ этотъ день чины Бѣлозерскаго полка.

По словамъ бар. Корфа, въ этотъ день, шестилѣтній сынъ камергера Дурново, внукъ князя по дочери, былъ пожалованъ въ камеръ-пажи, дочь старшаго сына, дитя трехъ мѣсяцевъ, и дочь 2-го сына, 7 лѣтъ, получили званіе фрейлинъ.

Въ 1843 г., съ 22 Сентября по 6 Октября, Волконскій сопровождалъ Государыню въ Москву, а съ 6 Мая 1845 г. по 19 Декабря 1846 г.—за-границу.

Панаевъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, разсказываетъ любопытные эпизоды, относящіеся къ 40-мъ годамъ XIX в. и рисующіе личность князя Петра Михайловича:

„Еще осенью около 1844 г., когда Дворъ долго оставался въ Гатчинѣ, онъ захворалъ припадками безсонницы и сильной жажды, которая утолялась только молокомъ, и, хотя былъ на ногахъ, но начиналъ впадать въ уныніе, такъ однажды писалъ онъ мнѣ, а графу Орлову поручалъ, въ случаѣ своей смерти, взять изъ такихъ то ящиковъ городского его бюро запечатанные пакеты и представить ихъ Государю. Вскорѣ послѣ крестинъ Александра Александровича припадки эти возобновились. Врачи нашли, что это diabitis, болѣзнь, отъ которой едва-ли кто выздоравливалъ, и что ему нужно ѣхать лѣчиться въ чужіе края.“

Князь уѣхалъ за-границу 14-го Мая. Не смотря на тяжкое положеніе больного и мнѣніе большинства врачей, что

болѣзнь неизлѣчима, управленіе министерствомъ никому „не было ввѣрено особо“. Начальникамъ отдѣльныхъ частей были предоставлены министерскія права съ тѣмъ, чтобы по дѣламъ, требовавшимъ ВЫСОЧАЙШАГО разрѣшенія, они представляли генералъ-адъютанту Адлербергу всеподданнѣйшія докладныя записки, для личнаго его доклада Государю.

Лѣтомъ 1845 г., во время пребыванія Царской Семьи въ Италіи, Государь Императоръ видѣлся съ княземъ Волконскимъ, но нашелъ его еще болѣе въ болѣзненномъ состояніи; страданія его не только не прекратились, но даже усиливались. Въ письмахъ своихъ князь Петръ Михайловичъ не скрывалъ ухудшеніе своего недуга и въ обществѣ полагали, что ему уже не увидать родины. Однако крѣпкая натура и сильная воля боролись съ болѣзнью настолько упорно и долго, что вызвали неподдѣльное удивленіе врачей. Такъ, лейбъ-медикъ Раль, разспросивъ однажды Панаева о состояніи больного, воскликнулъ: „Какъ сильна его натура Онъ еще борется съ болѣзнью, но она одолѣетъ; нѣтъ примѣровъ подобнаго излѣченія.“

Въ началѣ Іюля 1846 г. князь Волконскій вернулся на родину, хотя и былъ до чрезвычайности истощенъ и ослабленъ долгими страданіями. Силъ оставалось мало. Отъ Петергофской пристани его принесли во дворецъ, гдѣ было его помѣщеніе, на рукахъ. Далекій путь изъ за-границы временно ухудшилъ болѣзненное состояніе и двѣ недѣли онъ пролежалъ въ постелѣ, затѣмъ надежда на выздоровленіе появилась вновь. Князь, по разсказу Панаева „сталъ ѣздить на бойню брать животныя ванны и съ успѣхомъ; въ Сентябрѣ переѣхалъ въ Петербургъ, но въ должность не вступилъ, отлагая это до новаго года и надѣялся къ тому времени совершенно укрѣпится въ силахъ.“

Доклады по дѣламъ министерства продолжалъ генералъ Адлербергъ и однако Государь не забывалъ своего вѣрнаго совѣтника и ежедневно посѣщалъ князя Волконскаго.

Узнавъ о недовольствѣ Государя нѣкоторыми дѣлами подвѣдомственнаго ему министерства, князь Петръ Михайловичъ рѣшилъ не медля и не дожидаясь Января вновь вступить въ отправленіе своей должности. 17-го Декабря онъ надѣлъ мундиръ, взялъ портфель и отправился къ Государю. Государь сильно удивился и обрадовался, такъ какъ ему извѣстны были предположенія князя ранѣе 1-го Января не вступатъ въ должность. Государь встрѣтилъ его сердечнымъ возгласомъ: „Ты совсѣмъ выздоровѣлъ? Какъ я радъ!“

„Да, Ваше Величество, я чувствую себя гораздо лучше и съ нынѣшняго дня рѣшился вступить въ должность и пришелъ къ Вамъ съ докладомъ по нужному дѣлу.“

Наступившее улучшеніе здоровья Волконскаго было непродолжительно, въ Январѣ онъ заболѣлъ поясною рожею; вновь онъ началъ мучаться безсонницей и жестокими, жгучими болями, такъ что страданіе его вызывали искреннее соболѣзнованіе окружающихъ. Но какъ и раньше, князь мужественно боролся со страданіями, ни за что не соглашался оставить занятія дѣлами и при малѣйшемъ облегченіи болей углубляется въ работу, какъ бы желая использовать всѣ, можетъ быть немногія и уже сосчитанныя болѣзнью, мгновенья, которыя еще принадлежали ему. „Но часто принимаясь за перо,—вспоминаетъ Панаевъ,—не могъ подписать бумаги и съ болѣзненнымъ стономъ падалъ на спинку дивана, меня же не отпускалъ а по облегченіи боли опять продолжалъ заниматься.“

Узнавъ о мучительной болѣзни князя, Государь возобновилъ свои ежедневныя посѣщенія. Въ одно изъ такихъ посѣщеній, Государь, заставъ у князя управлявшаго контролемъ министерства, повелѣлъ ему уйти и сказалъ, чтобы никто князя не безпокоилъ докладами. Поэтому князь и Панаева не звалъ четыре дня, но на пятый, почувствовавъ облегченіе, снова призвалъ. „Только что мы расположились въ альковѣ его спальни, заслоненномъ шир-

мами, князь на диванчикѣ. предъ маленькимъ столикомъ а я противъ него въ креслахъ, подлѣ самой кровати“,— разсказываетъ Панаевъ,—„какъ вошедшій камердинеръ возвѣстилъ о Государѣ. Больной засуетился: „брось, сказалъ онъ, бумаги то на постель, а самъ выйди сюда“, причемъ показалъ на крайнюю половинку ширмъ. Но я тотчасъ же смекнулъ, что бросить бумаги на темное одѣяло постели значитъ обратить на нихъ невольное вниманіе, выйти же черезъ ту половину ширмъ, на которую указалъ князь и которая примыкала къ ближайшей отъ насъ колоннѣ алькова, не рѣшился, полагая, что она прибита къ полу, а пошелъ къ другой крайней половинкѣ ширмъ, черезъ которую вошелъ прежде. Мнѣ казалось, что я успѣю предупредить Государя, ибо камердинеръ увидѣлъ его только что вступившаго въ корридоръ, ведущій въ комнаты Министра. Не тутъ-то было. Онъ встрѣтилъ меня у самого выхода изъ алькова..

„А, ты здѣсь, вскричалъ Николай Павловичъ грознымъ голосомъ. „Развѣ тебѣ неизвѣстно мое повелѣніе?“

— Извѣстно, ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО, но меня требовалъ къ себѣ его свѣтлость.

„Однако-же мои повеленія кажется должны быть исполняемы. Слушай, Панаевъ, если въ другой разъ тебя застану здѣсь съ бумагами, посажу на гауптвахту.“

Тутъ онъ вступилъ въ альковъ, а я поскорѣе вонъ.

Послѣ этого министръ опять не присылалъ за мною нѣсколько дней, но потомъ, 28 Января, въ день рожденія Михаила Павловича, опять позвалъ меня. Ему сказали, что Государь ѣдетъ обѣдать въ Павловскъ. Хотя это было зимою, но Великому Князю вздумалось тамъ праздновать свое рожденіе. Поэтому Министръ полагалъ, что Государь не успѣетъ уже сегодня навѣстить его. Но вышло напротивъ. Едва я началъ докладывать. какъ прибѣжалъ камердинеръ съ извѣстіемъ, что идетъ Императоръ. Мы встрѣтились на томъ же мѣстѣ.

„А ты опять здѣсь?“

—Что же мнѣ дѣлать, ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО, когда Министръ за мною присылаетъ.

„Дѣлать то, что приказалъ Я. Ну, послушай, Панаевъ, если я встрѣчу тебя въ третій разъ, право, посажу на гауптвахту!“

Тутъ на лицѣ его, сначала суровомъ, мелькнула улыбка“...

2 Апрѣля 1849 г. Волконскому пожалована золотая, украшенная алмазами, медаль въ память построенія Московскаго Кремлевскаго Дворца. 2 Мая того же года, въ виду отъѣзда Государя къ арміи, назначенной для дѣйствій противъ венгерскихъ мятежниковъ. попеченію и заботливости князя Волконскаго ввѣрено было все, что могло относиться до охраненія Государыни Императрицы и всего оставшагося Августѣйшаго Семейства Его Величества, съ назначеніемъ для сего въ его распоряженіе четырехъ батальоновъ полковъ л.-гв. Преображенскаго и Семеновскаго.

1850 г.— счастливый годъ въ жизни князя Петра Михайловича, свидѣтеля грозныхъ военныхъ бурь. пронесшихся надъ Европой въ началѣ XIX вѣка: 6 Декабря Волконскій былъ пожалованъ генералъ-фельдмаршаломъ.

Въ данномъ по этому случаю ВЫСОЧАЙШЕМЪ приказѣ изложено: „Государь Императоръ, въ ознаменованіе МОНАРШЕЙ признательности къ незабвеннымъ заслугамъ, которыя не перестаетъ оказывать Престолу и Отечеству достигнувшій пятидесятаго года со времени пожалованія въ генеральскихъ чинахъ, Министръ Императорскаго Двора, ген.-адъют., ген.-отъ инфант. князь Волконскій, и въ особенности въ воспоминанія важныхъ событій 1813, 1814 и 1815 годовъ, въ продолженіе которыхъ онъ находился въ званіи Начальника Главнаго Штаба при Императорѣ Александрѣ I, направлявшемъ лично дѣйствія всѣхъ союзныхъ армій къ благотворной цѣли, рѣшившей судьбу Европы, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ жалуетъ ген.-ад. князя Волконскаго—

генералъ-фельдмаршаломъ, съ оставленіемъ въ прежнихъ званіяхъ и должности.“

Этой наградой князь Волконскій сопричтенъ къ небольшому кругу первѣйшихъ русскихъ полководцевъ, и съ этого времени его имя красуется въ первыхъ строкахъ длиннаго свитка русской военной исторіи.

Производство въ ген.-фельдмаршалы доставило кн. Волконскому огромное удовольствіе.

7 Декабря 1850 г. онъ писалъ своей невѣсткѣ *), княгинѣ Маріи Александровнѣ, рожденной гр. Бенкендорфъ: „Je t'annonce, chère amie, que hier j'ai été nommé Féld-Maréchal. Gregoire te donne tous les détails à ce sujet. Cet avancement m'a fait le plus grand plaisir, après mes 58 ans de service.“

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 14 Января 1851 г., князь снова возвращается къ этой наградѣ фельдмаршальскимъ чиномъ, говоря, что онъ ея не ожидалъ, считая свою „военную карьеру совершенно оконченной.“

Въ письмѣ 12 Декабря 1850 г. Закревскому, Волконскій писалъ: „Признаюсь вамъ, я сего никакъ не ожидалъ и полагалъ что карьера моя кончилась, какъ вдругъ 5-го числа Декабря за фамильнымъ обѣдомъ (къ которому я имѣлъ счастье быть приглашенъ), во время подачи шампанскаго, Государь, вставъ изъ-за стола, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Позвольте, Ваша Свѣтлость, поздравить васъ генералъ-фельдмаршаломъ.“ Меня сіе такъ поразило, что слезы потекли изъ глазъ, принося ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ мою благодарность. Императрица въ слезахъ подошла меня поздравлять, цѣлуя меня нѣсколько разъ, равно и вся ВЫСОЧАЙШАЯ фамилія послѣдовала ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ; таковая милость ни съ чѣмъ не можетъ сравниться. Послѣ обѣда, въ гостинной комнатѣ, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ пожаловалъ мнѣ фельдмаршальскіе эполеты, приказавъ тутъ же ихъ надѣть, а 10-го Декабря

*) Письма любезно сообщены составителю біографіи княземъ Александромъ Михайловичемъ Волконскимъ.

при рескриптѣ препроводилъ мнѣ и фельдмаршальскій жезлъ. . Для меня пріятно, что, по разнесшемуся слуху по всему городу, всѣ приняли сіе съ большою радостью и со всѣхъ сторонъ пріѣзжали поздравлять.“ [1])

Армія ждала этого назначенія и желала видѣть въ рукахъ Волконскаго фельдмаршальскій жезлъ. Такъ, по словамъ того же Корфа, генералъ Скобелевъ говорилъ: „Если бы у насъ были въ обычаѣ и въ правѣ народные адреса, то вся армія подписала бы адресъ о пожалованіи князю Петру Михайловичу фельдмаршальскаго жезла.“

— Дѣйствительно, — прибавляли другіе, — начальникъ Главнаго Штаба и сподвижникъ всѣхъ военныхъ дѣйствій покойнаго ИМПЕРАТОРА имѣлъ бы не менѣе, можетъ статься, на титулъ фельдмаршала, нежели дипломатическій статсъ-секретарь Александра на титулъ канцлера, а пожалованіе этого высшаго военнаго сана въ мирное время бывало нерѣдко и въ прежнія царствованія.“

Тѣмъ болѣе страннымъ кажутся слова, приводимыя Шиманомъ со словъ неизвѣстнаго современника относительно князя Волконскаго: „онъ получилъ и титулъ свѣтлѣйшаго, и чинъ генералъ-фельдмаршала, хотя никакой арміей не командовалъ.“ [2]) Да, онъ не командовалъ арміею по званію, но онъ состоялъ начальникомъ штаба при ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ I, раздѣлялъ его дѣятельность по командованію арміями союзниковъ въ 1813—14 г.г , преподавалъ ему, какъ мы видѣли выше, рядъ высокополезныхъ совѣтовъ и былъ на этой многотрудной должности не замѣнимъ.

Въ 1851 г., во время Скерневицкихъ маневровъ, кн. Волконскій находился во главѣ своего шефскаго (нынѣ Бѣлозерскаго) пѣхотнаго полка. Объ этомъ онъ писалъ своей невѣсткѣ 24 Мая: „Je suis fatigué de la manoeuvre ayant été

---

[1]) Сбор. Имп. Рус. Истор. Общ. т. 73, стр. 106—7.
[2]) Р. Арх. 1902, III, 466.

à cheval à la tête de mon régiment qui se trouve justement à Lovicz dans le 2 corps d'armée. J'ai été très content du régiment l'ayant trouvé très beau."

Очень мѣтко описываетъ участіе кн. Волконскаго въ ВЫСОЧАЙШИХЪ выходахъ кн. Н. К. Имеретинскій. „Позади всѣхъ,—пишетъ Имеретинскій *),—одинъ одинехонекъ, и сейчасъ же впереди царской фамиліи, медленно двигался, опираясь на жезлъ, осыпанный брилліантами, Министръ Двора, князь П. М. Волконскій. Этотъ видѣлъ уже тогда четыре царствованія. Всѣмъ было извѣстно, что уже при Павлѣ I Волконскій былъ семеновскимъ офицеромъ, а при Александрѣ Павловичѣ начальникомъ Главнаго Штаба, другомъ и постояннымъ спутникомъ Государя, свидѣтелемъ его послѣднихъ минутъ. Всѣ глаза останавливались съ почтеніемъ на этомъ низенькомъ, сѣдомъ, плотно выстриженномъ подъ гребенку, старикѣ, съ умными глазами и не по лѣтамъ бодромъ."

Послѣдніе годы дѣятельности князя, Михайловскій-Данилевскій рисуетъ въ такихъ выраженіяхъ:

„Доступъ къ нему свободенъ всякому. Нѣтъ даже и дня на то положеннаго. Съ одинаковою благосклонностью выслушиваетъ онъ крестьянина, ремесленника, художника, чиновника, вельможу, съ одинаковымъ вниманіемъ читаетъ и мнѣніе Государственнаго Совѣта, и просьбу крестьянина, на нѣсколькихъ листахъ, написанную безграмотно. Ни что не развлекаетъ его въ занятіяхъ. Прерываемый частыми докладами, онъ никогда не теряетъ нити лежащаго передъ нимъ дѣла и, отпустивъ докладчика, спокойно продолжаетъ писать свои замѣчанія, доказывающія, если бумага не новая, что прежнія обстоятельства дѣла свѣжо сохранились въ его памяти."

И эту удивительную свѣжесть памяти князь Петръ Михайловичъ сохранилъ почти до самой минуты своей кон-

*) Р. Стар. 1900, дек., 593.

чины—во все продолженіе предсмертной своей болѣзни, онъ былъ постоянно одѣтъ въ форменный сюртукъ безъ эполетъ, только страждущая нога, пораженная антоновымъ огнемъ, была разута. Сидя въ креслѣ, князь выслушивалъ доклады, прочитывалъ и подписывалъ бумаги, и такимъ видѣли его почти до самой смерти."

Заболѣлъ кн. Волконскій въ Октябрѣ 1851 г. У него открылись раны на ногѣ и онъ принужденъ былъ не трогаться, полулежа въ креслѣ. Это очень удручало его, привыкшаго къ движенію и дѣятельной жизни. Въ Мартѣ 1852 г. онъ, по совѣту врачей, выѣзжалъ въ каретѣ, одѣвая очень широкіе сапоги, но болѣзнь тотчасъ же обострилась. Съ Іюля Петръ Михайловичъ сталъ страдать безсонницею, уменьшавшею и безъ того небольшія силы больного.

О своей болѣзни кн. Волконскій 1 Іюля 1852 г. писалъ Закревскому; „Всѣ медики вообще находятъ, что идетъ хорошо, но я, признаюсь, вижу мало хорошаго, потому что страдаю отъ боли почти ежедневно, особенно по ночамъ; боль отнимаетъ сонъ, отчего и силы ослабѣваютъ. Прежде зимою могъ ходить и даже выѣзжать, теперь же никакъ не могу ступать на больную ногу; первый суставъ пальца уже потерялъ, и, безъ сомнѣнія, отойдетъ и второй. Дай Богъ, чтобы на этомъ остановилось и далѣе не распространялось. Сегодня были всѣ медики въ одно время и остались, кажется, недовольны г. Буяльскимъ, который только что прорѣзалъ и немедля уѣхалъ безъ всякаго объясненія и совѣта съ прочими; таковой поступокъ ихъ сердитъ; но каково же для меня, страждущаго? Однимъ словомъ, я не знаю, что мнѣ дѣлать и на кого положиться, кромѣ единственно на Бога."

Роковой конецъ приближался. 27 Августа 1852 года былъ послѣднимъ днемъ жизни свѣтлѣйшаго князя Петра Михайловича Волконскаго, жизни, наполненной самой разнообразной дѣятельности и всецѣло посвященной четыремъ царствованіямъ.

Похороны князя Волконскаго происходили въ Высочайшемъ присутствіи.

Поэтому поводу графъ Фицтумъ-фонъ-Экштедтъ пишетъ *):

„Престарѣлый князь П. М. Волконскій, одинъ изъ довѣреннѣйшихъ придворныхъ сановниковъ, умеръ послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни. Онъ сталъ, такъ сказать, заживо разлагаться, но вліяніе его на царскую фамилію сохранилось до послѣдняго издыханія. ИМПЕРАТОРЪ, ИМПЕРАТРИЦА, Великіе Князья и Княгини ежедневно посѣщали больного князя.

Похороны устроены были со всевозможнымъ великолѣпіемъ. По желанію ИМПЕРАТОРА, весь дипломатическій корпусъ и всѣ сановники государства должны были на немъ присутствовать. Когда, по окончаніи богослуженія, надо было закрывать гробъ, Государь вошелъ на ступени катафалка, поцѣловалъ лобъ усопшаго и долго стоялъ передъ гробомъ, преклонивъ колѣни. Затѣмъ, поднявшись, онъ далъ знакъ двѣнадцати унтеръ-офицерамъ взяться за гробъ и нести его къ могилѣ. Только что они двинулись съ мѣста, царь отстранилъ фланговаго солдата, взялся за ручку гроба и самъ понесъ тѣло своего вѣрнаго слуги.

Вся церемонія продолжалась болѣе получаса, въ продолженіе котораго всѣ взоры были устремлены на ИМПЕРАТОРА.“

Въ печальной церемоніи погребенія кн. Волконскаго приняла участіе и рота Дворцовыхъ Гренадеръ.

Историкъ этой роты посвящаетъ этому эпизоду нѣсколько строкъ, отзываясь о князѣ Волконскомъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ.

„27 Августа 1852 г. рота Дворцовыхъ Гренадеръ была, начиная съ командира и кончая послѣднимъ гренадеромъ, глубоко потрясена и опечалена неожиданнымъ извѣстіемъ

---

*) Рус. Стар. 1887, 378.

о кончинѣ Министра Двора, свѣтлѣйшаго князя Волконскаго, котораго вся рота глубоко любила и уважала, хотя онъ былъ строгъ, но и справедливъ. Нужно сказать, что князь Петръ Михайловичъ началъ свою служебную карьеру въ очень тяжелое для всѣхъ военныхъ время, въ царствованіе ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I, въ апогею принциповъ суровой дисциплины, когда властвовалъ девизъ Фридриха Великаго, гласившій, что: „хорошій солдатъ долженъ больше бояться палки своего капрала, нежели непріятельской пули.“ Эта школа выработала въ князѣ корректнаго, строго относящагося ко всѣмъ военнымъ обязанностямъ и дисциплинѣ офицера, который, при своихъ способностяхъ, скоро достигъ высокихъ должностей и большого вліянія въ военномъ мірѣ. Въ учрежденіи роты Дворцовыхъ Гренадеръ онъ принималъ самое живое участіе и, исключительно благодаря его хлопотамъ и ходатайству передъ Государемъ, ротѣ были дарованы многія права и преимущества, а она сама была поставлена на ступень настоящей строевой части. Кромѣ этого, князь былъ въ высшей степени отзывчивъ ко всѣмъ нуждамъ гренадеръ и всегда съ добрымъ сердцемъ шелъ имъ на помощь. Все это было отлично извѣстно всѣмъ чинамъ роты и потому смерть любимаго начальника всѣхъ повергла въ большое горе Государь Николай Павловичъ тоже глубоко цѣнилъ своего Министра Двора, и поэтому, когда получилъ свѣдѣнія о его кончинѣ, немедленно самолично сдѣлалъ распоряженіе по ротѣ о немедленной высылкѣ въ Петергофъ караула къ тѣлу почившаго. Для этого Государь собственноручно написалъ полковнику Кочмареву три записки, изъ которыхъ одна была получена въ тотъ же день, въ пять часовъ пополудни, а двѣ—въ двѣнадцать часовъ ночи. Государь приказалъ тогда нарядить—1 оберъ-офицера, 3 унтеръ-офицеровъ, 1 барабанщика, 1 флейтщика и 24 гренадера. которые въ ту же ночь выѣхали изъ Петербурга въ трехъ дилижансахъ и одномъ фургонѣ, отпущенныхъ изъ придворно-конюшеннаго вѣдомства. Утромъ,

28 Августа караулъ былъ уже въ Петергофѣ и выставилъ четырехъ почетныхъ часовыхъ у тѣла и караулъ у Большого Дворца. при входѣ въ квартиру, со стороны разводной площадки. Послѣ торжественной панихиды, на которой присутствовали Государь, Государыня, всѣ Великіе Князья, Министры и высшіе чины Двора, министерствъ и военные. тѣло покойнаго, сопровождаемое гренадерами, было доставлено въ Петербургъ, гдѣ, по повелѣнію Государя, было выставлено въ большомъ залѣ Удѣльнаго Дома. 1 Сентября, въ день погребенія въ церкви Введенія Богородицы, ротѣ было приказано выставить два караула—одинъ со знаменемъ у главнаго подъѣзда Удѣльнаго Дома, другой у входа въ Траурный залъ. Самую же процессію ротѣ приказано было не сопровождать, а нарядить только въ церковь 12 гренадеръ, изъ служившихъ раньше въ л.-гв. Семеновскомъ полку, для снятія гроба съ колесницы и для опусканія его въ могилу. Всѣ эти распоряженія были сдѣланы лично самимъ Государемъ.

Насколько князь любилъ подчиненныхъ ему гренадеръ, видно изъ того, что еще до своей кончины онъ не забылъ ихъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, назначивъ нѣкоторую сумму денегъ для раздачи гренадерамъ, которые будутъ въ караулѣ во время его погребенія, а также завѣщалъ для вѣчнаго храненія въ ротѣ свою медвѣжью шапку, которая 10-го Ноября и была препровождена въ роту новымъ Министромъ Императорскаго Двора, графомъ Адлербергомъ. Въ предписаніи по этому поводу, между прочимъ, было сказано. что шапка, съ золотыми кутасами, гербомъ и проч., препровождается „для храненія ея въ Ротѣ въ память того, что покойный имѣлъ счастье быть начальникомъ столь заслуженныхъ воиновъ.“

Современный репортажъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ описываетъ погребеніе князя Волконскаго *):

*) Особ. прибавл. къ № 203 Рус. Инв. 17 Сент. 1852 г.

„Введенская церковъ, какъ принадлежащая лейбъ-гвардіи Семеновскому полку, по ВЫСОЧАЙШЕМУ назначенію должна была принять прахъ того, кто началъ службу въ рядахъ Семеновскаго полка, постоянно состоялъ въ его спискахъ и даже имѣлъ главный надзоръ за построеніемъ самой церкви.

1-го Сентября по улицамъ, ведущимъ отъ Департамента Удѣловъ до Введенской церкви (прилежащей къ Павловскимъ казармамъ части Царицына луга, Садовой, Гороховой и части Загороднаго проспекта), были выстроены для отданія чести: третьи батальоны 1-ой и 2-ой Гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій и лейбъ-гвардіи Литовскаго полка; первые два баталіона Гренадерскихъ полковъ 3-й Гвардейской пѣхотной дивизіи; л.-гв. Волынскій и Сводно-Казачьи полки, л.-гв. Легкая № 1 пѣшая и Л.-Гв. Конно-Батарейная батареи. Для сопровожденія тѣла и участія въ шествіи, были назначены: л.-гв. Семеновскій и Кавалергардскій ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА полки и л.-гв. Батарейная Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича пѣшая батарея. Всего въ строю было: 18 батальоновъ, 12 эскадроновъ, 16 пѣшихъ и 8 конныхъ орудій. Всѣми войсками командовалъ Командующій временно Гвардейскимъ и Гренадерскимъ корпусами, генералъ-адъютантъ графъ Редигеръ; всею пѣхотою—генералъ-адъютантъ Сумаруковъ; артиллеріею—Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Генералъ-Маіоръ Мерхилевичъ.

Въ день погребенія 1-го Сентября, въ 9 час. утра, ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ и ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА, Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья: Константинъ, Николай и Михаилъ Николаевичи и ихъ Высочества: Герцогъ Георгъ Мекленбургъ-Стрелицкій и Принцъ Августъ Виртембергскій изволили прибыть на выносъ тѣла. По совершеніи Высокопреосвященнымъ Никаноромъ, Митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ, съ членами Святѣйшаго Сунода

и придворнымъ духовенствомъ, краткой литіи, тѣло было вынесено изъ церкви, поставлено на траурную колесницу и печальная процессія двинулась вдоль рядовъ войскъ къ церкви Введенія Богородицы. въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) швейцаръ въ траурѣ, 2) офиціанты съ лентами цвѣтовъ фамильнаго герба, 3) фамильный гербъ, 4) крестьяне Его Свѣтлости, 5) Удѣльное Земледѣльческое Училище, 6) Удѣльное Землемѣрное Училище, 7) Гатчинское Дворцовое Правленіе. 8) Петергофское Дворцовое Правленіе, 9) Царскосельское Дворцовое Правленіе, 10) Чины Императорскаго Ботаническаго Сада, 11) чиновники С.-Петербургской Театральной Дирекціи, 12) Румянцевскій музеумъ, 13) Императорская Академія Художествъ, 14) Императорская Публичная Библіотека, 15) Маіоръ-отъ-воротъ и Бау-Адъютантъ Императорскаго Зимняго Дворца и офицеры инвалидныхъ №№ 2 и 3 ротъ и мастеровой роты, 16) Егермейстерская контора. 17) Придворная Конюшенная Контора, 18) Придворная ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Контора, 19) Контроль и Канцелярія Министерства Императорскаго Двора, 20) Кабинетъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, 21) Департаментъ Удѣловъ, 22) Капитулъ Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ, 23) иностранные ордена, младшіе впереди, 24) россійскіе ордена, младшіе впереди, 25) Гофъ-Фурьеръ Высочайшаго Двора съ двумя скороходами, въ парадной ливреѣ, 26) пѣвчіе, по сторонамъ ихъ двѣнадцать придворныхъ лакеевъ и два камеръ-лакея въ полной ливреѣ, 27) духовенство, 28) печальная колесница, 29) родственники покойнаго, 30) чины Высочайшаго Двора, начальники частей Министерства Двора и прочія особы, приглашенныя на выносъ тѣла, 31) Верховая лошадь, ведомая двумя рейткнехтами въ траурѣ, 32) траурная карета, 33) лейбъ-гвардіи Семеновскій и Кавалергардскій ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА полки и л.-гв. Батарейная Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича пѣшая батарея.

По прибытіи къ церкви, тѣло было снято съ колесницы и по внесеніи въ храмъ, поставлено на катафалкъ. Послѣ Божественной Литургіи, отпѣваніе было совершено Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ со знатнымъ духовенствомъ и двумя хорами придворныхъ пѣвчихъ въ присутствіи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей: Константина, Николая и Михаила Николаевичей; Великихъ Княгинь: Александры Іосифовны и Маріи Николаевны, Принца Виртембергскаго и Герцога Георга Мекленбургъ-Стрелицкаго, знатныхъ особъ обоего пола и дипломатическаго корпуса. При опущеніи тѣла въ могилу, произведенъ былъ трекратный залпъ л.-гв. Семеновскимъ полкомъ и батареею Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича.

Смертные останки Его Свѣтлости Князя Петра Михаиловича преданы землѣ по правую сторону западныхъ вратъ церкви Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, въ придѣлѣ Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго."

IX.

Черты характера кн. Волконскаго.

Отзывы современниковъ.

Князь Волконскій отличался высокою честностью, никогда не мирволилъ своимъ родственникамъ и не злоупотреблялъ для ихъ блага своимъ высокимъ положеніемъ.

Такъ, отецъ прапорщика Литовскаго полка, Петръ Грессеръ, начальникъ Штаба отдѣльнаго Литовскаго корпуса, былъ женатъ вторично на сестрѣ князя Волконскаго. Разъ, во время пріѣзда Императора Александра I въ Варшаву, Грессеръ самъ явился къ Волконскому. Не давъ ему сказать ни слова, Волконскій рѣзко объявилъ ему, чтобы онъ не думалъ найти въ немъ покровителя. „Пріобрѣтай вниманіе Государя Цесаревича честною и усердною службою и не надѣйся ни на отца, ни на меня, если будешь дуракомъ.“ [1]) 19 февраля 1821 г. Волконскій писалъ Васильчикову: „На службѣ у меня нѣтъ родныхъ, всѣ для меня равны, и когда мои сыновья будутъ на службѣ и я ее еще не оставлю, увидятъ, какой я покажу примѣръ, потому что я нахожу, что нынѣшняя молодежь въ высшей степени не благодарна и думаетъ только о повышеніи, не зная, заслуживаетъ ли она его.“ [2])

Насколько не любилъ вообще князь Волконскій всякаго рода протекцій, видно еще изъ разсказа А. М. Булатова, бывшаго въ то время молодымъ офицеромъ. „Князь Волконскій,—пишетъ Булатовъ [3]),—слѣдилъ за правильнымъ ношеніемъ военной формы; отступленій не допускалось, и бѣда, если кто попадется одѣтый не по формѣ; въ то время, какъ случился со мною эпизодъ, о которомъ говорю, была мода между молодыми офицерами носить шляпу не по формѣ; такъ и я, однажды, выходя изъ кондитерской

---

[1]) Р. Стар., 1892, Окт., 66—67. Записки Веригина.

[2]) Рус. Арх., 1875, II, 77.

[3]) Р. Стар., 1887, 208—209.

Доминика и надѣвъ не по формѣ шляпу, лишь только ступилъ на тротуаръ, какъ почти столкнулся съ П. М. Волконскимъ; я ему отдалъ честь, онъ сурово посмотрѣлъ и прошелъ далѣе; ну, быть бѣдѣ, подумалъ я, поправляя шляпу, и тутъ мнѣ блеснула мысль искать защиты у его сестры Кожиной, у которой я въ тотъ день долженъ былъ обѣдать; князь въ обѣденные дни у сестры иногда бывалъ, а иногда и нѣтъ. Задолго до обѣденнаго времени я явился къ Кожиной и разсказалъ ей о встрѣчѣ моей съ княземъ П. М., прося ея защиты; она выслушала, улыбнулась и сказала: „только то, не безпокойся, Саша, я скажу князю и онъ не посмѣетъ тебя тронуть.“

Пріѣхали гости къ обѣденному столу, а за 5 минутъ и самъ князь Петръ Михайловичъ. Поздоровался и виду не подалъ, вѣроятно, забылъ; я успокоился; обѣдъ шелъ своимъ чередомъ, но, какъ всегда при князѣ, чопорно, монотонно и уже приближался къ концу; передъ самымъ пирожнымъ вдругъ Кожина, обращаясь къ брату, говоритъ: „Пьеръ, ты сегодня гулялъ по Невскому?“ — „Гулялъ.“ — „Ничего особеннаго не замѣтилъ?“ -- „Нѣтъ.“ -- „Ничто тебя не разсердило? Никого не встрѣтилъ?“ — „Нѣсколько знакомыхъ, но особеннаго или непріятнаго ничего не было.“

„Ну, видишь, Саша, сказала Кожина, обращаясь ко мнѣ, тебѣ нечего бояться“.

Я чувствовалъ грозу, глаза князя оживились, онъ какъ будто припомнилъ что-то, когда спросилъ:

— „А что такое?“

„Вотъ видишь, Пьеръ, Alexandre Булатовъ тебя сегодня встрѣтилъ, выходя отъ Доминика, а шляпа у него была надѣта не по формѣ; онъ боится, что тебя разсердилъ и что ты его накажешь; прошу тебя ему ничего не дѣлать; если тронешь-- gare à vous!“

— „Не бойся, сестра, -- сказалъ князь съ улыбкою, отъ которой меня бросило въ холодъ, — я твоего протеже не трону.“

Послѣ обѣда князь немедленно уѣхалъ; посидѣвъ немного у Кожиной, я возвратился домой, а въ 9 час. былъ вытребованъ по начальству, откуда долженъ былъ, по распоряженію князя П. М., отправиться на сенатскую гауптвахту на 24 часа.

Кожина не могла простить это своему брату, и въ теченіе цѣлаго мѣсяца князь подвергался ея остракизму и не былъ ею принимаемъ."

По словамъ Панаева, всѣ близко знавшіе П. М. Волконскаго отдавали ему должное въ отношеніи его безпристрастія, неискательности и нежеланія использовать свое вліяніе для снисканія какихъ-либо выгодъ своимъ роднымъ. Такъ, князь Дмитрій Петровичъ попалъ въ совѣтники гофъ-интендантской конторы по представленію Оберъ-Гофмейстера графа Кутайсова, а въ вице-президенты по ходатайству Ѳ. П. Опочинина; наконецъ, даже орденъ Станислава 1 степени онъ получилъ по представленію В. И. Панаева. Характеренъ былъ отвѣтъ князя П. М. на объясненіе Панаева, что князю Дмитрію пришелъ срокъ къ полученію этого ордена: „Да какъ же я пойду о немъ докладывать, о моемъ сынѣ?"

То же постоянное желаніе ставить на первое мѣсто законъ, видно изъ резолюціи кн. Волконскаго на письмо къ нему А. П. Ермолова. Послѣдній писалъ 10 Января 1844 года князю о московскомъ полицеймейстерѣ, полковникѣ Ермоловѣ, прося его назначить на освободившуюся должность управляющаго московскою Удѣльною Конторою. Но князь Волконскій отвѣчалъ, что „при увольненіи управляющаго московской Удѣльной Конторою въ то же время опредѣленъ другой изъ управляющихъ уже Удѣльной Конторою, на основаніи состоящаго на то положенія." *)

Ясно и твердо сознавалъ князь Волконскій значеніе и необходимость дисциплины, нѣсколько пошатнувшейся въ русской арміи послѣ ряда за-граничныхъ походовъ.

*) Р. Арх., 1908, V, 165.

Такъ, когда въ л.-гв. Измайловскомъ полку произошла непріятная исторія съ командиромъ полка, Мартыновымъ, вслѣдствіе чего офицеры подали прошеніе объ отставкѣ, кн. Волконскій 11 сентября 1820 г. писалъ: „таковыхъ отнюдь не нужно оставлять на службѣ; ежели не умѣютъ повиноваться и цѣнить службою, пусть идутъ хотя всѣ, мѣста ихъ могутъ быть заняты другими, а не надобно показывать того, что ими дорожатъ, ибо они и не стоятъ того. Офицеръ, не умѣющій повиноваться, никогда самъ хорошимъ начальникомъ быть не можетъ; слѣдовательно, для службы не есть потеря. Ежели Мартыновъ худо съ офицерами обошелся, то дѣло бригаднаго и дивизіоннаго замѣтить таковой поступокъ, а не подчиненнымъ разсуждать о дѣяніяхъ начальника по службѣ, особенно ежели они не касаются чести офицеровъ."

Высказывается князь Волконскій также противъ существовавшаго въ то время обычая разжалованія офицеровъ въ солдаты на короткое время, и то для проформы. „Люди признаются въ воровствѣ, въ смертоубійствѣ и другихъ подобныхъ неистовыхъ поступкахъ,—пишетъ Волконскій 29 Октября 1820 года,—и по суду разжалованные безъ выслуги, не могутъ быть терпимы ни въ какомъ обществѣ и должны наказаніе свое нести въ полной мѣрѣ, потому что много есть такихъ, кои наказаніе считаютъ ни во что, говоря—„ну, разжалуютъ въ солдаты, а тамъ черезъ годъ или два простятъ." Къ тому извѣстно, какъ сіи разжалованные служатъ; ни одинъ настоящей должности рядового не несетъ, а только званіе, и живетъ или у баталіоннаго, или ротнаго командира, какъ бы провесть годъ или два, а тамъ и выплакиваетъ у начальства прощеніе. Къ такому роду людей никогда никакой жалости имѣть нельзя и не должно; симъ способомъ много бы зла прекратилось, ежели усмотрятъ, что, подпавъ подъ наказаніе, болѣе уже не выслужишься, или по крайней мѣрѣ не скоро."

15-го Февраля 1821 г. кн. Волконскій писалъ Закревскому: „слышу, что многіе вступаются за Корсакова, котораго за разстегнутый мундиръ выгоняютъ; всѣхъ бы этихъ защитниковъ слѣдовало бы наказать подобно Корсакову, ибо можно ли до большей степени забыться, какъ сдѣлалъ Корсаковъ и гдѣ еще—во дворцѣ. Кто мнѣ отвѣчаетъ, что послѣ того иной и штаны не разстегнетъ; и все надобно терпѣть?“

Характернымъ является, для обрисовки кн. Волконскаго, его понятіе о подчиненности по отношенію къ дѣлу А. Ѳ. Лабзина, который за свои неосторожныя и необдуманныя слова былъ лишенъ должности и высланъ изъ Петербурга.

27 Ноября 1822 г. князь Волконскій писалъ Оленину: „Ежели бы Лабзинъ сей поступокъ оказалъ наединѣ съ Вами, тогда бы можно было оный оставить безъ вниманія, но въ полномъ собраніи таковой поступокъ не можетъ быть извинителенъ, а еще менѣе въ присутствіи самого начальника, которому сего терпѣть никакъ не слѣдовало. По службѣ, Вы сами довольно знаете, никакихъ подобныхъ уваженій быть не можетъ, и младшій передъ старшимъ ни въ какомъ случаѣ забываться не долженъ и старшему спускать ничего не должно, ежели младшій забывается.“

Такими правильными понятіями о дисциплинѣ была проникнута вся дѣятельность князя Волконскаго, всегда видѣвшаго въ точной дисциплинѣ долгъ всякаго служащаго, а тѣмъ болѣе военнаго.

Признавалъ также князь Петръ Михайловичъ, что въ военной службѣ нѣтъ мелочей. Въ письмѣ 1 Февраля 1821 г. онъ писалъ Васильчикову: „Какимъ образомъ позволяютъ писарямъ ходить переписывать частныя бумаги, что въ наше время было строго запрещено и чему даже не было примѣра? Вотъ, въ чемъ я нахожу, что служба недостаточно

наблюдается — въ этихъ мелочахъ, которыя, вѣрьте мнѣ, очень важны.“ [1])

Въ 1845 г., по ВЫСОЧАЙШЕМУ Указу, 17 Марта князю Волконскому было пожаловано 400 тысячъ рублей, по случаю рожденія великаго князя Николая Александровича.

По словамъ Панаева, [2]) управлявшаго канцеляріей Министра Императорскаго Двора, князь Волконскій былъ обиженъ этою наградою и предполагалъ отъ нея отказаться, говоря про Государя: „Зачѣмъ меня старика обидѣлъ? Зачѣмъ замарали мой формуляръ? Я никогда не просилъ и не получалъ денегъ. Я служу не изъ за этого.“

Вотъ что записалъ по этому поводу Панаевъ:

„На другой день я опять спросилъ князя, неужели онъ въ самомъ дѣлѣ не приметъ денегъ. „Казначей приносилъ ихъ ко мнѣ, но я прогналъ его съ ними.“—Говорятъ, что на вашемъ имѣніи, полученномъ отъ тетушки, числится именно 400 тысячъ рублей: Государь хотѣлъ вамъ дать возможность избавиться отъ этого бремени.“—Долгъ этотъ не на мнѣ, а на имѣніи, а имѣніе принадлежитъ дѣтямъ, они и выплатятъ, я же не пользовался имъ и не пользуюсь; весь доходъ, за исключеніемъ ста двадцати тысячъ ассигнаціями, изъ которыхъ шестьдесятъ тысячъ назначилъ я на содержаніе тетушки и по тридцати сыновьямъ, обращаются въ уплату долга, котораго прежде было около трехъ милліоновъ, уплачена же половина.“ Я замолчалъ, а дня черезъ четыре опять сдѣлалъ ему этотъ вопросъ. „Вчера, отвѣчалъ князь, Императрица и Наслѣдникъ приходили убѣждать меня, говоря, что Государь огорчается, ну, нечего дѣлать, я согласился. Однако же деньги эти не будутъ моими, я сдѣлалъ имъ назначеніе.“ Съ симъ словомъ онъ отперъ ящикъ письменнаго стола

---

[1]) Рус. Арх., 1875, II, 73.
[2]) Р. Стр., 1892, Ноябрь, 276 и слѣд.

и подалъ мнѣ страничку исписанной бумаги, говоря: „вотъ сдѣланное мною назначеніе, уладьте мнѣ это.“

Въ запискѣ было сказано, что онъ, служа болѣе 50 лѣтъ, бывши въ столькихъ походахъ и сраженіяхъ и раздѣляя съ войсками труды и опасности, всегда желалъ принять участіе въ обезпеченіи участи раненыхъ ветерановъ, но не имѣлъ къ тому средствъ; нынѣ же, по милости Государя, онъ ихъ имѣетъ и потому жертвуетъ въ пользу инвалидовъ пожалованные ему 400.000 руб. сер.

Панаевъ сознается, что сдѣланное княземъ назначеніе ему пришлось не по душѣ, вслѣдствіе большого числа пожертвованій, поступавшихъ именно на этотъ предметъ, а потому, „сдѣлавшееся слишкомъ обыкновеннымъ“, а также и потому что они „потеряли вѣсъ отъ поступленія въ Комиссію раненыхъ разныхъ взносовъ, не отъ чистаго источника происходящихъ.“ — „Хотя я и обработалъ проектъ князя“, объясняетъ онъ, но составилъ и другой, свой, состоявшій въ томъ, что онъ жертвуетъ эти деньги въ пользу военно-учебныхъ заведеній съ тѣмъ, чтобы на проценты съ капитала, на вѣчныя времена, содержалось въ трехъ старшихъ кадетскихъ корпусахъ такое число воспитанниковъ изъ родовитыхъ, обѣднѣвшихъ дворянъ, какое окажется возможнымъ.“

Прочитавъ на другое утро оба проекта, князь П. М. сказалъ Панаеву, что отдалъ бы его проекту предпочтеніе, если бы прошлою ночью не придумалъ иного назначенія деньгамъ. На вопросъ Панаева, въ чемъ именно состоитъ новый проектъ, князь отвѣтилъ: „Объ этомъ узнаютъ послѣ смерти моей.“

По просьбѣ Михайловскаго-Данилевскаго, занимавшагося въ то время составленіемъ біографій генераловъ, портреты коихъ находились въ военной галлереѣ Зимняго Дворца, Панаевъ написалъ часть біографіи князя П. М. Волконскаго, заключавшую въ себѣ его службу на гражданскомъ поприщѣ. Составивъ текстъ обѣихъ біографій,

Михайловскій - Данилевскій счелъ однако необходимымъ представить рукопись на просмотръ самому князю, а потомъ уже приступить къ печатанію. Прочитавъ, князь П. М. сдѣлалъ нѣкоторыя незначительныя поправки, но надъ 1845 годомъ, гдѣ отмѣчалось пожалованіе 400.000 р. серебр., надписалъ сверху: „которые принялъ только по настоянію ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.“ Эта краткая и вполнѣ правдивая надпись однако сильно встревожила Михайловскаго Данилевскаго, онъ тотчасъ пріѣхалъ къ Панаеву и умолялъ его убѣдить князя исключить эту вставку, потому что „цензура ее не пропуститъ.“ Князь, однако, не согласился вычеркнуть свою приписку и тогда уже М.-Данилевскій пріѣхалъ къ нему лично и отъ имени Военнаго Министра объяснилъ, „что если князь настоятельно желаетъ оставить свою вставку, то онъ, князь Чернышевъ, не иначе можетъ разрѣшить встрѣченное цензурою затрудненіе, какъ съ доклада Государю Императору, представя дѣло на Его усмотрѣніе.“—„Пускай представитъ“, отвѣчалъ князь Петръ Михайловичъ, вспоминаетъ Панаевъ и съ чувствомъ восклицаетъ: „И что-же? Черезъ нѣсколько дней, Военный Министръ письменно увѣдомилъ князя Волконскаго, что онъ докладывалъ Государю объ извѣстной вставкѣ и что ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО повелѣлъ оставить ее такъ, какъ она есть, потому что сказанное въ ней правда. Какая честь великодушію Монарха и твердости подданнаго!“

Въ дневникѣ барона Корфа тоже говорится о пожалованіи 400 т. руб. князю Волконскому. „Хотя едва-ли кто прежде него,—пишетъ Корфъ,*) получалъ у насъ такую огромную денежную награду, однако почтенный старецъ худо скрывалъ свое огорченіе.“

— „На что мнѣ деньги,—говорилъ онъ,—когда я и такъ живу на всемъ готовомъ отъ Двора, дочь моя замужемъ,

*) Русск. Стар. 1899 г., дек. 510.

оба сына женаты, не только состояніе ихъ обезпечено, но всѣ они даже богаты.“

Пользуясь особымъ, исключительнымъ расположеніемъ Императора Николая I, князь Петръ Михайловичъ безбоязненно высказывалъ ему правду.

Въ 1848 г. возгорѣлась революція во Франціи. Императоръ Николай I желалъ потушить революціонный пожаръ вооруженнымъ вмѣшательствомъ. По этому поводу между Государемъ и княземъ Волконскимъ произошелъ интересный разговоръ, передаваемый со словъ князя Панаевымъ:

„На другой день бала у Наслѣдника, Министръ Двора кн. Волконскій, возвратился съ доклада съ раскраснѣвшимися щеками, что означало, что онъ имѣлъ съ Государемъ споръ.

— Вы, кажется, взволнованы, ваша свѣтлость? спросилъ Панаевъ.

— Да,

Отчего?

— Поспорилъ съ Государемъ.

— О чемъ?

— Хочетъ воевать.

Хотя я сейчасъ догадался, но, желая болѣе ввести князя въ разговоръ, спросилъ его: съ кѣмъ?

— Съ французами.

— За что?

— За то, что прогнали Филиппа.

— Да вѣдь онъ не жалуетъ Филиппа.

— Ну, вотъ подите. Говоритъ, что черезъ два мѣсяца поставитъ на Рейнъ 300,000 войска. На это я замѣтилъ ему, что у него найдется столько войскъ, чтобы отдѣлить на Рейнъ 300,000, а есть-ли деньги, безъ которыхъ нельзя воевать? Деньги,—возразилъ Государь, да какъ же вы съ Александромъ Павловичемъ вели три года такую большую войну? Нашлись же деньги!—Но развѣ Вы не

знаете, что мы вели ее на чужія деньги. Англія осыпала насъ субсидіями, а попробуйте попросить теперь—не дадутъ ни гроша. Ну, кажется, я прохладилъ его жаръ, думаю, что отступитъ отъ своего намѣренія."

И теперь, какъ въ 1830 году, были представители воинственныхъ и миролюбивыхъ тенденцій. Въ 1830 году Государя удерживали Нессельроде и Константинъ Павловичъ, а за войну стояли Дибичъ и Чернышевъ, теперь же удержалъ князь Волконскій, а за войну стоялъ князь Паскевичъ.

По воспоминаніямъ ген.-ад. П. П. Дурново *), внука кн. П. М. Волконскаго, послѣдній рисуется человѣкомъ долга, привыкшимъ къ системѣ, къ порядку, который былъ ему такъ нуженъ въ его многолѣтней службѣ на высшихъ должностяхъ генеральнаго штаба. Эта склонность къ порядку сказывалась и въ домашней обстановкѣ. Князь ежедневно самъ заводилъ всѣ свои часы, любилъ, чтобы каждая вещь стояла на опредѣленномъ мѣстѣ. Обожая Царскую Семью, онъ позволялъ себѣ ежегодно, въ Новый Годъ и на другіе праздники преподносить Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ какіе нибудь предметы за-граничнаго издѣлія, напримѣръ коробки съ парижскими перчатками и пр. Оберегая казну, князь былъ бережливъ, часто отказывалъ просителямъ въ денежныхъ пособіяхъ и даже получилъ прозваніе „Le Prinse Non!" Въ семьѣ онъ никогда не говорилъ ни о кончинѣ Павла I, ни о кончинѣ Александра I. Показывая же на одинъ шкафъ, ключъ отъ котораго всегда носилъ при себѣ, онъ говорилъ своимъ внукамъ, что въ шкафу сохраняются бумаги, о которыхъ знаетъ только Государь. Послѣ кончины Волконскаго, эти бумаги были отобраны и о дальнѣйшей ихъ участи П. П. Дурново не знаетъ.

---

*) Ген.-ад. П. П. Дурново родился въ 1835 г. и, слѣдовательно, имѣлъ 16 лѣтъ, когда скончался кн. П. М. Волконскій.

Фельдмаршалъ Дибичъ, посвящая въ своихъ воспоминаніяхъ отдѣльную главу князю Волконскому, пишетъ [1]):

„Князь Петръ Михайловичъ Волконскій занимаетъ также свое мѣсто при Государѣ съ полною преданностью къ Престолу. Смерть въ Бозѣ почивающаго Государя въ Таганрогѣ дала мнѣ случай удостовѣриться въ этой истинѣ. Никого изъ окружавшихъ тогда покойнаго Государя не поразила смерть усопшаго царя такъ глубоко, какъ князя Волконскаго. Я видѣлъ глубокую скорбь его, участіе и болѣзненное душевное страданіе о нашей ужасной потерѣ. Такое согласіе во взаимныхъ чувствахъ скорби и преданности къ нашему благодѣтелю сблизило насъ опять, ибо князь до того времени не могъ, кажется, забыть, что я нѣкогда былъ его подчиненнымъ, а впослѣдствіи занялъ у покойнаго Государя занимаемую имъ должность начальника главнаго его штаба. Теперь же я полагалъ, что онъ отъ меня удалился съ тѣхъ поръ, когда благоволеніе и милость царствующаго Монарха вручили мнѣ фельдмаршальскій жезлъ и достоинство полководца; впрочемъ, я долженъ сознаться, что онъ, по званію Министра Двора, въ полной мѣрѣ оправдываетъ ожиданія Государя, и почти излишнею экономіею и рѣдкою заботливостью оберегаетъ интересъ короны; онъ не избѣгаетъ ни трудовъ, ни напряженія безпрестанной дѣятельности, чтобы только удостоиться благоволительнаго взора своего Государя, и я убѣжденъ, что онъ готовъ принести всякую жертву для того, чтобы вѣрность и привязанность къ Особѣ царской подтвердить на самомъ дѣлѣ.“

Характеризуя кн. Волконскаго, Ад. Чарторыжскій пишетъ [2]), что „это былъ человѣкъ чрезвычайно добросовѣстный и исполнительный по службѣ, который впослѣдствіи пріобрѣлъ отличное знаніе военныхъ наукъ и былъ однимъ

---

[1]) Фельдмаршалъ графъ Дибичъ Забалканскій въ его воспоминаніяхъ 1830 г., Р. Стар. 1891 г., Май, 276.

[2]) Р. Стар. 1906, Августъ.

изъ основателей русскаго генеральнаго штаба. Характера онъ былъ всегда ровнаго, отличался разумностью и твердостью взглядовъ, которые не стѣснялся высказывать даже тогда, когда онѣ не соотвѣтствовали убѣжденіямъ Великаго Князя. Онъ всегда и весьма охотно старался оказывать людямъ услуги по мѣрѣ возможности. Я съ нимъ хорошо познакомился и долженъ былъ сознаться, что сохранилъ о немъ самое лучшее воспоминаніе, которое еще и до сихъ поръ, по истеченіи почти полувѣкового промежутка, во мнѣ живо."

Графъ Оттонъ де-Брэ, дипломатическій представитель Баваріи въ Россіи, отмѣчаетъ пользу, принесенную Министерству Императорскаго Двора особою бережливостью князя Волконскаго:

„Изъ министровъ,—пишетъ *) де-Брэ,—самый старшій лѣтами и первый по положенію есть Министръ Императорскаго Двора, князь Петръ Волконскій. Состоя при Императорѣ Александрѣ I начальникомъ Главнаго Штаба, Волконскій принималъ видное участіе въ крупныхъ военныхъ побѣдахъ, имѣвшихъ результатомъ вступленіе русскихъ войскъ въ Парижъ. Вскорѣ по восшествіи на престолъ Императорѣ Николаѣ I-го, онъ промѣнялъ военную карьеру на болѣе мирный, но требующій не менѣе труда, постъ Министра Императорскаго Двора, въ каковомъ званіи ему приходится завѣдывать многочисленными подвѣдомственными ему учрежденіями. Князь сохранилъ и въ занимаемой имъ нынѣ должности свои привычки: чрезвычайно холодный въ обращеніи и склонный къ бережливости среди расточительнаго общества, онъ отвѣчаетъ обыкновенно отказомъ на всякую просьбу и почти всегда бываетъ пасмуренъ и нахмуренъ. Его называютъ „Prince de pierre"; только благодѣтельному страху, который онъ распространяетъ вокругъ себя, надобно приписать то обстоятельство, что ему удалось ограничить до нѣкоторой степени злоупотребленія

*) Р. Стар., 1902, 134—135.

и мошенничества, которыя мелкіе чиновники и лакеи съумѣли ввести и упрочить. Онъ обремененъ годами и безчисленными наградами, къ которымъ присоединился пожалованный ему нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ фельдмаршальскій жезлъ—единственное отличіе, котораго честолюбіе заставляло его желать.

Въ придворномъ кругу давно уже надѣялись, что ему придется отказаться отъ своихъ многочисленныхъ должностей и передать ихъ другимъ лицамъ, но крѣпкая натура Волконскаго побѣдила всѣ приступы его болѣзни. Онъ по прежнему пользуется довѣріемъ ИМПЕРАТОРА, который цѣнитъ въ немъ преданнаго энергичнаго и честнаго, хотя подчасъ не вполнѣ покладистаго, слугу."

О князѣ П. М. Волконскомъ, баронъ Веліо, будучи Царскосельскимъ плацъ-маіоромъ, отзывается такъ:

„Князь П. М. Волконскій былъ мнѣ прямой начальникъ. Это былъ человѣкъ весьма дѣльный и я могу только съ похвалой вспоминать о немъ въ качествѣ моего начальника. Онъ всегда былъ вѣжливъ и любезенъ, никогда не высказывая неудовольствія, когда приходилось безпокоить его вопросами по дѣламъ службы. Въ позднѣйшее время мнѣ приходилось встрѣчать совершенно другое въ своихъ начальникахъ. Князь Волконскій ужасно боялся холеры; по утрамъ, когда я являлся къ нему съ докладомъ, у него такъ бывало накурено хлоромъ или эфиромъ, что я задыхался и радъ былъ скорѣе выбраться на воздухъ. Государь Николай Павловичъ любилъ шутить съ княземъ и, возвращаясь изъ Петербурга (въ Царское), въ шутку терся около князя, говоря: „Вотъ, князь, я тебѣ привезъ холеру." Князь отвѣчалъ Государю: „ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО все шутите, а этимъ нельзя шутить." [1])

По поводу отношенія Императора Александра I къ Волконскому, Вигель писалъ [2]): „Александръ даже въ

---

[1]) Сообщено Герцогомъ Г. Н. Лейхтенбергскимъ.

[2]) Затворницкій. Воен. Министры. 168.

кругу самыхъ близкихъ по крови, не переставая быть любезнымъ, старался сохранить всю величественную свою важность. Нельзя полагать, чтобы безпрестанное наблюденіе за самимъ собою никогда не утомляло его; наединѣ съ Волконскимъ любилъ онъ отдыхать: не открывая ему души своей, при немъ становился онъ человѣкомъ, который смѣется, сердится или бранится, какъ всѣ прочіе люди. На одномъ Волконскомъ истощалось иногда все дурное расположеніе духа Государя, къ нему чрезмѣрно милостиваго: онъ все переносилъ со смиреніемъ."

По свидѣтельству Михайловскаго-Данилевскаго, послѣ битвы подъ Дрезденомъ, Государь, „сохраняя совершенное спокойствіе передъ другими, не скрылъ передъ княземъ Волконскимъ своего прискорбія, что не принялъ на себя верховнаго предводительства союзными арміями и рѣшился непосредственно руководствовать всѣми движеніями союзниковъ, однако же не силою власти, но убѣжденіями ясными, кроткими."

По словамъ князя С. Г. Волконскаго (на сестрѣ котораго былъ женатъ Петръ Михайловичъ), только онъ, ген.-ад. Уваровъ, гр. Аракчеевъ и кн. Голицынъ имѣли право входить во внутренніе покои Государя заднимъ корридоромъ." *)

Начальникъ штаба отдѣльнаго Литовскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ-Зерновъ, сообщая о смерти Петра Михайловича говорилъ, что „въ нашей русской арміи послѣдовала горестная для всѣхъ перемѣна, ибо утрата князя — для всѣхъ русскихъ истинно горестна." Вельяминовъ въ частныхъ разговорахъ вспоминалъ всѣ заслуги покойнаго князя и очень откровенно горевалъ о потерѣ начальника, которому „можно было подчиняться."

Князь Петръ Михайловичъ питалъ особое нерасположеніе къ Аракчееву. Но онъ умѣлъ себя сдерживать и

---

*) Русск. Стар. 1893 г., Мартъ, 587.

сохранять во внѣшнихъ отношеніяхъ вполнѣ пріязненный тонъ.

„Позвольте, М. Г.,—писалъ Аракчееву 15 Января 1821 г. кн. Волконскій,—принесть мою наичувствительнѣйшую бла-дарность Вашему Сіятельству какъ за поздравленіе Ваше съ Новымъ Годомъ, равно и за лестныя на мой счетъ Ваши выраженія, которыя всячески стараться буду заслуживать, и, повѣрьте, искренно цѣню ихъ весьма много. Поздравляя равнымъ образомъ и Васъ, Милостивый Государь, съ Новымъ Годомъ, желаю лучшаго Вамъ здоровья и чувствительно сожалѣю, что оное столь разстроилось; при нынѣшнихъ обстоятельствахъ и безъ того жить трудно. Весьма радъ, Ваше Сіятельство, что дѣла Ваши по поселеніямъ идутъ съ успѣхомъ, я видѣлъ уже сіе изъ присланнаго отъ Вашего Сіятельства къ Государю приказа при вступленіи гренадерскаго имени Вашего Сіятельства полка. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ меня удостоить позволеніемъ прочесть оный и нельзя не отдать справедливость, видя таковыя распоряженія и отличный во всемъ порядокъ. Остается просить Бога о вознагражденіи попеченій ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА о своихъ войскахъ и неусыпныхъ трудовъ Вашего Сіятельства, и что бы войска чувствовали всю милость, имъ оказываемую.“

Зная особенныя помѣщичьи наклонности гр. Аракчеева, кн. Волконскій 28 Февраля 1818 г. изъ Вѣны присылалъ различныя цвѣточныя сѣмена изъ разныхъ садовъ. „Весьма желаю,—прибавлялъ Волконскій,—видѣть сіи цвѣты у Вашего Сіятельства въ Грузинѣ нынѣшнее лѣто. но боюсь, чтобы побѣгъ Бонапарта съ острова Эльбы не помѣшалъ.“ *)

Черезъ два мѣсяца онъ препровождаетъ къ нему гравированный портретъ Государя работы Изабе. „Намѣреніе мое есть прислать вамъ миніатюрный портретъ для медаліона, который изволите носить на шеѣ, ежели Вашему Сіятельству сіе будетъ угодно, ибо здѣсь ученикъ Изабе весьма иску-

*) Дубровинъ. Отеч. война въ письмахъ современниковъ, 547.

сенъ и по приказанію Государя пишетъ копіи съ его портрета для табакерокъ, изъ кабинета доставленныхъ, на коихъ портретъ совсѣмъ не похожъ.“ *)

12 Мая князь Волконскій переснялъ копію съ Государева портрета, писаннаго Изабе.

Къ л.-гв. Семеновскому полку князь Волконскій сохранялъ постоянно самыя теплыя отношенія. Вещественнымъ доказательствомъ этихъ чувствъ служитъ учрежденіе при полку пріюта для призрѣнія 12 старыхъ семеновцевъ.

Историкъ л.-гв. Семеновскаго полка пишетъ по этому поводу, что „однажды генералъ Гильдентштуббе встрѣтилъ одного изъ своихъ старыхъ солдатъ въ крайней нищетѣ, просящаго милостыню. Не имѣя возможности дать ему достаточное пожизненное обезпеченіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая, что подобные случаи, по всѣмъ вѣроятіямъ, не единичные, онъ обратился къ князю Волконскому, бывшему въ то время Министромъ Двора, съ проектомъ учрежденія при полку пріюта и съ просьбою содѣйствовать этому дѣлу. Князь Волконскій, считавшійся шефомъ 3-й гренадерской роты и получавшій по этому званію особое содержаніе, воспользовался случаемъ, чтобы сдѣлать доброе дѣло, и получаемое имъ содержаніе пожертвовалъ на учрежденіе пріюта и содержаніе въ полку 12-ти кроватей для достойныхъ стариковъ—однополчанъ, не имѣющихъ возможности зарабатывать себѣ пропитаніе трудомъ.“

Императоръ Николай I, цѣнившій людей долга, преданныхъ ему не только за страхъ, но и за совѣсть, любилъ вѣрнаго ему князя Петра Михайловича. Въ своемъ завѣщаніи, писанномъ въ 1844 г., т. е. еще за 8 лѣтъ до кончины кн. Волконскаго, Государь, въ числѣ прочихъ, благодарилъ князя П. М. Волконскаго, „который, не смотря на преклонныя лѣта, съ неизмѣннымъ усердіемъ и предан-

*) Ib. 555.

ностью пекся, какъ обо мнѣ, такъ и обо всемъ моемъ семействѣ и о моихъ собственныхъ дѣлахъ.“ *)

Панаевъ приводитъ еще нѣсколько эпизодовъ изъ жизни князя Петра Михайловича, характеризующихъ его личность.

По воспоминаніямъ В. И. Панаева, князь Петръ Михайловичъ, видя съ прискорбіемъ, что многое дѣлается не такъ, какъ бы, по его мнѣнію, слѣдовало, что расходы государственные растутъ непомѣрно, что въ кабинетѣ не достаетъ средствъ къ удовлетворенію щедротъ Государя, что роскошь при дворѣ съ каждымъ годомъ усиливается, что строится безъ надобности много дорогихъ зданій, что, не смотря на мирное время, содержится огромная армія, а рекрутскіе наборы отягощаютъ народъ, — неоднократно говаривалъ ему, особливо поспоривъ о чемъ-либо съ Государемъ, что пойдетъ въ отставку. Но побудительными причинами, вынудившими князя Волконскаго дѣйствительно просить объ увольненіи отъ должности, были таковы.

Весною 1851 года, Императоръ Николай Павловичъ пожелалъ сокращенія штатовъ. Для приведенія въ исполненіе ВЫСОЧАЙШЕЙ воли, при Государственномъ Совѣтѣ былъ учрежденъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Гурьева. Отданъ былъ приказъ упразднить гофъ-интендантскую контору, присоединивъ обязанности ея и дѣла, а также нѣкоторое число чиновниковъ, къ придворной. Въ придворной конторѣ должность вице-президента уже втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ оставалась незанятою, такъ какъ президентъ конторы, оберъ-гофмаршалъ графъ Шуваловъ, не желалъ имѣть никакого товарища. Съ упраздненіемъ гофъ-интендантской конторы, ея вице-президентъ долженъ былъ быть перемѣщенъ въ томъ же званіи въ придворную, и въ данномъ случаѣ это не вызывало никакихъ затрудненій, такъ

*) Р. Стар., 1896, Іюнь, 628.

какъ вакансія была свободна. Но замѣщеніе вакансіи княземъ Дмитріемъ Петровичемъ Волконскимъ, бывшимъ тогда вице-президентомъ гофъ-интендантской конторы, не входило въ разсчеты Шувалова, и онъ всѣми силами воспротивился этому назначенію и съумѣлъ при помощи многихъ лицъ, имѣвшихъ вліяніе на Государя, добиться назначенія Д П. Волконскаго на другую должность.

Не знавшій о хлопотахъ графа Шувалова, князь Петръ Михайловичъ былъ чрезвычайно изумленъ, когда, явившись къ Государю съ докладомъ о перемѣщеніи сына въ придворную контору, услышалъ изъ устъ Государя неожиданный для себя отвѣтъ:

— „Нѣтъ, князь, я придумалъ ему другую должность: возьми его въ вице-президенты къ себѣ въ кабинетъ, тамъ также вакансія, а въ придворную контору поищемъ другого.“

— „Этого нельзя, ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО, возразилъ князь, та должность важная, мой сынъ молодъ еще для такой должности. Да и какъ мнѣ сидѣть за однимъ присутственнымъ столомъ съ сыномъ. Это противно закону, а между тѣмъ та должность была бы по немъ, и самыя дѣла, съ которыми онъ перешелъ бы туда, совершенно ему знакомы.“

— „Почему же кабинетская должность важнѣе?—отвѣчалъ Государь,—обѣ въ третьемъ классѣ, а кабинетъ не судебное мѣсто, это моя собственность, моя комната, къ тому же ты, а не другой кто тамъ начальникомъ; при твоемъ безпристрастіи сыну можно засѣдать съ тобою. Нѣтъ, это уже рѣшено, поищи въ контору другого.“

Князь Волконскій вернулся послѣ доклада отъ Государя въ неудовольствіи и въ увѣренности, что начата была интрига, однако, вмѣсто сына намѣтилъ въ вице-президенты придворной конторы Сабурова. На слѣдующій день при докладѣ онъ предложилъ его Государю. Но кандидатура Сабурова также была отклонена, и Государь назвалъ Кочубея.

Въ своихъ воспоминаніяхъ В. И. Панаевъ въ подробности приводитъ разсказъ самого князя объ этомъ вторичномъ неудачномъ докладѣ Государю. „Министръ возвратился въ этотъ день отъ Государя въ страшномъ волненіи; щеки его горѣли, била лихорадка. „Нѣтъ, не могу больше служить!“ сказалъ онъ мнѣ. „Представьте повтореніе вчерашняго: вмѣсто сына предлагаю Сабурова, а Государь говоритъ: возьми Кочубея.—Помилуйте, „говорю, да онъ вовсе неспособенъ и недальняго ума, а Сабуровъ человѣкъ дѣльный.“

— Но, вѣдь ты самъ, кажется, не хотѣлъ прежде Сабурова?

— Какъ не хотѣлъ, когда о немъ представляю.

— По крайней мѣрѣ это отъ тебя слышали Шуваловъ и Орловъ.

— Никогда! развѣ имъ послышалось и если я что-нибудь говорилъ при нихъ о Сабуровѣ, то они, вѣрно, меня не поняли и переврали.“

Тутъ Государь позвонилъ, вошелъ камердинеръ.

— Поди, сказалъ онъ, позови сюда графа Орлова и графа Шувалова; они завтракаютъ у Императрицы.

— „А, такъ вы хотите вести меня на очную ставку, поставить меня на одну доску съ моимъ подчиненнымъ. Послѣ этого я не могу оставаться на службѣ“, произнесъ князь съ глубокимъ огорченіемъ, положилъ портфель на столъ и вышелъ изъ кабинета.

Никакія убѣжденія не могли поколебать князя въ принятомъ рѣшеніи оставить службу. 23-го Апрѣля вечеромъ онъ прислалъ В. И. Панаеву пакетъ съ надписью: „въ собственныя руки, весьма нужное, по секрету“. Въ пакетѣ заключался черновой набросокъ просьбы объ увольненіи отъ должности и записка, въ которой князь просилъ Панаева поспѣшить обработкой присланнаго черновика и доставить его князю въ тотъ же вечеръ. Но посланный не

засталъ Панаева дома, онъ былъ на балу въ Смольномъ Институтѣ. откуда возвратился лишь въ полночь.

Непоколебимая рѣшимость князя навсегда удалиться отъ дѣлъ, глубоко опечалила Панаева и по собственному его признанію. онъ долго не могъ приняться за работу. Къ утру проектъ прошенія былъ готовъ и препровожденъ князю. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ онъ былъ составленъ:

„ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ. Прослуживъ 57 лѣтъ, въ томъ числѣ 25 лѣтъ при лицѣ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА съ чистымъ сердцемъ, и, благодаря Бога, съ неукоризненною совѣстью, я во все продолженіе многолѣтней моей службы руководствовался однимъ чувствомъ—безпредѣльною преданностью къ моимъ ГОСУДАРЯМЪ и ревностнымъ исполненіемъ возлагаемыхъ ими на меня обязанностей. Воля ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА всегда была для меня священнѣйшимъ закономъ, второю моею религіею. Чуждый всякаго лицемѣрія, я слѣдовалъ ей неуклонно, смѣю сказать, съ самоотверженіемъ и былъ столько счастливъ, что ВЫ, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ, постоянно удостаивали меня ВЫСОЧАЙШАГО ВАШЕГО благоволенія. Осыпанный милостями ВАШИМИ, я былъ, наконецъ, возведенъ на высшую степень государственныхъ званій, мнѣ оставалось только усугубить послѣднія, при преклонныхъ лѣтахъ моихъ, силы, чтобы заслужить вполнѣ эту великую МОНАРШЕЮ милость и окончить остатокъ дней своихъ у подножія ВАШЕГО Престола Но внезапный гнѣвъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ которомъ, къ жестокому прискорбію, выразилась для меня и потеря довѣренности ВАШЕЙ, каковою столько лѣтъ имѣлъ я счастіе пользоваться, глубоко потрясъ мою душу. Лишаясь этого драгоцѣннаго достоянія, со вредомъ для самой службы, я нахожусь вынужденнымъ просить ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО объ увольненіи меня отъ управленія ВЫСОЧАЙШЕ ввѣреннымъ мнѣ Министерствомъ.“

Эта просьба, собственноручно переписанная утромъ же княземъ Петромъ Михайловичемъ, была послана Государю.

Глубоко растроганный Государь тотчасъ, не медля, лично поспѣшилъ къ князю.

— „Какъ?... вскричалъ онъ, тебя въ отставку? Нѣтъ! одна только смерть можетъ разлучить насъ! И съ чего ты взялъ, что лишился моей довѣренности?!“

— „Но Вы не повѣрили мнѣ и хотѣли поставить на одну доску съ Шуваловымъ,“ молвилъ съ грустью князь.

— „Напротивъ, я хотѣлъ лично удостовѣриться, толи они говорили. А тебя, ты знаешь, какъ я цѣню. Ну, не сердись на меня, помиримся“.

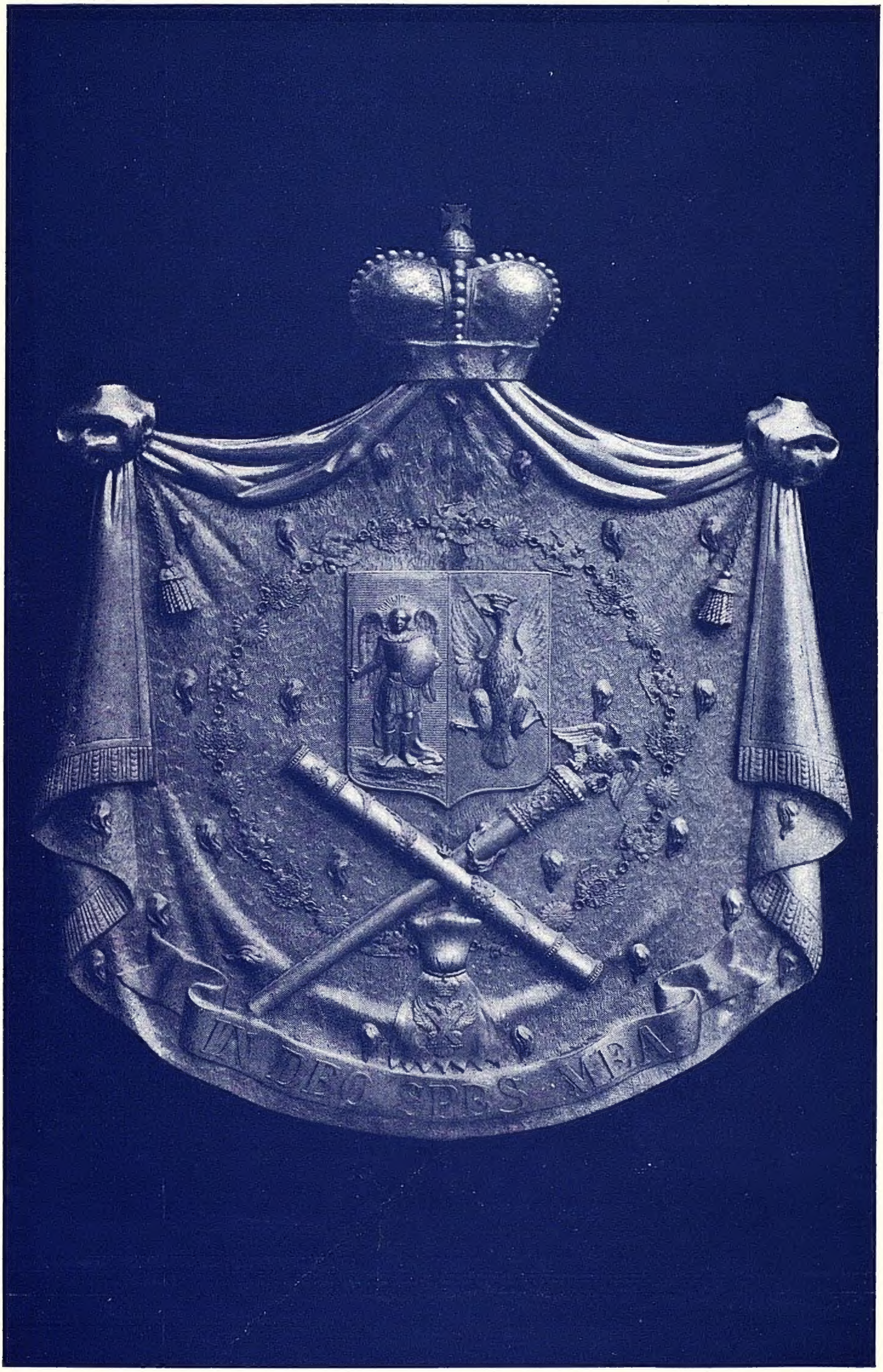
И Государь обнялъ князя, поцѣловалъ нѣсколько разъ и вынувъ изъ кармана просьбу, изорвалъ ее въ клочки.

Большой жизненный путь прошелъ свѣтлѣйшій князь Волконскій. Другъ освободителя Европы, онъ перенесъ съ нимъ горечь Аустерлицкаго погрома, видѣлъ празднества Тильзитскаго свиданія, испыталъ тяжесть Отечественной войны и войны за освобожденіе Германіи, раздѣлилъ съ нимъ торжество вступленія въ Парижъ.

Вмѣстѣ съ Императоромъ Александромъ I, Волконскій былъ участникомъ ряда за-граничныхъ конгрессовъ. Ему же выпало на долю быть однимъ изъ немногихъ свидѣтелей кончины Императора Александра I въ далекомъ Таганрогѣ. Въ послѣдніе 25 лѣтъ онъ стоялъ во главѣ Министерства Императорскаго Двора и былъ самымъ приближеннымъ лицомъ къ Царской Семьѣ. Запечатлѣвъ свое воинское служеніе подвигомъ отмѣнной храбрости подъ Аустерлицемъ, кн. Волконскій, какъ человѣкъ высокой просвѣщенности, создалъ русскій генеральный штабъ, правильно понимая, что сложное военное дѣло не можетъ идти впередъ безъ этой особой корпораціи офицеровъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ войны 1813—1814 г.г.,

Петръ Михайловичъ состоялъ начальникомъ Главнаго Штаба ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, который явился главнымъ руководителемъ въ окончательной борьбѣ Европы съ Наполеономъ, борьбѣ, увѣнчавшейся низложеніемъ великаго полководца — Императора. Наконецъ, въ теченіе восьми лѣтъ мирной жизни, онъ стоялъ во главѣ того же штаба, являясь высшимъ докладчикомъ передъ Монархомъ по вопросамъ военнаго свойства. Все это приводитъ къ выводу, что Императоръ Николай I, всегда умѣвшій отдавать достойному достойное, по заслугамъ наградилъ князя Петра Михайловича, возведя его въ высшій военный чинъ генералъ-фельдмаршала.

Публичная Библиотека


IN DEO SPES MEA

Центральное
КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Москва Центральная
Публичная Библиотека
Моск. Обл. Б-ка